

18+

НА УЗНАНКЕ

ПЪТНИКЕ

ЧУДЕС

ЮЛИЯ

ФЛОРЕНСКАЯ

Юлия Андреевна Флоренская

На изнанке чудес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63698577

ISBN 9785005308627

Аннотация

Хотите рецепт крышесносных приключений? Делюсь. Основа – дом, под завязку набитый чудесами. Ингредиенты: 1. Любовь неземная, концентрированная. Источник – клён-оборотень. 2. Беспомощная попаданка, одержимая идеей спасения мира. 3. Ее властный покровитель, обращенный в тень. 4. А также заклятая подруга попаданки, ставшая монстром на изнанке мира. Для приготовления ядреного коктейля слить компоненты в равных пропорциях. Пить в день по чайной ложке. Можно натоцкак.

На изнанке чудес Юлия Андреевна Флоренская

© Юлия Андреевна Флоренская, 2021

ISBN 978-5-0053-0862-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На изнанке чудес

*Если никогда не пойдёшь в лес,
с тобой никогда ничего не случится,
и твоя жизнь так и не начнется.*

Кларисса Пинкола Эстес

1. Вести из леса

В глазах черного кота рушились и созидались миры.

Чтобы случайно не угодить в какой-нибудь из миров, Пелагея отвела взгляд и уселась за вязание. Крючок в ее руках мог вполне сойти за волшебную палочку. Оживая, он отмерял собственное время и с запредельной скоростью генерировал цепочки любой длины.

– Твоя очередь, Обормот! – Пелагея подкатила клубок к коту, и тот лениво тронул его лапой. – Так-то лучше! Свя-

жем с тобой нить, обнесем ею дом, и ни один враг к нам не сунется.

Зависнув в небе хмурой громадой, облака попытались придавить к горизонту красный диск солнца. В глубине непролазного леса отчаянно заверещала птаха. Ждать оставалось недолго.

Нить-оберег не пускает гостей из дебрей, хоть они так настойчиво просятся в дом. И сегодня не пустит.

Пелагея вернулась, когда на Вааратон напозла глухая тень. Затворила окна, заперла засовы, поставила на огонь уютно свистящий чайник. Кот Обормот запрыгнул на печку. Там он свернулся меховой шапкой и приготовился ловить и нанизывать на усы зыбкие сны.

Но только он прикрыл глаза, как входная дверь задрожала. Затряслась, зашелестела бисерная занавеска между гостиной и кухней. Закачались над окном букеты сухих трав.

– Ну и кто это в такой час? – обернулась Пелагея. – На сквозняк не похоже.

Дверь дрогнула снова. Снаружи, во враждебной тьме, голодный зверь выпустил когти. Рано или поздно древесина поддастся. От когтей в двери останется дыра. И тогда зверь проникнет в человеческое жилище.

Выгнув спину, кот испуганно зашипел. Нет-нет, нельзя бояться! чувствуют страх. питаются твоим страхом, а потом берут пищу из рук. И ты меняешься навсегда. *Они Они*

Шурша многоцветными юбками, Пелагея решительно на-

правилась к двери.

– Уходи! Здесь тебе не рады! И еды у нас нет!

Зверь перестал скрести, вздыбил спутанную шерсть и шумно завозился на крыльце. В непроглядном мраке ночи застонал на ветру дикий лес.

– Не бойся, Обормот! – громко сказала Пелагея. – Дом не даст нас в обиду. Мы под надежной защитой, так и знай.

Любопытство и жажда перемен слишком долго держали ее в своей власти. Влекли за подернутый дымкой горизонт, туманили разум впечатлениями и уводили всё дальше от родных краёв.

Пелагея вечно куда-то бежала, и время бежало вместе с ней, странным образом отдаляя старость. Иногда чересчур быстро, а иногда – в периоды болезней и затяжных переправ – замедляясь на века.

Частички своего сердца Пелагея оставляла то у подножия зеленых гор, то у берегов полноводной реки, то на самом краю кипящей бездны. И едва не растеряла себя совсем.

А когда спохватилась, взяла билет на первый корабль до Вааратона и приплыла на родину. Тут-то и выяснилось, что она здорово отстала от жизни.

Лес вокруг дома сделался выше, гуще и таинственней. А за пределами незыблемой лесной крепости установилась власть королей.

Часть городов обросла фабриками и заводами, дымящими, как вулканы. Еще часть стала гордо именоваться центра-

ми науки и искусства.

Портовый город Заневье насквозь провонял махоркой и рыбой. А Сельпелон, вокруг которого желтыми заплатками расположились рапсовые поля, согласился на роль скромного аграрного городка. Но даже сюда добрался прогресс.

Через поля пролегли железнодорожные пути с крикливыми поездами. По дорогам теперь тарахтели безлошадные экипажи. Они сигналили, фыркали дымом и время от времени давили незадачливых пешеходов. В центре Сельпелона гремели концерты какого-то кичливого Грандиоза, а рыночную площадь заполнили торговцы с плутоватым, бегающим взглядом.

У них в сундучках хранились искусственные жуки и бабочки с диковинным механизмом в сердцевине. Заведи такую бабочку – и она начнет порхать, прямо как живая.

Лес глушил уличный гам еще на подступах. Навис над Сезерским трактом неприступной стеной – ни дать ни взять, войско молчаливых стражей. Скрипит красными соснами, воет волками из чащи, жужжит кусачими шмелями. А из глубины, словно чернила, просачивается застоявшийся мрак.

Ночью он густеет, наползает на город кисельными лапами, топит лес целиком. И рождаются из такого мрака звери, которые лишают людей покоя.

Когда дверь прекратила трястись, Пелагея привалилась к ней спиной и шумно вздохнула.

– Ну, теперь можно на боковую.

Диванчик с пухлыми подушками и стёганым одеялом уже заждался. Шаг, другой, ку-вы-рок...

Кот сделал вид, что он тут ни при чем, и закрылся пушистым хвостом прежде, чем Пелагея неуклюже растянулась на полу. Грохнулась и больно ударила по ноге деревянная скамейка.

– Обормот! Опять предметы взглядом двигаешь?! – слышался недовольный голос хозяйки. – Вот ведь вредина!

Ночь основательно навалилась на лес, выгнала из пещеры летучую мышь – и давай ставить препятствия: сосна, дуб, ель, каменная башенка, долговязый гигант со скрюченными ветками. Тренировка и еще раз тренировка.

За время рваного полета мышь слопала дюжину комаров, подкрепилась искусственной бабочкой, упорхнувшей из коллекции торговца, и с размаху влетела в дупло.

Дупло оказалось бездонным. Снижаясь, как подбитый самолет, летучая мышь успела распробовать здоровенного паука. Тот как раз лакомился пойманной мухой, и вышел довольно-таки питательный бутерброд.

Внизу крылатую странницу подхватила мягкая моховая подушка. Здесь всё было иначе. Другие запахи, другие препятствия. И лес другой.

Дорогу – прямую и пыльную – сторожили не деревья, а поблескивающие во тьме телефонные будки. Пару раз с непривычки летучая мышь врезалась в жестяную стенку. Но потом приноровилась и бесшумной стрелой понеслась к выходу –

дуплу в человеческий рост.

За пределами этого странного коридора дремала чужая площадь. Воткнутые в брусчатку, мутно горели чужие фонари. А чуть поодаль, в выключенном фонтане, плавали чужие созвездия.

Мышь не оценила всей прелести ночного города. Ее интересовала исключительно еда. Поэтому когда мимо пролетел майский жук, она метнулась за ним – и сама не заметила, как очутилась на Звездной поляне.

В центре поляны горел синим пламенем Вековечный Клён. Сжигать – пламя не сжигало, зато вполне сгодилось бы для освещения целого стадиона.

Но удивительным было не дерево. Удивляло то, что Юлиане, Кексу и Пирогу удавалось под ним спать.

На рассвете первым проснулся маленький белый пёс по кличке Кекс – и тут же засеменил к столику, где лежали бутерброды с колбасой.

– Сто-о-о-ять! – сонно скомандовала Юлиана. – Сначала упражнения!

Она как следует размяла спину, выпила кленового сиропа, что скопился в стакане за ночь, и живо переделась в наряд на все случаи жизни: длинную зеленую юбку и такой же зеленый жакет. Водрузив на голову черный цилиндр, мельком глянула в зеркало. Хорош костюмчик, сидит как влитой.

– Эй, Пирог, подъем! – Она легонько толкнула в бок маленького черного пса. Тот сопел на коротко подстриженной

травке и дрыгал лапами, словно кого-то преследовал во сне.

– Спорим, опять за призраками гоняется, – сказал Кекс.

– Да тут и спорить нечего. Подъем, соня! – крикнула Юлиана. Но Пирог и ухом не повел. А ушки у него были острые и любой звук улавливали не хуже локаторов. Поэтому Юлиана решила схитрить. Она наклонилась над Пирогом и тихо-тихо произнесла всего одно слово: – Кол-ба-са!

Пёс вскочил, как ужаленный. Чихнул, отряхнулся и запрыгал резиновым мячиком:

– Где колбаса? Хочу колбасу!

– Э, нет, – коварно улыбнулась Юлиана. – Сперва зарядка, а уж потом завтрак.

Она покрутила ручку радио, настроила аппарат на нужную волну и хлопнула в ладоши. Началась утренняя программа.

«Жители города Вечнозеленого! Как спалось?» – бодро зажужжало радио.

– Ужасно спалось, – ответила ему Юлиана и покосилась на Вековечный Клён. – Всё время чудилось, будто на меня кто-то пялится.

«Что ж, в таком случае приступим к зарядке! – как ни в чем не бывало, объявил ведущий. – Руки вместе, ноги на ширину плеч. Делаем махи поочередно: правой – левой, правой – левой!»

– Рукой или ногой? – поинтересовался Кекс.

– А у меня рук нет, только ноги, – гордо заявил Пирог.

Между тем радио закончило делать махи и перешло к наклонам.

– Ну, уж наклоняться-то вы умеете, – сказала Юлиана, сгибаясь пополам. Она забыла снять цилиндр, и тот покатился по траве. Следом за цилиндром шелковыми волнами упала копна русых волос. Вышло изящно, и Юлиана уже собралась разогнуться, но волосы, как назло, запутались в ближайшем земляничном кустике.

– Ай! Вот незадача! – пробормотала она и потянулась к злосчастному узлу.

Кекс и Пирог поняли, как делать нельзя, и быстренько изобрели новый способ. Они выставили лапы вперед, подняли хвосты и дружно поклонились Вековечному Клёну на свой манер.

– Поклон наоборот – лучшее изобретение собак, – сказал Кекс. Радио с ним, похоже, не согласилось. Оно зашипело, как разгневанная кошка.

– Что за дела? – Юлиана нахмурилась и покрутила ручку. Но радио даже не подумало сменить гнев на милость. – Отнести его, что ли, в ремонт?

По Звездной поляне промчался горячий ветер, пригибая траву и шурша в кленовой кроне тревожными шепотками. «Ой, не к добру», – подумалось Юлиане. И действительно: стоило ей так подумать, как золотые листья посыпались на землю нескончаемым водопадом, образовав плотную ширму. Что за ширмой – не разглядеть.

Когда водопад иссяк, гора палых листьев пришла в движение, и Кекс с Пирогом припали на передние лапы, завивляя хвостами, как пропеллерами. Из горы им навстречу выступил юноша дивной красоты в длинных пурпурных одеждах. Его рыжие волосы обвилились вокруг венка из остроконечных кленовых листьев и срочно требовали стрижки.

С момента, как Юлиана поселилась под Вековечным Клёном, миновало три весны, а с поры его первого превращения в человека – всего-то три полнолуния. Неужели обещания для него пустой звук?!

Она уперла руки в бока.

– Ну чего тебе на месте не стоится, а, Киприан? Ведь слово давал, что будешь охранять меня днем и ночью, в печали и радости. Что, передумал?

– И вовсе не передумал, – возразил тот, щурясь от яркого солнца. – Деревья из Вааратона передали сигнал. Просят помощи. Там у них что-то стряслось.

– Неужто Пелагея в беде? – вздернула брови Юлиана, но тут же отмахнулась от собственных мыслей. – Да не может такого быть! Чтобы попасть в беду, Пелагее нужно очень постараться.

– И всё-таки стоит проверить, – заметил юноша. – Я, пожалуй, отлучусь ненадолго. Разузнаю, что да как.

Юлиана надула губы.

– Бросаешь меня на произвол судьбы? А как же дожди? Где от дождей спрячусь? И что если нагрянет мороз?

– Пойдем вместе, – предложил Киприан. – И Кекса с Пирогом прихватим.

– Мы готовы! Мы с вами! От нас не отделаетесь! – наперебой залаяли Кекс и Пирог. Они учуяли дух приключений, взяли разгон – и давай нарезать вокруг хозяев круги. Когда речь заходила о путешествиях, они просто не могли удержать себя в лапах. Но Юлиана легко и непринужденно остудила их пыл.

– Не выйдет, – с металлической ноткой в голосе заявила она. – У меня работа.

– Тогда почему бы тебе не пожить у подружки? Кажется, у нее просторный дом, – неуверенно сказал Киприан.

Юлиана бросила на него укоризненный взгляд и набрала в рот воды. Повисло неловкое молчание.

По Звездной поляне бродил ветер. Ворошил со скуки листья, робко шевелил кудри человека-клёна и как бы невзначай касался рук. Когда молчание затянулось, ветер убрался подобру-поздорову. Немых баталий он не выносил.

– Что в землю врос? Иди уже, иди! – Юлиана отвернулась. – И без тебя обойдусь.

Киприан вздохнул, пожал плечами и зашагал вниз по холму, с каждой минутой становясь всё меньше и меньше. Когда его фигурка сделалась совсем крохотной, Юлиана шумно втянула воздух.

– Дуй, давай, в свой Вааратон! Помощник несчастный! – прокричала она вдогонку. – А я... Я себе новое дерево най-

ду!

На глаза предательски навернулись слёзы. Нет, Юлиана не должна плакать. Она сильная. Она никогда не носит с собой носовых платков. И любую неприятность выдержит с каменным выражением лица.

«Новое дерево найду». Она только сейчас осознала нелепость этой фразы. Где во всем мире сыскать еще одно дерево, которое и зимой, и летом одним цветом, оберегает от лютой стужи да щедро делится сладким кленовым сиропом независимо от сезона? Где, спрашивается?

Юлиане захотелось крикнуть, что она берет свои слова обратно, но Киприана уже было не дозваться. Расстояние и чужие беды украли его, как крадут всё, что дорого сердцу. Юлиана закусил губу, и вновь прихлынули к глазам жгучие слёзы.

«Ничего-то у вас не выйдет, – сказала она слезам. – Проваливайте, а не то я за себя не ручаюсь!»

Слезы высохли в мгновение ока. Но вот красные пятна на щеках никуда не делись. И Кекс с Пирогом поглядывали на хозяйку с подозрением ровно до тех пор, пока она не собралась и не ушла на работу.

2. Целители

На заре, когда воздух свеж, а роса еще не заблестела под солнцем, Пелагея открыла дверь. Осторожно, совсем чуть-чуть. Мало ли что может поджидать во дворе.

Но крыльцо оказалось пустым. Тихо перекликались в ле-

су ранние пташки, под навесом мотались туда-сюда толстые мухи, а по защитной нити не спеша ползла зеленая гусеница. И никого. Ни зверя, ни человека.

На обратной стороне двери обнаружились следы от когтей и странное горелое пятно.

– Так-так. Приходила кривая росомаха, – сама себе сказала Пелагея. – Скребет и скребет, будто заняться больше нечем. И ведь сегодня ночью снова явится. Интересно, скольких она уже погубила? И что случится, если я покормлю ее с рук?

Она нагнулась и двумя пальцами сняла гусеницу с нити-оберега. За ночь нить поистрепалась, защитных сил в ней убавилось, так что к вечеру придется вязать новую. Без кота Обормота здесь не обойтись.

Умывшись отваром сосновых почек и наскоро вытерев лицо душистым полотенцем, Пелагея распрямила спину. Утренняя зарядка для нее необходимый ритуал. Но выполняется он не под указания радио, а под диктовку собственного сердца.

Шаг – поворот, шаг – поворот. Раскинуть руки навстречу лесному царству – и ты невесомая горлица. Пелагея поднялась над своим бревенчатым домом, несколько раз облетела двускатную крышу и, поймав воздушные потоки, отдалась воле ветра.

Меднопёрая арния вспорхнула на верхнюю ветку.

Стоило ей запеть, как сквозь набрякшие тучи с благодар-

ностью прорвались лучи солнца. У заблудшего путника прибавилось сил – и шагать стало легче. Ожили муравейники, деловито загудели шмели. Даже лис высунул из норы любопытный нос. А где-то в чреве суетливого города хмурый изобретатель отбросил сомнения и принялся мастерить из шестеренок новый шедевр.

Но потом арнии вздумалось поклевать семян. Она взмахнула тяжелыми крыльями, оторвалась от ветки – и плавно приземлилась на пласт сосновых иголок. В тот же миг с лязгом захлопнулся клыкастый капкан. И солнце, едва выглянув, вновь утонуло в сизых тучах.

Вся недолгая жизнь Пересвета пронеслась у него перед глазами в единый миг. И как так вышло, что, ничего толком не достигнув, он помрет под колёсами самоходного экипажа? Ведь бессмыслица, согласитесь!

От прогресса этого сплошные беды. На прошлой неделе задавили почтенного доктора, вчера чуть не переехали на смерть ребенка с леденцом. Тот легко отделался. У его мамы вдруг проявились геройские способности, и она остановила экипаж на скаку. То есть на ходу. Пострадал только леденец. А теперь что, выходит, очередь Пересвета?

То ли ему улыбнулась удача, то ли смерти стало тошно от его унылых размышлений, но удара вслед за падением не последовало.

– Ты как, парень, не ушибся? – картавым басом поинте-

ресовался владелец экипажа. – На ровном месте, ай-яй-яй! Эдак недолго и ласты склеить! А ну, подымайся! – Могучая рука схватила его за воротник и поставила на ноги. – Ай-яй-яй, – покачал головой водитель. – Падают тут всякие под колёса. Повнимательней, парень! А то мне ж потом отвечать.

Пересвет утер со лба крупные капли пота и ошалело поглядел вслед удаляющемуся экипажу. Раньше-то как было? Лошадь увидит на дороге человека – притормозит. У лошади мозги есть. А у этого тарантаса? Где у него, скажите на милость, мозги? Железяка железякой. И воняет, к тому же.

У лошадей что? Навоз, полезное удобрение. А тут вредные выхлопы, из-за которых дышать нечем.

Пересвет давно усвоил: от прогресса добра не жди. Он поднял выпавшую из портфеля тетрадь для интервью (этим новомодным словцом частенько козыряла Василиса), вооружился карандашом и стремглав бросился к театру. Там, у афиши, гомонила толпа. В основном, студенты и бездельники. Хотя первых можно было вполне отнести к числу вторых.

– Грандиоз! Разрешите взять автограф у Грандиоза! – нестройным хором вопила толпа.

Протиснувшись сквозь всю эту орущую массу, Пересвет уткнулся носом в черный мундир полицеймейстера.

– Я из б-бюро п-печатных услуг «Южный ветер», – сбивчиво представился он и полез в карман. – Вот... Вот мой значок!

– От Василисы, значит? – прищурился страж порядка. –

Ну, проходи. Только смотри у меня, без глупостей! Спугнёшь Великому вдохновение – пеняй на себя.

– Понял, господин начальник! Никаких глупостей, – кивнул Пересвет и поспешил наверх по мраморным ступенькам. Если интервью пройдет удачно, Василиса заплатит двойное жалованье. А это еще один шаг к мечте.

Как же давно он не был в театре! Почитай что, с пяти лет, когда родителям выпало сразу три счастливых билета. Теперь ни родителей, ни счастья, ни билетов. Отца-шахтера перевели в город Камнезвон, ближе к горам. Мать отправилась с ним. И оба погибли при взрыве поезда. С тех пор счастье для Пересвета сделалось недостижимым.

Правда, Василиса и старый фермер утверждают, что стать счастливым можно на концертах Грандиоза. Но чтобы попасть на концерт, придется раскошелиться. Не всякий может позволить себе такую роскошь.

Пересвет толкнул массивную резную дверь – и его обступили запахи. Запах древесной стружки, запах гардин, запах заграничного одеколона и цветов.

В цветах утопал Грандиоз. Он сидел на мягком табурете, поставив локоть на стол и меланхолично подперев щеку. А вокруг, в пузатых вазах, медленно вяли гвоздики и хризантемы.

У Пересвета даже дыхание занялось: вот он, несравненный певец всех времен! Легенда – и прямо перед ним. Теперь главное в грязь лицом не ударить.

– Д-добрый день! – пропищал Пересвет и тут же закашлялся. – То есть, добрый день, великий Грандиоз! – поправился он, перейдя на низкие ноты.

Великий, казалось, только и ждал, пока к нему обратятся. Он повернул к Пересвету лоснящуюся от грима физиономию и расплылся в широкой улыбке.

– Вам того же, любезный! С чем пожаловали? – осведомился он, старательно выделяя каждую согласную букву.

Тут-то и выяснилось, что у Грандиоза целых два вторых подбородка, а улыбка больше смахивает на хищный оскал. Неприятный тип. Странно, что перед ним благоговееет столько народу. Пересвет часто заморгал и вернулся к мыслям об интервью.

– Да я, в общем-то, журналист. Хотел задать вам несколько вопросов, – промямлил он.

– А-а-а! Жур-на-лист? Стало быть, в газете обо мне напечатаете? – еще шире оскалился Великий. – Что ж, дело хорошее. Задавайте свои вопросы.

Грандиоз уселся поудобнее – а комплекции он был довольно тучной – и пригладил редкие волосы над лысиной. Пересвет собрался с духом.

– Скажите, в чем секрет вашей славы?

– Никакого секрета нет, – сверкнул зубами Грандиоз. – Это целиком и полностью заслуга матушки-природы.

– А какой совет вы бы дали начинающим певцам?

Грандиоз сделал вид, что задумался.

– Начинаящим? Хм. Почаще бывать на природе, присматриваться к траве да грибам. Ключ к успеху часто лежит там, куда заурядный обыватель даже не взглянет.

Тут Великий, похоже, спохватился. Назвать читателей будущей статьи заурядными было не лучшей идеей. Заметив, что мясистые пальцы левой руки мнут край пиджака, Грандиоз со всей силы хлопнул по ним пальцами правой и вынужденно рассмеялся.

– Я имел в виду, что все мы, конечно, неповторимы. Поэтому просто не давайте неурядицам затянуть себя в трясины уныния. И добро пожаловать на мои выступления. Да, вот так. Так и запишите. Хе-хе! А хорошо сказал, да?

В тот же вечер он дал концерт, после которого дамы плакали и смеялись, а их кавалеры с надеждой глядели в звездное небо, чувствуя себя избранными для какой-нибудь грандиозной миссии.

Пелагея поняла, что крылья слабеют, когда от шеи до кончиков перьев их пронзила острая боль. Горлица не сокол, для полетов на дальние расстояния не годится. Поэтому делать нечего – пора идти на посадку. Совсем близко промелькнули зеленые верхушки елей. Обдав горлицу облаком смолистых ароматов, предостерегающе качнулись и зашуршали сосны: "Не лети туда! Там смерть!"

Но она спускалась всё ниже и ниже, настороженно поглядывая по сторонам. На сей раз ошибки быть не могло: запо-

ведный лесной край встретил ее журчанием ручейка и мелодичным переливом колокольчиков, подвязанных к ветке молодой сосны.

Горлица опустилась рядом с колокольчиками, трижды повернулась на лапках вокруг своей оси и снова стала Пелагеей с глазами цвета свежей листвы и мелкими каштановыми кудряшками. Она присела на корточки и зачерпнула воды.

– Наблюдать за лесом занятие утомительное, – пожаловалась Пелагея ручью. – Браконьеры свои капканы прячут. Сверху не видать. Но я всё равно не позволю истреблять арний. Когда они поют, даже в самом черном сердце зарождается радость. Грандиозу с ними не тягаться. Верно говорю, братцы?

Она обернулась, да так резко, что чуть не соскользнула с камней. Из кустов выглядывали шаловливые лисята. Чуть поодаль бестолково прыдал ушами бурый заяц. А в зелени орешника, из-под ветвистых рогов, за Пелагеей внимательно следили олени глаза.

Потом олень внезапно дёрнулся, метнулся вбок и пропал за деревьями. Зайчишка юркнул под куст. Лисята перестали кусать друг дружку за уши и мгновенно исчезли в неприметной норе.

Пелагея явственно различила щелчок. Поднявшись, разгладила многослойную юбку и бросилась на подмогу. В ржавом капкане билась и громко плакала арния.

– Сыроежки трухлявые! – выругалась Пелагея. – И кто ж

это с тобой сделал?!

Она схватила капкан за обе «челюсти» и с усилием потянула в разные стороны. Тот поддался, но в отместку отвратительно проскрежетал.

По коже пробежала волна липкого холода. То ли из-за скрежета, то ли из-за дурного предчувствия. Пелагею предчувствия редко обманывали. Стоило ей взять на руки окровавленную птицу, как она ощутила на себе прицел охотничьего ружья. Заскорузлый палец напрягся, чтобы спустить курок. Пули вылетят одновременно из двух стволов, поразят прямиком в сердце, прожгут насквозь, если она сейчас обернется. Уж лучше стоять к врагу спиной.

Пелагея страшно перепугалась, но предпочла не подавать виду.

– Бедняжечка, – сказала она арнии. А поджилки у самой так и трясутся. – Как ты теперь летать будешь? Тебя бы к лекарю. Только вот лекарей в округе не сыщешь. Для начала промоем рану в ручье.

Она двинулась по направлению к ручью маленькими шагами, холодея от пяток до корней волос. Главное, подальше от вражеского укрытия. Туда, откуда удастся убежать.

Но охотник раскусил ее план – пули, как острые молнии, вырвались из двустволки и устремились к цели. Лес сотрясли звуки мощного выстрела.

«Котик, береги дом. Не позволяй никому ходить на чердак», – проскочила в уме пульсирующая мысль. Протяну-

лась тонкой лентой – и распалась на части, словно ее разрезали ножницами. Пелагея выронила птицу и упала на колени, прикрывая руками голову.

В последние доли секунды снаряды перехватила подвижная тень. Она возникла из воздуха, словно какой-нибудь бестелесный дух.

Несмотря на свои длинные одежды, «дух» легко и непревзойденно перемахнул через поваленное дерево, выставил руку и без особого труда поймал раскаленные пули. Они пахли смертью. Спаситель поморщился, небрежно наклонил ладонь и позволил им упасть в серую пыль.

Охотник струсил не на шутку. Решив, что имеет дело с потусторонними силами, он попытался улизнуть. Но не тут-то было. Спасителю хватило всего одного щелчка пальцев, чтобы ближайшее дерево опутало охотника гибкими ветвями. Оплело – не пошевелиться.

Ружье вывалилось из рук и покатилося по склону. Защищаться нечем. Хочешь – не хочешь, а взмолишься о пощаде. Усатая физиономия браконьера скукожилась и полила крокодиловы слёзы. Не знаю, говорит, кто вы такой будете, но отпустите меня на свободу.

«Фи, ну и плакса!» – подумала Пелагея. Она уже успела несколько раз проститься с жизнью, дать мысленные наставления коту Обормоту и была несказанно удивлена, обнаружив себя в полном здравии. Испуг выветрился в два счета, и на его место пришло любопытство. Кто это, интересно, та-

кой быстрый и ловкий, что пули на лету хватает?

Спаситель на нее даже не взглянул.

– Выкладывай, чью волю исполняешь, – сурово повелел он охотнику. – Тогда отпущу.

Но охотник неожиданно проявил несговорчивость. Он наконец-то повел себя как мужчина и прекратил рыдать. Вытянул шею, повернул голову на восемьдесят градусов и гордо умолк, давая понять, что ни слова из него не вытянешь.

Спаситель пожал плечами.

– И без тебя разберемся.

Он неслышно приблизился к пленнику, поднял с земли ружье и подул на приклад. Там золотыми завитушками было выведено уже знакомое всем имя «Грандиоз».

– Ну и дела! – воскликнула Пелагея. Она так близко подобралась к своему благодетелю, что смогла прочесть надпись. А еще наступить на его необъятную хламиду. Хламида была пурпурного цвета. Такие в прошлом носили знатные вельможи.

Юноша в тревоге отшатнулся, но тотчас вновь напустил на себя невозмутимость.

– Грандиоз поёт на сцене, а в промежутках между выступлениями охотится на арний? Очередная прихоть богача, – сделала вывод Пелагея. – Поди разбери, что у него на уме.

– Может, он продает их перья за большие деньги? – предположил юноша.

– А что, вполне!

Тут Пелагея внимательно оглядела его с запылившихся сандалий до макушки, заметила веночек из кленовых листьев и полюбовалась рыжей шевелюрой.

– Где-то же я тебя видела, – пробормотала она. – Только где, не вспомню.

– Нелюдь он! Из потусторонних! – подал голос охотник. – От таких подальше держаться надо!

– Это от тебя надо подальше держаться, – фыркнула Пелагея. – Чуть не угробил!

Юноша между тем смотрел на нее и улыбался. За эту улыбку иная уже отдала бы душу или, по крайней мере, отвалила бы изрядный куш лишь затем, чтобы ей вот так улыбнулись. Но Пелагея ничего не смыслила в чарах обаяния, поэтому просто дружески похлопала его по плечу.

– Ты ведь Киприан, не так ли? Едва узнала. А почему ты вдруг явился в Вааратон? Да еще столь эффектно.

– Деревья сказали, у тебя неприятности.

– Ерунда какая! – снова фыркнула Пелагея. – Нет у меня неприятностей.

– А как же тот тип, которого я только что обезвредил?

– Пустяки! Я бы обратилась горлицей и упорхнула в небо.

– И там бы тебя подстрелили, – зловеще изрек Киприан. – Ты слишком беспечна. И еще, позволь напомнить: птичка, которую ты вытащила из капкана, вот-вот отправится в лучший мир.

Пелагея засуетилась. Она подбежала к арнии, которая ис-

текала кровью, и прижала ее к груди.

– Что делать? Что же теперь делать? Если она умрёт, солнца станет еще меньше. Тучи сгустятся. Полюют дожди!

– Впервые слышу, чтобы из-за птиц портилась погода, – признался Киприан.

– Но ведь она птица необыкновенная! Арния! – взволнованно произнесла Пелагея. – Лесничие называют арний проклятием и благословением Вааратона. Не знал? Так теперь знай! Ее нужно вылечить, во что бы то ни стало.

Киприан присел на корточки с ней рядом, мягко обхватил за плечи и заглянул в глаза.

– Послушай, если ты сейчас же не возьмешь себя в руки, я возьму тебя в свои. На Юлиану это успокоительное действует безотказно.

Пелагея поспешно вывернулась.

– Я спокойна. Спокойна. Надо всего лишь остановить кровь. Перевязать крыло...

Она уже собралась пожертвовать частью подола, но Киприан ее опередил. Он рывком оторвал от своей хламиды такой огромный лоскут, что смог бы забинтовать птицу целиком.

– Готово! – заявил он, покончив с перевязкой. – Но неужели ты до сих пор не знаешь, на что способна?

– А на что я способна? – озадаченно поморгала Пелагея.

– Ты сама целительница. Разве не помнишь, как исцелила меня, когда я был человеком лишь наполовину? Ты заменила

древесные соки человеческой кровью, всего-навсего обняв меня на прощанье! С тех пор я без проблем меняю обличья.

Пелагея недоверчиво взглянула на свои ладони, медленно опустила их арнии на крыло и втянула носом настоявшийся в соснах воздух. Перевязка птице больше была ни к чему.

3. Идеи и догадки

Над лесом глухо пророкотал и заворочался гром.

– Далеко до твоего дома? – спросил Киприан.

– Ой, далеко! – вздохнула Пелагея. – В часе полета горлицы. Но сейчас в небо подниматься опасно.

Она задрала голову. Словно предупреждение, в тучах громыхнуло еще раз – гораздо ближе и яростней. Грозовой великан тащил куда-то тяжелые картонные коробки, на каждом шагу роняя их одну за другой.

Ослепительно-белой вспышкой сверкнула молния, и закрапал скромный дождик. Но скромничал он лишь на первых порах. Когда становилось ясно, что никто и ничто ему не помешает, дождь входил во вкус и затапливал поля, дороги, а с ними заодно и городские кварталы.

При вспышке Пелагея вздрогнула. Киприан, ни слова не спросив, сгреб ее в охапку. А на слабые протесты лишь отвел, что это для ее же блага.

– В какой стороне дом? – уточнил он. Пелагея вытянула дрожащую руку:

– Там.

Пурпурные одежды надулись на ветру, как паруса. Закру-

жив пыль с иголками серым вихрем, Киприан вместе с Пелагеей мгновенно пропал из виду.

Охотник всполошился. Вот-вот разразится страшная буря, а его обрекли здесь на верную гибель. Древесная ловушка внезапно сжалась крепче, выталкивая из лёгких оставшийся кислород.

– Эй! Эй, вы! – хрипло проорал охотник в перерывах между раскатами грома. – А как же я?! На помощь! На... на помощь! – просипел он. Глаза выкатились из орбит. Рот судорожно глотал воздух. Над макушками деревьев роптала гроза.

Охотник увидел на земле две мутно поблескивающие пули – те самые, что были выпущены из ружья.

«И поделом мне, – подумалось ему. – Скверному человеку скверная смерть».

Но смерть в последнюю минуту передумала. Когда жизнь почти покинула тело, прутья ловушки внезапно ослабили хватку и со скользким шелестом втянулись внутрь ствола.

– Не устаю удивляться, – сказала Пелагея, когда они очутились на крыльце. – Как ты сумел преодолеть такое огромное расстояние за... – Она по очереди загнула пальцы. – Неважно. Но в марафоне ты обошел бы любого.

Губы Киприана тронула улыбка.

– Мне нельзя участвовать в марафоне, – сказал он и заботливо опустил ее на землю. – Меня сразу же исключат.

Молния полыхнула от края до края. И тут же, без задержки, грянул оглушительный громовой залп. Теперь грозовому великану было не до коробок. Он со всей дури лупил по небесной тверди исполинским молотком.

Пелагея зажала уши.

– Давай скорее внутрь, – не слыша собственного голоса, взмолилась она.

Добротный бревенчатый дом встретил их радушным потрескиванием пламени в печи и запахами, от которых текли слюнки. Кто-то хозяйничал на кухне.

– Ты разве не одна живешь? – приподнял бровь Киприан.

– С котом. Как и всегда. Пока меня нет, он за главного.

Интересно, чем он порадует нас сегодня?

За века, проведенные в образе дерева, Киприан, многое понял и принял как должное. Собаки лают и обожают хозяев, даже если те пропускают время кормёжки. Кошки охотятся на мышей и урчат, когда их гладят по спинке. Но чтобы кот по собственной воле, да еще и бесплатно, устроился работать поваром – нет, что-то здесь не сходится.

Раздвинув бисерную занавеску, Киприан прошел на кухню и не поверил глазам. Черный кот с черными, как бездна, глазищами, царски восседал на столе. Напротив, над огнем, булькало непонятное варево, и половник помешивал его без чьего-либо участия. А на сковороде трещало масло и жарилась – страшно представить – мышь!

– Умница, Обормот! И для себя, и для нас обед гото-

вил! – похвалила Пелагея и на всякий случай пояснила: – У него это хобби.

Киприан почувствовал, как на его лицо заползла дурацкая ухмылка, и поспешил от нее избавиться. Пелагея тем временем вооружилась небольшой оловянной ложкой. Она распробовала варево котла и одобрительно кивнула:

– Очень даже съедобно! Угощайся!

Киприан отказался, сославшись на то, что ему, существу из верхних миров, есть вовсе не обязательно. Пока Пелагея усердно дула на ложку, он решил получше осмотреть дом.

Просторный, с тремя неполными этажами и прочными стенами из бревен, он пах смолой, древесной стружкой и краской. Недавно кто-то легкомысленно покрасил винтовую лестницу в голубой цвет. И теперь она досыхала.

Киприан едва не споткнулся о банку – она коварно притаилась у нижней ступеньки. Там же, прилипнув к газете, лежала наполовину голубая кисть.

– От винтовой лестницы держись подальше! – с набитым ртом крикнула Пелагея. – А то потом одежду не отстираешь!

Киприан не стал говорить, что любое пятно с его балахона выводится само по себе. Его вниманием завладело окно. На широком подоконнике сушились какие-то цветы и стручки фасоли. А там, где положено быть занавескам, висели и пылились травяные букеты.

В стекло били струи дождя. Гроза слепила фиолетовыми вспышками. На пропахшей лесом стене мерно тикали часы.

Ни в верхних мирах, ни гораздо позже – в мире у Юлианы – Киприан не видел подобных штуквин. Его время всегда равнялось бесконечности.

Придет пора – и Юлиана состарится. Состарятся и лягут в могилы его друзья, а он по-прежнему будет молод и неуязвим. Киприан поскорее отогнал гнетущие мысли и занялся осмотром второго этажа. Этаж был половинчатым. Он делился на библиотеку и глухую, как чулан, комнату, которые никак друг с другом не общались. Между ними пролежала пустота.

В библиотечное крыло вела веревочная лестница. Перекладыны скрипели и посвистывали под ногами, вращаясь на тугих поперечных канатах. Взобравшись по лестнице, Киприан встал на колени и перегнулся через низенькое ограждение. Вид отсюда открывался что надо. При желании можно установить за Пелагеей слежку, и она ничего не заподозрит. Только вот как бы самому с этой верхотуры не сверзиться.

Пелагея тем временем управилась с обедом и вышла в центр гостиной.

– Знаешь, что я думаю? Старый капкан предназначался не для арний, – сказала она и удивленно повертела головой. – Эй! Куда подевался?

– Здесь я, здесь! – отозвался Киприан.

Она глянула вверх и рассмеялась. Ее гость, весь из себя такой статный и благородный, спускался, переворачиваясь вместе с лестницей и судорожно цепляясь за перекладыны.

Ни дать, ни взять – мальчишка-сорванец. Наконец он спрыгнул, поправил веночек из кленовых листьев и, как ни в чем не бывало, заложил руки за спину.

– Если капкан не для арний, значит, для диких зверей, – рассудил Киприан.

– Птиц ловят в силки. Собственными глазами видела. А силки прячут в кронах, я смогла вывести из строя только некоторые из них. Так неудобно! – пожаловалась Пелагея. – Но что самое ужасное, теперь известно, кто за этим стоит. Грандиоз в Сельпелоне очень влиятелен. Ему подчиняются прямо как королю, хотя он просто поет на сцене. Ума не приложу, как до него донести, что ловить арний незаконно?

– Тут не объяснять, тут действовать нужно, – сказал Киприан. – Пошлю-ка я весточку Юлиане. Пусть разузнает, за чем Грандиозу птицы. У нее много связей. А там мы что-нибудь придумаем.

Он мигом настроил послание, запечатал в конверт и отправил с почтовым голубем. Лес и весь Вааратон медленно погружались в ночь.

– Где спать будешь? – осведомилась Пелагея.

Киприан чуть не брякнул, что поспит стоя. Ему, по старой привычке, постоянно хотелось укорениться.

В итоге, остановились на гамаке. Он был подвешен к самому потолку, прямо над комнатой-чуланом. У этой комнаты имелась собственная плоская крыша, которая, точно так же, как и библиотека, была огорожена парапетом из низких

деревянных балясин.

– Пелагея, да ты настоящий экстремал! – крикнул Киприан из гамака. Его переполнял восторг. Гамак качался, поскрипывал, и было слышно, как стучит по черепице дождь.

– Дом мне достался совершенно случайно. И не я в потолок крепления вкручивала. Гамак тоже не мой, – сказала Пелагея.

Она приставила к стене стремянку и повесила на крюк банку со светлячками.

– Ночник, – пояснила она. – Если что понадобится, зови. Я буду в гостиной.

– Слушай, а твой кот... – Киприан осёкся, не зная, как продолжить.

– Он нездешний, – сказала Пелагея. – Много чего может. Не только готовить. Хоть ты тоже нездешний, советую его не дразнить. И в глаза ему не смотри.

С такими словами она сложила стремянку и вернулась на первый этаж.

За окнами ухали совы. Шелестели во тьме летучие мыши. Лес стонал, гнулся и пытался ухватить луну мохнатыми черными лапами. Пелагее было не до сна. Она ворочалась на диванчике и ждала, когда придет зверь. Зверь явился в положенный час.

Дверь содрогнулась от удара, за которым последовала еще пара настойчивых бросков. Пошли в ход острые когти. Эти когти не раз терзали белок и мелких пичуг.

– Зря стараешься, – прошептала Пелагея. Она связала прочную нить защиты, поэтому сегодня ее дом надежнее всякой крепости и прочнее любой скалы. О скалу можно биться, пока не утратишь разум. Сточить до основания когти и клыки. Но она останется неприступна.

Кривая росомаха прекратила попытки проникнуть в дом. Но только лишь сегодня. Завтра ночью она придёт снова.

Пелагея глянула наверх, где, под потолком, дремал и ворочался в гамаке Киприан. Ему снилось что из ступней у него выросли корни, проникли в стены и оплели дом в поисках воды. Но вода скрыта глубоко под землей. Скрыта так же, как и его истинная сущность, которой не суждено проявиться. Вход в верхние миры закрыт для него навсегда.

Утро всё расставило по местам. Уверенно отделило сон от яви и принесло новые известия. Вместо того чтобы отправить ответ на письмо Киприана, Юлиана явилась в Вааратон собственной персоной. Прежде она уже гостила у Пелагеи, а потому знала ее дом, как свои пять пальцев.

Толкнула входную дверь, без препятствий перешагнула через нить-оберег – и лицом к лицу встретилась со своим кошмаром. Забравшись на полку для шляп, ее гипнотизировал кот Обормот. Черный, как впадина на морском дне. И глазищи тоже черные, с мерцающими звездочками внутри. Юлиана застыла, не смея отвести взгляда. Она почувствовала, что начинает терять себя и вот-вот пропадет в этой звездной яме без следа.

Но тут вмешались ее верные и неразлучные псы. Черный Пирог с острыми ушками укусил ее за лодыжку – он кусал с упоением и неважно кого. А белый Кекс разразился визгливым лаем, который вывел Обормота из себя. Кот зашипел на пса, Юлиана запрыгала на одной ноге – и на этом инцидент благополучно исчерпался. Из кухни, размахивая поварешкой, выбежала Пелагея.

– Ах ты, ну ты! – всплеснула руками она и спустила кота с небес на землю. Вернее, с полки на пол. – Обормотище, знай своё место, – приказала она. И устремилась к Юлиане с распростертыми объятиями.

Юлиана увидела ее запачканный передник, потом взглянула на свой чистенький походный костюм – и чудом увернулась от горячих приветствий.

– Какими судьбами?! – воскликнула Пелагея. – Не представляешь, как я соскучилась!

– А уж я-то! – усмехнулась Юлиана. – Но перейдем к делу. Где тут любитель всех спасать? А ну, выходи!

Из-за парапета на крыше тайной комнаты показалась рыжая взъерошенная голова в знакомом венке. Киприан как раз заканчивал десятое отжимание, чтобы перейти к приседаниям.

Если ты недавно был клёном, а потом вдруг решил стать героем, поддерживать форму твоя святая обязанность. Потому как на деревянных ногах далеко не уйдешь. И уж тем более не убежишь.

– Пришла? – отдуваясь, крикнул Киприан. – Рад тебя видеть!

– Ага. Как же, рад он, – сказала Юлиана и вынула из кармана юбки миниатюрный пульт управления. – Вот оно, чудо техники! Встречайте: моя кровать!

Как только она нажала на кнопку, в дверной проем медленно, по-хозяйски всплыла громоздкая конструкция на нескольких винтах-пропеллерах. Она жужжала, как пчёлы на знойном лугу, и приводила воздух в движение, как настоящий вентилятор. За кроватью в сени робко проплыл прикроватный столик. На нем, зажатый между стопками пластинок, висился граммофон.

– Ну как? Впечатляет? – поинтересовалась Юлиана. – Наши изобретатели постарались. А у вас, в Вааратоне, есть прогресс?

– Прогресс-то, конечно, есть, – сказала Пелагея. – Еще какой, сумасшедший. Но я его к себе не пускаю. Натворит он бед – не исправить.

– Ты безнадежно устарела, – заявила ей Юлиана и проследовала в гостиную, ведя за собой кровать и столик, точно собачонок на поводке. Уж Кекс с Пирогом такого к себе отношения точно бы не потерпели.

– Теперь у нас будет весело, – предрёк Киприан. Он осилил сотню приседаний и спустился по винтовой лестнице без опасений испачкаться краской. За ночь лестница высохла окончательно.

– Весело – не то слово! – подмигнула Юлиана и встала на цыпочки, чтобы дотянуться до прикроватного столика. Выбрав пластинку наугад, опустила иглу граммофона – и заиграл старый вальс. С помехами, звуковыми кляксами – в общем, всё чин по чину.

– Эта музыка навевает мысли о дальних странствиях с компасами, картами и барометром, – сообщила она, после чего принялась кружиться по гостиной, шурша зеленой юбкой.

– О! У меня как раз есть барометр! – обрадовалась Пелагея. – Последнее чудо техники!

– Изобретено сто лет назад, – осадила ее Юлиана. – Но ничего. Скоро твой дом наполнится такими штуковинами, что только держись! – пригрозила она.

И вдруг замерла, едва не налетев на прочный дубовый стол. Стол напомнил ей о совещаниях, собраниях и переговорах, которые слишком часто проводились у нее на работе.

– Ах да! Насчет письма. Мои друзья-сыщики навели справки и раскопали кое-что любопытное.

Киприан и Пелагея моментально уселись за стол и приготовились слушать. Кекс с Пирогом тоже оживились. Уловив, что говорят о каких-то друзьях-сыщиках, они решили, будто речь о них.

Псы были убеждены: со дня на день их признают заправскими следопытами, вручат по медали за острый нюх и две горы косточек в придачу. Но тут их постигло разочарование.

Имя Грандиоза они услышали впервые. А стало быть, медалями за острый нюх наградят кого-то другого.

– Этот ваш Грандиоз тот еще фрукт, – понизив голос, сказала Юлиана. – Выяснилось, что раньше он проживал в Пеметоне – городе искусств. Там он, вроде как, занимал высокий пост и был, что называется, важной шишкой.

– Тогда почему он вдруг переехал в наше захолустье? – спросила Пелагея.

– В том-то и странность. Поговаривают, он уже тогда давал небольшие концерты. Но тамошние гении обозвали Грандиоза дилетантом, а его пение – козлиным бляением. Еще поговаривают, что в отместку он их всех... – Юлиана многозначительно провела ребром ладони вдоль горла, – порешил.

– Зелень сушеная! – не выдержала Пелагея. – Да разве можно так с живыми людьми?!

– Теперь они, скорее всего, уже мертвые, – зловеще произнесла Юлиана и обычным голосом добавила: – Хотя кто знает? Наверняка базарные бабки пораспускали слухов и Грандиоз никого не убивал.

– В любом случае, арний истребляют его люди, – вмешался Киприан. – Деревья недаром забили тревогу. Да и Пелагея говорит, что от арний многое зависит.

Юлиана откинулась на спинку стула и сложила руки на груди.

– Хотите вправить мозги богатенькому браконьеру? По-

хвально. Но учтите, у вас могут возникнуть проблемы. Без меня, Кекса и Пирого не обойдетесь.

Кекс и Пирог благодарно завилияли хвостами. Наконец-то о них вспомнили. Может, им всё-таки светит по крошечной медали.

– Только вот еще что. – Юлиана со значением подняла указательный палец. – Отпуск я взяла всего на месяц. Нам ведь хватит месяца, чтобы всё тут утрясти?

Пелагея с Киприаном озадаченно переглянулись. Они даже не знали, с чего начать. Заявиться к Грандиозу в поместье и сказать: «Дяденька, сворачивай свои грязные делишки»?

В лучшем случае он рассмеется в лицо, в худшем – порешит, если верить слухам. Да и вообще, никто их в поместье не пустит. У великого певца на каждом углу охрана. Да не простая – вооруженная. С такой лучше шутки не шутить.

Юлиана взглянула на растерянную Пелагею. Перевела взгляд на Киприана, который хмурил брови, подперев щеку кулаком. И поняла, что дело труба.

– Э, нет. Так вы ничего не надумаете. Вот я сейчас помоюсь с дороги, приведу себя в порядок – и сразу выдам вам сотню идей. Где тут у тебя идейное место? – осведомилась она у Пелагеи.

– А? Чего? – вздрогнула та.

– Ванная, говорю!

Дверь в «идейное место» была размалёвана рукой художника-неумехи. По всей видимости, он хотел изобразить бе-

резы, но вышло что-то невразумительно-пятнистое с зелеными кляксами поверху.

Юлиана заперлась в ванной, долго плескалась в бассейне с горячими камнями и во всю глотку распевала куплеты любимой песни. Услыхав, как она поёт, Киприан вернулся к реальности.

– Ну и зачем нам, спрашивается, Грандиоз, когда можно каждый день такие концерты слушать? – рассмеялся он.

4. Концерт Грандиоза

Семейство Грандиоза обедало в зале, обставленном со вкусом и блеском. Блестели люстры, блестел добросовестно начищенный пол. Блестели серебряные вилки и ножи. Только лица присутствующих почему-то хмурились, словно вот-вот зарядит беспросветный дождь.

Гедеону после вчерашней ссоры кусок не лез в горло. А когда официант поднёс на тарелке ненавистные голубцы, настроение вообще упало ниже цокольного этажа.

Отец у Гедеона велик и могуч, прямо как утёс на берегу моря. Любое слово поперёк – и ты попадаешь в немилость. Как вчера, например. Гедеон выразил желание отправиться с охотниками в леса, а Грандиоз ответил, что с такой кислой физиономией он распугает всё зверьё, и посоветовал поиграть на скрипке.

Гедеон покорно взялся за скрипку, но и тут отец заявил, что от такой кислой игры у него, видите ли, вянут уши. Гедеон вспылил и не в самых пристойных выражениях выложил

всё, что думает. В частности, посоветовал успокоить нервы у психиатра.

Грандиоз не растерялся и надавил на больную мозоль. Дескать, сын у меня непутевый и наследства ему не видать, как своих ушей. Наследство, объявил он, достанется младшей сестре Гедеона – Селене. Та и умна, и проворна, и отцу не перечит. Даже Рина – приёмная дочь – и то лучше воспитана.

«Вечно он ко мне придирается», – понуро думал Гедеон, ковыряя вилкой остывший голубец.

Вечером он с похоронной миной сидел в ложе театра и слушал очередную отцовскую арию. Дети Грандиоза обязаны присутствовать на всех его выступлениях. Что за глупое правило?!

Слева от Гедеона с достоинством восседала Селена – в черном платье с подолом из многослойного тюля. Справа – в неброском голубом наряде – с замирающим сердцем глядела на сцену Рина. Эта простушка вечно возилась со своей лошадкой, часами пропадала в лугах и слыхом не слыхивала о светских манерах. Даже сейчас от нее немного пахло конюшней. Дерзить отчиму она в жизни бы не посмела. При всяком удобном случае он мог запросто выдать ее замуж. А это, как считала Рина, худшее из наказаний.

Гедеон мнил себя незаслуженно оскорбленным и притесняемым со всех сторон. Однажды его заметят, оценят, но будет уже поздно.

Концерт, как и всегда, закончился бурными овациями.

Никто не вернул деньги за билет, не встал и не ушел посреди выступления. Зал был набит битком. Люди поднялись со своих мест и не уставали хлопать в ладоши.

Кто-то кричал «Браво!». Еще пара новичков вызывала на «бис». Им не сказали, что Великий поёт без повторения. На сегодня слушатели уже получили необходимый заряд радости. Продержатся неделю, это уж точно. А если не продержатся, добро пожаловать на следующий музыкальный вечер. Правда, чтобы часто покупать билеты и не разориться, нужно иметь приличный доход.

На улице моросило. Газовые фонари давали тусклый свет, по намокшей брусчатке стучали колесами безлошадные кареты. На другую сторону дороги, придерживая котелок, перебежал молодой человек и раскрыл для Василисы зонтик. Та скептически оглядела его потрепанный костюм и поправила на руке тонкую ажурную перчатку.

– Погода – ужас! – высказалась Василиса. – Эти бесконечные дожди нагоняют на меня хандру. Не будь на свете Грандиоза, не знаю, как бы я жила.

– Если бы не проблемы в бюро, сам с удовольствием сходил бы послушать. Пока налаживал работу печатных машинок, семь потов сошло. Умаялся, – пожаловался ее спутник. – В голове одни клавиши. Стучат и стучат. А теперь еще и снятся. Скоро с ума сойду.

– Не городи чушь, Елисей. Люди сходят с ума, когда встречаются с Мердой. Остальное можно выдержать. И ты вы-

держишь, – с нажимом проговорила Василиса. – Не будь я управляющей «Южного Ветра»!

Она замолкла. Горожане расходились по домам в полной тишине, чтобы не растерять вдохновение и радость, которые дал им Великий. Заточив себя в стенах, заполнив дни однообразной, бездумной работой от рассвета до заката, они объявили жизнь серой и унылой. И оказались правы. Потому что сами сделали ее такой.

Обормот обмахнулся черным пушистым хвостом и невозмутимо запрыгнул на диван. Кекс зарычал. А вот Пирог, который в момент «кошачьего гипноза» был целиком занят хозяйкиной лодыжкой, дружелюбно твякнул и встал на обивку передними лапами.

– Эй, привет! Давно не виделись!

Кот презрительно промолчал.

– Обормот, прояви уважение, – сказала Пелагея. – Готовить умеешь, а воспитания ноль. Это же просто собака!

Но Обормот гордо отвернулся. Будет он еще со всякими "простособаками" разговаривать.

Из ванной с полотенцем на волосах вышла распаренная Юлиана. Щеки налились румянцем, от кожи шел тонкий аромат лаванды.

– Твои горячие камни просто чудо что такое! – сказала она. – Я словно заново родилась. Вот надену тёплые носки – и будет совсем хорошо. Лето у вас больно холодное выда-

лось. Кстати! – Юлиана подбежала к сумочке и долго в ней рылась, пока, наконец, не вытащила разноцветные вязаные гольфы. – Помнишь, Пелагея? Однажды они спасли Киприану жизнь. А он их, представь, не взял! Я как увидела, переполошилась вся.

– Было бы из-за чего волноваться, – пожал плечами Киприан.

Пелагея пронизательно сощурила глаза.

– Эх ты! Да ведь это всего лишь предлог! Она соскучилась, потому и пришла. Не мне тебе объяснять.

– Я тоже соскучился! – твякнул Кекс.

– И я! – подхватил Пирог. Он процокал когтями к Киприану и упёрся передними лапами ему в колени. Киприан потрепал его по голове.

– И почему тебя только Пирогом назвали? Ты же черный, как сажа!

– Пирог имеет свойство подгорать, – хихикнула Юлиана и покосилась на Обормота. – Уж с этим негодником мои пёсики, надеюсь, поладят. Эй, кошачья морда, ау!

Обормот немедленно впился в нее уничтожающим взглядом. Юлиану даже передернуло.

– Не смотри ему в глаза! – предостерегла Пелагея. – У него привычка переправлять надоедливых людей в иные измерения. Потом не выудим тебя оттуда.

– Между прочим, ты собиралась выдать нам гору идей, – напомнил Киприан, пристраивая на диване полы своего

длинного одеяния.

– Идеи? Какие идеи? – растерялась Юлиана. – Да я из-за этого котяры чуть собственное имя не запамятовала!

– Тогда будем придерживаться моего плана. Нужно постараться и освободить из силков как можно больше арний. Работать придется каждый день. Ты готова, Пелагея? Я научу тебя кое-каким хитростям.

Пелагея вскочила с места, да так резво, что едва не опрокинула стол.

– Всегда готова!

Она схватила котомку, раздобыла в шкафу порядком залежавшийся белый цилиндр и водрузила его себе на голову вверх дном.

Юлиана заявила, что собирается просидеть дома целый день.

– Идите, развлекайтесь! Или что там еще... Обучай ее своим премудростям. А я обойдусь. Куда уж мне-то! – Она швырнула Киприану разноцветные гольфы, и те полетели на пол. – Надевай, давай! Целее будешь.

Киприан наклонился их подобрать, не сводя с Юлианы глаз. Чего только не было в этих его пронзительных янтарных глазах! Лёгкое недоумение, мягкая, едва заметная улыбка, трогательная забота. И, уж конечно, любовь, способная оживить даже самое зачерствевшее сердце.

Когда Юлиана осталась одна, ей показалось, будто часы идут слишком медленно, тикают слишком громко и нарочно

действуют на нервы.

Кот Обормот восседал на спинке дивана с таким надменным видом, словно все вокруг должны ему прислуживать. А псы наострили уши и с горем пополам вскарабкались по винтовой лестнице к комнате-чулану. Предчувствия их не обманули: на двери висел хитроумный замок с буквенным кодом.

– Я знаю алфавит, как свои четыре лапы, – с гордостью заявил Пирог. – А что насчет тебя?

– Неа, – расстроился Кекс. – Меня такому не обучали.

– Тогда, чур, ты тащишь коробку, – распорядился Пирог. От важности его прямо раздувало. Черный хвост стоял, как антенна. Острые ушки ходили ходуном. Пёс предвкушал удачу. Он подберет секретный код, проникнет в запретную комнату и увидит... А может, услышит. В любом случае, что-нибудь такое точно произойдет. Без надобности двери не запирают. А если уж заперли, стало быть, хотят сохранить страшную тайну. Пирог считал себя мастером по раскрытию тайн.

Кекс приволок коробку из-под швейных принадлежностей. Иголки, нитки и спицы он растерял по дороге.

– Пелагея меня убьёт, – сказал он. – Но чего ни сделаешь ради славной сыщицкой миссии.

– Ты тут не главный сыщик, – чванливо заметил Пирог и запрыгнул на коробку. Коробка оказалась низковата, поэтому пришлось задействовать белого приятеля.

Кекс рычал, ворчал и злился. Роль подпорки досталась ему впервые.

– Подумаешь, не главный! – возмущался он. – Быть помощником тоже почетно. Если откопаешь что-нибудь страшно таинственное, поделись со мной.

Забравшись Кексу на спину, Пирог вытянулся во весь рост – и очутился вровень с замком. Ткнул носом наугад несколько букв. Ошибка. Попробовал следующий вариант. Опять мимо. Механический страж противно щелкнул, возвращая кнопки в прежнюю позицию. Пирог исхитрился и так, и эдак. Ввел почти все слова, которые знал. Но замок, вредина, решил не сдаваться без боя.

– Не забудь потом следы замести, – подал голос Кекс. – У тебя нос мокрый. Тебя быстро вычислят.

– Да знаю я, знаю, – пропыхтел Пирог. – Лучше скажи, почему Пелагея использует такие заумные изобретения, хотя называет себя противницей прогресса?

Сегодня удача была явно не на его стороне. Она поглядывала из-за угла, гадко ухмылялась и корчила рожи. А когда ей надоело гримасничать, то и вовсе отвернулась.

На втором этаже невесть как возникла Юлиана. Ни тебе скрипа ступенек, ни тебе топота. Кекса с Пирогом едва кондрашка не пришиб. Они перепугались, забегали и натолкнулись на стену. Как будто не сыщики, а преступники, пойманные с поличным.

– Что это вы тут затеяли? – ледяным тоном осведомилась

Юлиана. – Без спросу шастаете? А вот как я вам! – пригрозила она и замахнулась плотной шелестящей газетой. На передовице красовалась черно-белая откормленная физиономия Грандиоза с пафосной подписью: «Отец искусства и народный кормилец».

Лес обступал дом Пелагеи сплошной стеной – точь-в-точь сплоченное воинство, собравшееся в долгий поход. Стройные девицы-березки шелестели, вздыхали на ветру, шептали воинам напутствия. Но те стояли насупившись и грозно топорщили корявые ветки. Они имели дело с враждебным миром, где слова значат мало, а человеческая жадность слепа и многорука.

В лесу пахло мокрыми листьями, прелью и грибными местами. Арнии пели, распространяя по воздуху волны чистой, незамутненной радости. Эта радость – сестра родниковой воды и блеска алмазных россыпей. Стоит ей достичь облаков, как небо озаряется светом. А когда радость проникает в город, люди откладывают дела, поднимают головы и удивленно глядят друг на друга, будто видят впервые и чувствуют глубже обычного.

Лес уже давно не служил им источником вдохновения. Они заблудились в лабиринтах города. Утонули в работе, чтобы тратить деньги на развлечения и бесполезные вещи. Затеяли гонку ради лучшей жизни. И вот тогда-то радость ушла.

Иногда у Пелагеи на душе тоже становилось муторно, но

она знала, как с этим бороться. Выглядит в окно, послушает песню соловья – и за вязание. Накатит черная мысль, а она ее в петлю. Накатит другая – и ее в петлю. Длинная получалась нить.

А однажды на нить без всякого умысла наступил кот Обормот. В тот день по громкоговорителям в городе объявили чрезвычайную ситуацию. Из тюрьмы сбежал опасный преступник. Чем быстрее его отловить, тем лучше для общества.

Услыхав новость от лесничего, Пелагея выбросила нить за порог и побежала закрывать ставни. Будто в воду глядела. Преступник явился именно к ней. Шасть на крыльцо, а там нить. Не пускает. Как будто за версту чувствует людей с черными мыслями.

Пелагея рассказала Киприану о преступнике и не удержалась от смеха.

– Вопил так, что чуть стёкла не лопнули! Всё требовал впустить. Ну, а пока он требовал, подоспели блюстители закона. Даже поблагодарили меня за содействие.

– Ты и твой кот... Вы созданы друг для друга, – усмехнулся Киприан, шагая впереди. Пурпурная мантия колыхалась у его ног, как живая. Из-под тупель выныривали прыткие ящерики, торопились по делам блестящие жуки. Дятлы затеяли в лесном краю капитальный ремонт и с великим усердием долбили стволы. То тут, то там сваливались в кусты сосновые шишки.

– Так говоришь, силки в ветвях? – Без предупреждения обернулся он. Пелагея едва в него не врезалась.

– Вот именно. Снизу и не заметишь. А до крон без превращения добраться нелегко.

– Я покажу как, – сказал Киприан. Он выбрал дерево, обхватил руками бороздчатый ствол и что-то прошептал. Дерево застонало, принялось кряхтеть, точно столетний старик, после чего с тяжким скрипом опустило ветви к земле.

– Не робей! Иди сюда! – позвал Киприан. Подобрал подол, Пелагея поспешила к нему. – Дерево только на первый взгляд толстокожее, – объяснил он. – Скажешь правильные слова – станешь его повелительницей.

Он снова что-то шепнул на непонятном языке, и ветвь, на которой они с Пелагеей устроились, начала подниматься, точно кабина барахлящего аттракциона.

С тех пор, как в лесу обнаружили первые силки на арний, солнце в небе стало редким гостем. Чаще всего на него напоздали тучи. Но сегодня повезло. Когда ветвь поднялась еще выше, Пелагея зажмурилась от яркого света. Превратиться бы сейчас в горлицу, отправиться, куда глаза глядят! Перед нею распростерлась головокружительная даль. Небо – фарфорово-голубое, облака – перистые, невесомые. Так и хочется улететь.

– А вот и силки, – сказал Киприан.

– Где?

Пелагея повернулась слишком резко. Щетинистые ветки

сосен и елей, одеяние ее спутника – всё вокруг внезапно закачалось и перевернулось с ног на голову. Белый цилиндр покинул своё законное место и полетел вниз. Пелагея едва не кувырнулась следом. Ее подхватил Киприан.

– Держись крепче, – выдохнул он. – Если вернусь без тебя, Обормот меня живьем проглотит.

– Хе-хе, – сдавленно рассмеялась та. – Не знала, что он на такое способен. Но буду иметь в виду.

За день они вдвоем ухитрились вывести из строя больше сотни ловушек. Киприан научил Пелагею тихому языку деревьев, посвятил в кое-какие различия между березами, дубами и соснами.

Пелагея не зря бросалась к березкам с объятиями всякий раз, как встречала их на пути. Чтобы задобрить белоствольную, ее следовало именно обнять. Дубы, наоборот, нежностей не терпели. Ну а уж соснам было всё равно. Они спешили вымахать до облаков и растили свои кроны на такой высоте, что о земных существах почти не думали.

5. Любой каприз

На обратном пути заметили арний, угодивших в зубастые капканы на крупную дичь. У всех без исключения были сильно повреждены крылья. Из ран сочилась кровь.

– Безобразие! – высказалась Пелагея. – Просто зла не хватает! Почему бы Грандиозу не оставить лесных жителей в покое?! Или он думает, раз богач, значит, ему всё дозволено?!

Киприан расправился с капканами в два счета, словно они были сделаны из детского конструктора. Разломал, выбросил в кусты. Не в карманы же обломки пихать. С собой взять следовало арний.

– Вылечим их дома, – сказал он и, прищурившись, глянул в небо. – Похоже, надвигается дождь.

– Недолго солнышко грело, – вздохнула Пелагея. Она аккуратно усадила нескольких птиц в заплечный мешок с жестким дном. Заплечник Киприана без проблем вместил остальных.

Мелкие веточки хрустели под ногами. В вышине настороженно шумели сосны. Когда «птичьи лекари» поднялись на крыльцо, ливень не вытерпел и брызнул тяжелыми струями.

Юлиана уже поджидала в сенях.

– Твой кот, – сказала она Пелагее, – из всех каш сносно варит одну лишь овсянку. Но даже в ней попадается эта проклятушая кошачья шерсть. У меня скоро аллергия начнется!

Пелагея развела руками.

– Я предлагала ему надевать во время готовки комбинезон. Но ты же знаешь...

– Арниям требуется неотложная помощь, – перебил Киприан и потащил Пелагею на крышу потайной комнаты.

Пока Юлиана отчитывала Обормота и чуть ли не с лупой выискивала в кастрюле шерстинки «безответственного повара», птиц наверху лечили. Причем весьма необычным способом.

Новоявленные ветеринары прижимали их к груди, покачивали и держали у сердца, словно арнии были младенцами, которых срочно нужно успокоить. Юлиана вышла из кухни с кастрюлей наперевес и даже позавидовала.

– Кто бы меня так вылечил! – задрав голову, крикнула она.

Пелагея перегнулась через парапет и засияла дружелюбием.

– Всегда пожалуйста!

– Больно ты мне нужна! – с наигранной обидой отозвалась Юлиана.

Киприан не удержался от улыбки. Тонкой, завораживающей. Той самой, за которую иные барышни отдали бы полцарства. О том, сколько за этой улыбкой скрывалось чувств, оставалось лишь гадать.

Когда в окно выпустили первую арнию, дождь сбавил обороты. Теперь он лил уже не так уверенно, а из-за туч нет-нет да и выныривал краешек солнца. Когда же одежда порядком испачкалась кровью покалеченных птиц, а исцелены были все до единой, тучи убрались восвояси.

Подкрепившись стряпней кота Обормота, все трое вместе с черно-белой собачьей компанией отправились в поле. Там ворочали колесами нагруженные повозки с впряженными лошадьми да горбатились наемные рабочие. Неподалеку бродили аисты, чинно и осторожно выискивая в стерне зерна.

– Ну и что мы здесь забыли? – въедливо поинтересовалась

Юлиана.

– Надо бы узнать прогноз погоды, – сказала Пелагея. – Саженцы на подоконнике в рост пошли, пора высадить их на клумбу, а барометр застрял на отметке «великая сушь».

– Но как ты собираешься узнавать прогноз? – тявкнул Кекс.

– По лягушкам или мухам? – предположил Пирог.

– Или по ласточкам? – ввернула Юлиана, просто чтобы не молчать. Ответ уже был ей известен.

Пелагея с аистами на короткой ноге. Они, почитай, друг в друге души не чают. Когда Пелагея подзывает аиста, он без промедления летит к ней, а потом исполняет любое ее поручение. Вот и сейчас захлопали широкие крылья, два угольно-черных глаза преданно взглянули на «царицу природы», а острый клюв раскрылся, чтобы начать беседу на неразборчивом птичьем языке.

– Не грядут ли обложные дожди? – поинтересовалась Пелагея. – Или, например, потопы? Когда ждать нового набега туч?

Аист запрокинул голову далеко на спину, медленно передвигая суставчатыми красными ногами.

– Чтобы узнать, мне понадобится слетать на разведку, – ответил он. Юлиана услышала лишь частое «щёлк-щёлк-щёлк» и припомнила, как общались между собой аисты в деревнях.

«Ну да, клювом щёлкает. Они же только так и умеют».

Пелагея тем временем протянула аисту на ладони пластиковую катушку. Судя по всему, нитки были израсходованы давным-давно, и катушка валялась в кармане без дела. Только вот зачем кусок пластика птице? Проглотит, подавится – тут-то ей и крышка. Но Пелагея вовсе не собиралась скормить аисту катушку.

– Здесь невидимая бечевка, – сообщила она. – Обвяжи какую-нибудь тучку и принеси мне. Хочу убедиться, что серьезного ненастья не предвидится.

Аист покорно взял катушку в клюв, взмахнул крыльями и стремительно, точно воздушный змей, поднялся в небо. Через четверть часа он вернулся и привел с собой синюю, очень хмурую тучку. Она собиралась разрастись до гигантской тучи, и ей жутко не понравилось, что ее отвлекают по пустякам.

– Дождь будет, – заключила Пелагея. – Но саженцам не навредит. Очень хорошо.

Юлиана хмыкнула. Фокусы с аистами и тучами ей были уже не в новинку. Зато работник – один из тех, что без роздыху горбатились в полях, – стоял огорошенный, словно на него только что свалился мешок с мукой. Вначале от потрясения он не мог и слова вымолвить. Но после того как аист улетел, в него точно болтун вселился.

– Вот так чудеса! – говорит. – А меня научите? Тоже хочу птичий язык понимать, и чтобы мне облака с неба приносили. Или лучше сразу звёзды!

– А ты, паренёк, вообще кто? – подозрительно шурится

Юлиана.

Юноша глядит из-под пшеничной чёлки дымчато-серыми глазами, утирает со лба пот грязным кулаком. Совсем еще мальчишка.

– Меня Пересветом звать. Я книгу пишу.

– Странно же ты ее пишешь. Лучше просто признайся, что батрачишь с утра до ночи. Эдак тебе быстрее поверят.

– Работа у меня не только в полях. Еще я на полставки в редакции. Может, слышали, «Южный Ветер». Вчера вышла моя статья о вредителях кукурузы. Но это неважно. Кроме статей я пишу книгу. Мне нужны необычные знакомые. Как вот вы, например, тётенька. – Пересвет глядит на Пелагею, сам чумазый, а так и светится добротой.

«Тётенька, – улыбается про себя Пелагея. – Стареем».

– А зачем пашешь, как вол? – не унимается Юлиана. – Нет бы себе отдышал.

– Так у меня мечта. Заработать побольше, уехать в горы и писать книги. Много книг!

– Чтобы красиво писать, стоит взяться за чтение, – говорит Пелагея. – Приходи в лесной дом с двускатной крышей. Туда, где подсолнухи. У меня первоклассная библиотека.

– Что, тот самый дом?! – не верит Пересвет. – Приду! Обязательно приду!

Он бросает восхищенный взгляд на перевернутый вверх дном цилиндр Пелагеи, ниспадающие одежды Киприана и замечает смирно сидящих Кекса с Пирогом.

– Ух ты! Пёсики!

За повозкой ругается и размахивает вилами седой краснощекий фермер. Пересвет подскакивает. Видно, по его душу.

– Ну, сейчас влетит, – злоехидно ухмыляется Юлиана.

Пирог пытит, как маленький паровоз, и недовольно возится у хозяйкиных ног. Вот так всегда. Стоит укусить ее за лодыжку раз в какие-нибудь две недели, и характер непоправимо портится. А едва он портится, снова тянет укусить. Не жизнь – замкнутый круг.

Пересвет поспешно отвешивает поклон, обещает заскочить в гости и убегает, шурша золотистыми колосьями. Жатва – пора ответственная.

Город задыхался в тумане. Дым из кирпичных труб и выхлопы самоходных экипажей мешались с серо-молочным киселем. Затворяй окна, не затворяй – он проникнет в любую щель. Осядет на красках нищего художника, чьи глаза слиплись от усталости, а холст чернеет скелетами домов и улиц. Незаметно заползёт в спальню к продрогшей, осунувшейся служанке. Скроет имя, выведенное на запотевшем стекле. Такое простое, ничем не примечательное имя Рина.

В ее комнате не прибрано, форточка – нараспашку. Дорогие натюрморты, ковры и гобелены, шкаф с одеждой от лучших мастеров – да чтоб оно всё провалилось! И кровать, мягкая, с навороченным, каким-то там сверхпрочным матрасом, до смерти надоела. Для разнообразия Рина поспала

бы на деревянной доске.

Она в который раз слушает на проигрывателе запись с концерта. Не помогает. Здесь нужна не грампластинка, а живой звук. Голос отчима – самый ненавистный голос на свете. И в то же время пение Грандиоза отгоняет тоску.

Интересно, сколько таких, как Рина, впало в зависимость от его таланта? Сколько их, отчаянно ждущих вечера и осаждающих театральные кассы? Ей-то хоть билеты достаются бесплатно. Присутствовать на концерте ее долг. Этот долг тяготит, но вместе с тем приносит радость. Радость дозированной, радость по крупницам. Вот, что правда невыносимо.

В городе шум, пыль, грязь. На окраине дымит завод, в домах чадят лампы, изнутри разрывает душу безысходность. Утром бесцветные фигуры понуро бредут на работу, задерживаются допоздна и возвращаются, только чтобы без сил рухнуть на диван. Они опустошены, вывернуты наизнанку. Они забывают себя, и это им не на пользу.

Куда подевалась природа? Где сладкое пение птиц? Сельпелон зовется городом земли, но почему земля – сплошь камни? Сельпелон именуют городом полей, но почему поля лежат за его пределами?

А лес? Люди отгородились от него, словно там вместо деревьев растут чудовища. И кажется, будто лес от города отделен не трактом, а бездонной пропастью.

Рина резко села на кровати, свесила ноги и втянула воздух с частицами тумана. За распахнутым окном мутно беле-

ли очертания квартала. Не теряя ни минуты, девушка облачилась в костюм наездника, достала хлыст и в один прыжок очутилась на улице. Когда боишься разбудить домашних, нет ничего лучше, чем выйти через окно. В особенности если твоя комната находится на первом этаже.

Садовники еще спят. Спят горничные и камердинеры. Коношня на засове, но Рине ничего не стоит ее отпереть. В сумраке, за перегородкой, лошадь по кличке Уска-Кала хохочет с закрытым ртом. Когда она только успела проголодаться? Рина дает ей морковку и отвязывает поводья. Сейчас самое время для прогулки верхом.

Но что это за звуки? На секунду девушке почудилось, будто проскрипела и отворилась тяжёлая дверь в подzemелье. Уска-Кала настороженно повела ушами. Нет, там определенно что-то происходит. Спустя несколько мгновений до слуха Рины донеслись приглушенные крики – не то звериные, не то человеческие. Обычно ранним утром слуги Грандиоза волокут на задний двор и режут диких свиней, которых поймали в лесу.

Но не на этот раз. Что-то тоскливое, до мурашек пронзительное было в криках неведомых существ. Вновь визгливо пропели петли, лязгнула дверная защёлка, и вокруг особняка установилась привычная тишина.

Среди карликовых подсолнухов, берез и сосен дом стоял молчаливой громадиной. Внутри всё замерло. Беззубая

пасть камина зияла пустотой, не точил когти черный кот. Только бабочка-лимонница, опрометчиво залетев в форточку, шелестела крыльями и билась о стекло.

Юлиана раздобыла ящик с инструментами, спустила на пол летучую кровать с прикроватным столиком, и сама уехала туда же. В длинной юбке, конечно, неудобно, но что поделать? Имидж прежде всего.

Когда в гостиную вошёл Киприан, работа была в самом разгаре. Юлиана в положении лёжа, со зверским выражением лица орудовала отвёрткой и тихо ругалась. Проклятуший винт третьего порядка не желал вертеться, из-за чего кровать и прикроватный столик парили на разной высоте.

Киприан прилёг рядом и присмотрелся.

– А что если так? – предложил он. Протянул руку, покрутил какую-то ось. Юлиана чуть не стукнулась лбом о днище кровати.

– Тьфу ты! Напугал!

Она взяла в зубы отвёртку, отпихнула Киприана и направила на полу плоскогубцы.

– Зачем тебе? – удивился тот.

– Лучше ползи отсюда, пока цел, – сказала Юлиана сквозь зубы. Киприан издал короткий смешок, обворожительно улыбнулся и потрепал ее по волосам. Юлиана грозно прорычала в ответ.

– Ухожу, ухожу, – предупредительно отозвался человек-клён. – Но если вдруг не починишь кровать к ночи, мой

гамак в твоём распоряжении.

Юлиана исподлобья посмотрела ему в спину, словно он был виновником всех её неудач. Выронила отвертку, больно ударила палец плоскогубцами, села и расплакалась. Благо, Киприана уже и след простыл.

...Он вернулся и накрыл её пледом – неожиданно и с нежностью. В общем, как всегда.

– Замерзнешь на голом полу лежать, – сказал он, проведя пальцем по её щеке. – А отчего смола? То есть, я имел в виду, отчего слёзы? Что-то случилось?

Прежде Юлиана в жизни бы не призналась, что психует вовсе не из-за летучей кровати. Что на самом деле она соскучилась по балам, концертам и огням большого города. Но тут её прорвало.

– Хочу, как раньше! – сказала она и громко высморкалась в тряпку для чистки инструментов. – Чтобы каждый день королевский приём, пышные платья, магазинчики и изысканная кухня. Чтобы оркестры и танцы, игра в гольф на идеально подстриженных полях и звон бокалов, от содержимого которых теплеет внутри. Уже неделю кисну в этой глуши, понимаешь? Я одна почти круглые сутки. Вы с Пелагеей вечно то в лесу пропадаете, то арний лечите. Кекс с Пирогом тоже постоянно убегают, затеяли какое-то расследование. – Юлиана шмыгнула носом. – А мне тут на пару с котом Обормотом мхом покрываться. Да по мне скоро стороны света можно будет определять!

Киприан мягко похлопал ее по плечу.

– Хочешь, вечером выберемся в город? Наденешь своё любимое платье, сходишь на концерт. Кажется, Грандиоз каждый день выступает.

Она подняла на него заплаканные глаза.

– Что, правда? И ты составишь мне компанию?

– Само собой, – улыбнулся тот.

Юлиана не могла отделаться от чувства, будто только что ей сделали огромное одолжение.

Вечерний город, несмотря на сутолоку и квакающий хор клаксонов, был по-своему прекрасен. Над черепичными крышами и плафонами газовых фонарей низко нависали тучи. Они плыли, задевая флюгеры, напарывались на шпиль ратуши и проливались редким дождем. Юлиана вышагивала в нарядном платье с красными маками, любовалась отражением в витринах и ловила восхищенные взгляды.

Киприан шёл чуть поодаль. В своем неизменно длинном пурпурном одеянии он выглядел так, словно сбежал из костюмерной оперного театра. Юлиана изо всех сил делала вид, будто не имеет с ним ничего общего. Но после того как Киприана задержал жандарм, поневоле пришлось вмешаться.

– Нет, он не похититель реквизита.

– Нет, его не объявляли в розыск по делу ограбления музеев.

– Дяденька жандарм, мы, вообще-то, в театр торопимся. Не укажете дорогу? А то мы тут впервые.

Поручившись, что Киприан не состоит на учете в психиатрической клинике, Юлиана попросила жандарма как следует запомнить его внешность. После чего потащила своего кленового друга прочь.

– Право же, странная парочка, – пробормотал сквозь усы блюститель порядка и решил на всякий случай доложить в центральное управление.

Юлиана считала, что им несказанно повезло. Во-первых, удалось ухватить последние билеты. А во-вторых, места оказались практически рядом со сценой. Грандиоз пел волшеб-но. Его чудодейственный голос и звучание оркестра уноси-ли в сверкающую даль под белыми парусами. Юлиана плыла по только что сотворенному морю, крепко держась за поруч-ни и откинувшись на спинку кресла. Киприан ее восторга не разделял. Да и что с него возьмешь? Дерево деревом, пускай и в человеческом обличье.

Едва концерт подошел к концу, зрители захлопали так ярко, что Юлиана всерьез обеспокоилась, как бы они не отби-ли себе ладони. Не теряя времени даром, она метнулась за кулисы – искать гримерную певца. Нужно было любой ценой добыть его автограф. Правда, рьяных энтузиастов хватало и без нее.

Рядом с комнатой Грандиоза они устроили настоящую об-лаву. Но их натиск успешно сдерживали неподкупные «стол-бы» из личной охраны. Личная охрана отесняла поклонни-ков к стене. Поклонники напирали, отчаянно работая лок-

тями. Когда речь заходит о встрече с кумиром, правила приличия не для них.

«Глупость какая, – подумала Юлиана. – Запри Грандиоз дверь на замок, толпа рассосалась бы сама собой». Но потом она увидела, что по одному за дверь всё-таки пропускают. Когда она приблизилась к толпе, ее платье с маками произвело предсказуемый эффект. Господа во фраках зазевались, напудренные лица дам повытягивались, как по команде. И Юлиана улучила момент, чтобы пробраться в начало запутанной очереди. Ее почти сразу же пригласили к Великому.

Отчего-то вспомнился недавний визит к врачу за рецептом от мигрени. Затаив дыхание, Юлиана следила, как доктор строчил на бумажке неразборчивое название препарата. То же волнение возникло и теперь.

Пока Грандиоз выводил автограф на листке с концертной программой, мир на минуту перестал существовать, а сердце несколько раз ухнуло в пятки. Если бы оно было сейфом с сокровищами, то именно сейчас сейф профессионально вскрыли и обчистили, оставив одну-единственную улику. Программу с автографом.

Ее Юлиана благоговейно сложила в сумочку, произвольно отметив некоторые детали: синие пуговицы на жилете Грандиоза; толстые пальцы, которыми невозможно без запинки сыграть гамму на пианино; ботинки с позолоченными пряжками. А еще Грандиоз был обвешан кулонами, как рождественская ёлка – игрушками.

«Ага! – подумала Юлиана. – Так значит, и у него имеется слабость!»

Либо он суеверен, либо одержим тягой к украшениям. Так или иначе, почему бы не закрыть на это глаза? В конце концов, сейф-то давно пуст.

– Пойдем на следующий концерт! – приставала она к Киприану, пока зрители расходились в вечерней тишине. – Ну пойдем, а?

– Боюсь, сбережений Пелагеи не хватит. А твои уже на исходе, – безрадостно отвечал тот. – Тем более, есть дела поважнее развлечений.

Ну что за назидательный тон!

Юлиана едва сдержалась, чтобы не вклеить ему затрепачину. Когда счастлива она, другие тоже обязаны ходить счастливыми. Да и разве может быть по-другому после такого знаменательного выступления?!

Ее радужное настроение как в воду кануло, и Киприан сразу уловил перемены.

– Итак, что там дальше по списку? Танцы? – Он резко повернулся и схватил ее за руку.

6. Спящая на чердаке

– Эй! Куда?! – вскричала Юлиана.

У фонтанов, в кафе на открытом воздухе, скрипки и ударные исполняли довольно бойкую мелодию. Ощущение беспечного праздника вскружило голову. Или это был Киприан?

Он крутанул Юлиану еще раз, после чего ноги сами принялись танцевать фокстрот. Площадь, смоченная слабым дождем, разделилась на тьму и свет. Перед глазами мелькали оранжевые пятна фонарей, зеленые, голубые и красные пятна настольных ламп из разноцветного стекла. Посетители кафе смекнули, что такого представления может больше и не повториться, заказали еще напитков и давай аплодировать в такт. А те, кто посмелее, тоже пустились в пляс.

В огненной шевелюре Киприана заблудился северо-восточный ветер, удивительно глубокие глаза из лучистого янтаря не давали свободно вздохнуть. Юлиана начисто позабыла о концерте, автографе Грандиоза и прочей чепухе.

Ее пестрое платье взметалось волнами крепдешина, а сейф – тот самый, что выдавал сейчас сто двадцать ударов в минуту, – был полон новых сокровищ, гораздо более ценных, чем прежние.

Протанцевав без передышки добрых два часа, они сидели за столиком под широким куполом зонта и приходили в себя. По куполу неугомонно стучал дождь, лился ручейками на брусчатку. Юлиана сонно бормотала и клонила голову Киприану на плечо.

– Ну что, твоя душенька теперь довольна? – спросил он, крепко стиснув ее в объятии. Юлиана встрепенулась. – Ночь уже. Музыканты разошлись. Пора бы и нам домой.

Он встал, вывел ее из-за стола и, нисколько не ослабив хватку, сорвал с ближайшей туи веточку. Веточка момен-

тально вытянулась, дала побеги и принялась так быстро и густо разрастаться над их головами, что скоро ничем не отличалась от зонтика.

– Чудеса! – сказала Юлиана и зевнула. – Сон или явь, какая теперь разница?

Киприан только усмехнулся. По пустынным улочкам они добрались до Сезерского тракта, даже не замочив ног.

– Устала?

Юлиана помотала головой.

– Не-а! Горы могу свернуть. Честное слово!

Но вместо того, чтобы свернуть горы, она подвернула ногу на скользком камне. И если бы не сильная рука Киприана, лежать бы ей в грязной луже.

– Когда-то ты был деревом, но по тебе не скажешь, – заметила она, упершись щекой ему в грудь. – Такой тёплый!

– Еще раньше я был Незримым, – ответил тот. И внезапно нахмурился.

Тьма страшная, что вблизи – не разобрать. Лес по ту сторону ухает совами, предостерегающе шуршит и стонет, как старик. Деревья советуют беречься. Деревья знают, о чём говорят.

Киприан различил всего одно слово – «Мерда». Для этого не понадобилось пользоваться шестым чувством. Язык растений был слишком хорошо ему знаком.

– Как нога?

– Болит, – пожаловалась Юлиана.

– Нужно убираться отсюда. Сейчас я тебя немного удивлю.

С такими словами Киприан перебросил ее через плечо, словно огромный букет полевых трав. Или увесистый мешок картошки. Юлиане на ум пришло именно второе сравнение, и она взбунтовалась.

– Эй! Ты что себе позволяешь, клён безмозглый?!

Но «безмозглый клён» позволил себе еще больше – рванул в лес с такой скоростью, что и на колесах не угнаться.

Едва путники пересекли тракт, как во мраке зажглись лиловые глаза. Заколыхались метелки придорожных трав, дважды испуганно ухнул филин, а стая летучих мышей сделала в воздухе здоровенный крюк, лишь бы только держаться подальше от злого лилового взгляда. Любая зверушка в здравом уме предпочитала обходить Мерду стороной.

Пока Киприан и Юлиана прохлаждались в городе, к Пелагее на огонек заглянул Пересвет. Явился опрятный, умытый, в чистенькой одежде – и сразу полез по веревочной лестнице в библиотеку. Кекс с Пирогом на него рычали, а потом даже собрались укусить. Но к тому времени Пересвет был уже высоко.

Он обещал, что посидит совсем недолго. Но в итоге сжег несколько свечей, умял, не заметив, целое решето брусники и вскоре художественно храпел под раскрытой книжкой с названием «Зоопланктон равнинных рек».

Ночные странники ворвались без стука. У Киприана в волосах застряли какие-то листочки, а к венку прилепилась паутина с рассерженным пауком. Не менее сердитую Юлиану заботливо спустили и поставили на ноги.

– Скорее всего, у нее растяжение, – пояснил Киприан. Пелагея тотчас бросилась за аптечкой. А виновница переполоха принялась ожесточенно отряхиваться.

– Нет, ну правда! Что я тебе, пугало огородное? Взвалил на спину и понёс! – возмущалась она.

– И близко не пугало! – возразил Киприан. И тут оба услышали храп.

– Это Пересвет, – просеменив к хозяйке, сказал Пирог. – Он бы у меня узнал, почем фунт лиха. Но, как назло, затаился в библиотеке, – удрученно добавил он. – А вы почему так поздно?

Юлиана сложила на груди руки. Не хватало еще перед всякими козявками отчитываться.

– Зубастый вредитель, вот ты кто! – сказала она Пирогу.

Подросла Пелагея с эластичным бинтом. Усадила Юлиану на диван, замотала ногу, как попало.

– Нет уж, давай, я, – вмешался Киприан и опустился перед Юлианой на колени.

От смущения она не знала, куда себя деть. Чтобы Вековечный Клён (можно сказать, почтенных лет существо), обладающий вдобавок суперспособностями, оказывал тебе первую медицинскую помощь? Юлиана нашла, что это слишком.

– Уйди, без тебя справлюсь, – отстранив Киприана, сказала она.

Пелагея между тем занималась странными подсчетами.

– Раз одеяло, два одеяло, третье для Пересвета, – загибала пальцы она. – Плюс четвертое для меня. Раз подушка, два подушка, три подушка. Плюс два коврика для собак.

– Что это ты считаешь? – поинтересовалась Юлиана. – Моим мохнатым злодеям коврики ни к чему.

Но Пелагея пребывала в приподнятом настроении и заявила, что даже злодею иногда полагается коврик.

– Барометр перестал показывать «Великую сушь», – с довольным видом сообщила она. – Похоже, он наконец-то обрзумился и теперь предвещает шторм. Нам грозит похолодание.

– Час от часу не легче, – вздохнула Юлиана. – И что, ты собираешься забраться на свой усыпляющий чердак?

Пелагея радостно кивнула. Кроме разного рода потайных комнат, библиотек с веревочными лестницами и котов, склонных к сверхъестественным проделкам, у нее в доме имелся чердак. Если вас ненароком занесёт на чердак, через пять минут вы заснете беспробудным сном, вне зависимости от времени суток. Но прежде на вас предупредительно свалится подушка и пара тёплых одеял, чтобы спалось с комфортом. Пелагея была единственной, на кого ухищрения чердака не действовали. Он мог сколько угодно метать одеяла, посыпать ее подушками и градом снотворных чар. Бод-

рость и жизнерадостность никуда не девались.

Когда Пелагея принялась греметь ящиками в поисках шкатулки, оглушительный храп Пересвета прервался на кульминации – и паренек вскочил, словно фермер только что вызвал его на бой с сорняками. Книжка, мирно дремавшая у него на лице, полетела вниз, шелестя страницами.

К чердаку не вело ни единой лестницы. А из библиотеки до него мог добраться лишь акробат с непревзойденной техникой прыжков и лазанья по канатам. Там, где заканчивались книжные полки, с потолка обрубок свисал канат, похожий на туго затянутую девичью косу.

Чтобы залезть на чердак, нормальному человеку требовалась лестница. Разыскав шкатулку, Пелагея зачерпнула из нее горсть лунной пыли, развеяла пыль по воздуху – и посреди гостиной вырос сияющий вихрь.

Юлиана восприняла это как само собой разумеющееся. Киприан усмехнулся со знанием дела. Кажется, их обоих было уже ничем не пронять. А вот Пересвет выпучил глаза.

Он резво спустился по веревочной лестнице и собрался пристать к Пелагее с расспросами. Но та приложила палец к губам. Ей предстояло составить из вихрящихся частиц широкую лестницу от пола до потолка. Лестницу до блеска навощенную, с перилами, держаться за которые не побрезгует и сам король. По ступенькам такой лестницы идешь как по гладкому, прочному стеклу.

Когда вихревой обряд завершился, Пелагея поднялась к

чердаку и вжалась плечами в крышку люка.

– Странное дело, – проговорила она. – Обычно открывался легко. А теперь будто что-то мешает.

– Наверняка там скопилось море одеял, – предположила Юлиана. – Если тайный ход на чердаке по-прежнему открыт, представляю, сколько чужаков туда-сюда шастает. Хорошо бы, Обормот отправил их всех в иное измерение.

Киприан без лишних слов взлетел по лестнице, чтобы прийти Пелагее на подмогу. Он уже засучил рукава и приготовился открыть этот злосчастный люк. Но Пелагея его остановила.

– Давай, я лучше по старинке. Через окно.

Она распрямила спину, трижды повернулась вокруг своей оси и превратилась в белую горлицу. И лишь после того как горлица упорхнула в окно, Пересвет обнаружил, что стоит разинув рот.

На чердаке послышалась возня. Со скрежетом ездили по доскам не то стулья, не то ящики. Пелагея падала и кувыркалась, пытаясь высвободиться из плена многочисленных одеял. Наконец она издала возглас, который мог означать что угодно, и открыла люк изнутри. На ничего не подозревающего Киприана тут же хлопнулась перьевая подушка. Венок из золотых кленовых листьев соскочил с головы и со звоном покатился по ступенькам. Внизу его подобрала Юлиана.

– А что за тяжесть мешала с той стороны? – спросила она.

Тяжестью оказалась спящая девушка с черными, как

смоль, короткими волосами и измученным лицом. Лицо покрывала смертельная бледность, черты опасно заострились. Было видно, что она долго не ела и не пила.

– Нужно вынести ее отсюда, – сказала Пелагея. Киприан вызвался помочь, но Юлиане это не понравилось.

– Что ворон считаешь? – зашипела она на Пересвета. – Раз уж появился на ночь глядя, сделай хоть что-нибудь полезное.

Пересвет дёрнулся, словно ему отвесили оплеуху, и сломя голову бросился наверх по сияющей лестнице. Но всё равно опоздал. Киприан уже нёс девушку на руках.

Совсем не так, как носят мешки с картошкой.

Поручив спящую заботам друзей, Пелагея встала во весь рост и огляделась. Чердак, в отличие от остального дома, не впитал в себя запахи чабреца, шалфея и прочих трав, что сушились на окнах. Он ломился от самых невероятных подушек и одеял: шелковых с искусной вышивкой, из грубого льна и скромного ситца в горошек. И пахло от них, как от очень старых, повидавших виды бабушкиных вещей.

Пелагея вдруг почувствовала себя тысячелетней старухой. Но потом быстро глянула в зеркальце. Нет, ее красота с годами не вянет. Всё те же каштановые кудряшки, тот же нос с горбинкой и кожа, гладкая, как у ребенка. Пелагея давно потеряла счет времени. Она успела побывать там, где время не ценят, и там, где ему придают слишком большое значение.

– Эй, Киприан, на одежду наступаешь! – Вывел из задумчивости голос Юлианы. – Сейчас как загремишь с трехэтаж-

ной лестницы!

– Это предостережение или угроза? – усмехнулся тот.

– Я могла бы подобрать ему другой фасон! – крикнула с чердака Пелагея. – Такое в городе уже лет двадцать не носят.

– Бесполезно, – ответила Юлиана. – На нем вся одежда становится длинной и ниспадающей. Не человек, сплошное расстройство!

Пыль, зной, духота. От кровавых укусов чешется и ноет тело. Насекомые жалят без остановки, словно в этом цель всего их короткого существования. Едкий запах мужского пота, ругань и хлысты, охаживающие спины сестер.

Марта помнит себя шестилетней. Именно в этом возрасте ее продали в рабство. Ее, обеих сестер и мать. Незадолго до того как семью постигло горе, отец ушел в дальнее плавание и пропал без вести. Если бы он вернулся, то непременно бы их отыскал, отдал какой угодно выкуп и освободил от пут. Не такой он, чтобы бросить родных в нищете и страхе.

Война застала приморский городок врасплох. Часть жителей поубивали, часть увели силой, чтобы продать подороже. Нет, не стоит сейчас вспоминать. Воспоминания еще более мучительны, чем реальность.

Желудок сводит от голода и жажды. Марта стоит под раскаленным небом на раскаленной земле. Она – смола, горящая в печи. Сталь, которую без конца плавят в кузнице ада. Слезы давно высохли, химеры испарились под солнцем.

Когда-то она мечтала открыть собственное ателье и шить наряды для знатных дам. Но война отобрала желания, загаданные в звездопад, и отучила надеяться.

Если Марта выживет после рабства, ее единственной целью будет месть. За мать, которую прямо сейчас куда-то волокут по песку и острым камням. За сестёр – их избили до полусмерти. За отца, которого проглотила ненасытная пучина.

Теперь чувства Марты – камень. Его бьют киркой, откалывая по кусочку. Незачем сопротивляться. Удары не отрезвляют, не приносят боли. За каждым ударом следует безнадежная, звенящая пустота.

Дорога среди холмов ползет за горизонт ядовитой змеёй в стремлении поглотить солнце. Ее клыки вонзаются в ступни, ноги саднят и кровоточат. Во рту пересохло. Руки связаны грубой веревкой. Грубые окрики, грубый воздух. Марта валится на бок и начинает кашлять. Ее почти не кормят. Воду берегут, словно лишняя капля способна придать пленнице сил.

Ветер приносит издалека листок ароматного лавра, и Марта хватает его огрубевшими пальцами, словно именно в нем заключена свобода.

Свобода. Так вот, что это такое! Это желанный оазис посреди пустыни, жадный глоток воды. Южный ветер в волосах и возможность пойти, куда позовет душа. Сначала Марта решила умереть, но потом выбрала свободу. Она выбрала не

сдаваться. Ее выбором стала жизнь.

И однажды шанс представился. Во время очередного привала, улучив момент, она перерезала пути осколком глиняного кувшина и нырнула в заросли колючего кустарника. Ее хватились не сразу. А когда поняли, что добыча ускользнула, Марта была уже далеко.

Когда-то мать говорила, что в лесах стоит дом, и в том доме, на чердаке, хранится шкатулка с блуждающими огнями. Как откроешь шкатулку, перейдет к тебе вся заключенная в ней сила. И не согнут тебя ни ураганы, ни злая людская воля.

Мысли Марты обрели вполне четкое направление. Она заберется на чердак, заполучит шкатулку и станет такой сильной, что уже никто не сможет навредить ни ей, ни тем, кто ей дорог.

Неизвестно, сколько бы она бродила по лесу в поисках заповедного дома – и в особенности, заповедного чердака – если бы чердак не отыскал ее сам. Она попала туда неведомо как. Темень окутала с головой, а запах залежалого тряпья возвестил о том, что хозяин отбыл и убирать в ближайшем времени не собирается.

Томясь в тесноте резных стенок, блуждающие огни учуяли присутствие Марты и буквально подтолкнули шкатулку к ее руке. Но в следующий миг гостью погребло под собой неподъемное одеяло. Устала. Как же смертельно она устала! У нее даже нет сил бороться с монотонным звучанием в голове.

... «Вяжи-вяжи, завязывай ту же. В наших краях не бывать стуже, никогда в меже не замерзнут лужи. Завязывай ту же, не то будет хуже». Гадкий голос шепчет на ухо, обволакивает, топит в неясных, липких, как патока, сновидениях.

Сон льется медленно, с неохотой, затягивает глубже, уносит всё дальше в бесконечность, растворяя прошлое и стирая будущее. Марта увязла в глухом болоте. Надо бы выбираться, да тяжесть не дает. Из трясины тянутся к горлу желтые паучьи пальцы. Напрасно она пытается кричать. Звуки тонут во мгле. Не двинуться, не шелохнуться. Склизкие комья водорослей залепляют рот.

Удушье наступает резко – и столь же резко проходит под лучами живительного света, прорвавшегося сквозь пелену кошмара.

Вдох – выдох. Мучениям конец.

Марта очнулась, когда Киприан склонялся над нею с чашкой травяного отвара. Рыжие кудри, полный ласки взгляд. Как тут не влюбиться? Он не был похож на мужчин, которых она встречала прежде. А напоминал скорее ангела, сошедшего с небес.

С другой стороны свет масляной лампы заслонила Юлиана. Она увидела у Марты на шее цепочку с круглым кулоном и сообщила, что какой-то неведомый Грандиоз тоже носит амулеты от сглаза. По спинке дивана прошел черный кот. Пересвет чиркнул спичкой, чтобы разжечь камин. И неожиданно стало так уютно, что Марта ужаснулась: ей на глаза

наворачивались слёзы размером с океан.

– Ну, ты чего? – послышался голос Пелагеи. – Всё хорошо. Невзгоды позади. С нами ты в безопасности.

Она не проспала на чердаке слишком долго, как того опасалась Пелагея. И целительные прикосновения Киприана возымели силу уже на лестнице. Когда-нибудь Марта расскажет свою историю, а пока что пусть отдыхает. Никто в целом мире не посмеет нарушить ее покой.

На бревенчатых стенах дрожали отсветы пламени. Пелагея толкла в фарфоровой ступке цветки зверобоя и калины, тихонько напевая под нос. Ей не спалось.

Мрак шумел за окном свирепыми ударами ветра. Пересвет снова забрался в библиотеку и дремал у полки с мифами, укрывшись стёганным одеялом с чердака. А на летучей кровати, которая по-прежнему не желала парить вровень со столиком, ворочалась Юлиана. Она видела, каким огнём зажегся взгляд той девушки при виде Киприана. Сердцеед этот Киприан, вот он кто.

Стоило ей подумать о сердцеедах, как летучая кровать поплыла вниз. Вот досада! Неужели сломался очередной винт?! Но нет, дело было не в винтах. Просто кое-кто наглый и рыжий воспользовался одной из своих суперспособностей.

– Пойдем, что-то покажу, – нависнув над Юлианой, шепнул он.

Лес повздорил сам с собой и был не в духе. По ветру, на фоне полной луны, беспомощно пролетела ворона. Следом

за вороной унесло летучую мышь. Юлиана поёжилась и нарочно отдала Киприану ногу.

– Вытащить меня на холод было не лучшей из идей.

– А ты глянь, – сказал Киприан. Он подвинул Юлиану так, чтобы она видела луну, и пристроился позади, точно тень.

– Лунная дорога! – поразила её та.

Столб бледного света пересекал небо и спускался прямо к окну, высвечивая ставни в цветочек. Но сам по себе он представлял бы довольно обыденное зрелище, если бы не одно обстоятельство: по лунной дорожке медленно и величаво шествовал кот Пелагеи.

– Вот уж точно обормот, – фыркнула от смеха Юлиана. – Перепутать лунную дорогу с обычной! Только он на такое способен.

– Знаешь, – проговорил Киприан, без предупреждения обняв её за плечи. – Мне вдруг вспомнились верхние миры.

– Всегда было интересно, почему тебя сослали сюда. Да ещё и в дерево превратили. Расскажи, а? – попросила Юлиана.

Киприан нахмурился и оперся руками о балюстраду. Эхо давних событий в Энеммане, краю Сияющих Звезд, только сейчас настигало его в средних мирах. Здесь время текло совершенно иначе. Сшивая два слоя, игла судьбы проткнула их в разных местах и соединила так, что образовалась складка. Его прежняя, вечная жизнь в Энеммане ничем не отличалась бы от жизни других Незримых, если бы не вверенная ему

душа.

– Я был призван ее охранять. Но она отказалась от меня. Совет старейшин решил, что вина моя, и вынес приговор об изгнании.

– Жалеешь?

– Ничуть, – улыбнулся он, щурясь под порывами ветра. – Теперь я оберегаю тебя. По правде, встретить вас с Пелагеей было настоящим благословением. Пелагея помогла мне стать человеком. А ты... Твой облик запечатлен в моей памяти навеки.

7. Энемман. Тайна Теоры

Сердце заходится в чудовищном ритме. Почти невыносимо колет в боку.

«Как ты спасёшь мир, если не можешь спастись от себя самой?»

Непривычные ощущения. Прежде ей никогда не случилось бегать так быстро и испытывать эмоции, о которых рассказывал дед Джемпай. Он говорил, что в средних и нижних мирах страх вплетается в кружево жизни подобно красному зазубренному стеблю инириса.

Во мраке мелькают причудливо изогнутые колонны. Прикоснешься к таким – шершавым, точно наждачная бумага, – будешь тосковать три дня и три ночи. Откуда Теора знает? Да просто знает, и всё.

Слипшиеся на лбу пряди, пот, застилающий глаза... Нет, это не может происходить наяву. Сон, всего лишь кошмар-

ный сон. Но Теора продолжает бежать. Страх чужд ей с самого рождения. Тогда почему она боится? Почему волны страха накатывают одна за другой, подобно гулкому прибою в неистовый шторм? Ведь в Энеммане нет никого, кто смог бы ей навредить.

Бесшумная тень, безликий противник, неумолимо следует за ней по пятам. Теора замедляет бег – и тень замедляется вместе с нею. Когда кажется, что опасность миновала, тень резко выныривает из-за поворота. У нее очертания человека, но лица не разглядеть. Она пугающе черна, как птицы из нижних миров.

Вместе с внутренней дрожью возникает безумное желание развернуться и кинуться ей навстречу.

Но если тень догонит, случится непоправимое.

Зацепившись за выступ, Теора падает. Тело пронизано сотнями колючих молний. Руки содраны в кровь. У нее всего одна попытка. Соки текут по жилкам листа и клокочут в стволе могучего Шима. Слезы льются ручьями, которые трудно сдержать. Если Теора не сможет подняться, ей не место в краю Сияющих Звезд.

Она вскакивает и вновь устремляется вперед. Но на пути вырастает высокая стена. Карабкаться бесполезно – она гладкая, как чаро-камень шингиит. Теора ощущает спиной ее пронизывающий холод.

Тень наступает столь неожиданно, что сердце пропускает пару ударов. Страх испаряется. Его полностью вытесняет

чувство беспредельного, исступленного восторга. С ног до головы Теору охватывает совершенно невозможное блаженство.

– Значит, так ты решила избавиться от меня? – шепчет на ухо проникновенный голос, от которого хочется немедленно растаять. – Нет ничего глупее, чем пытаться сбежать от собственной тени...

Рассветные лучи раскраивают сон на части. Он становится разноцветным витражным стеклом, зернистой мозаикой на дне глубокого бассейна. Он бледнеет, выцветает – но к Теоре еще не скоро вернется покой.

– А ну вставай, лежебока! У брата Денрера сегодня Час Встречи! – крикнула Антея, просунув голову в круглое окошко. Две смешные косички свесились по бокам. – Ты ведь не собираешься прийти на торжество без подарка?

Теора села на кровати с широко распахнутыми глазами. Солнце над чашей стояло уже высоко. Почему только ее никто не разбудил?

– Ну вот, ты опять как малиновый закат, – пробурчала Антея. – Признавайся, что снилось?

– Да так, ерунда, – смущенно отмахнулась Теора и спрятала лицо в ладонях. Щёки пылали жаром. До чего же неудобно! Всё, что ты чувствуешь, тотчас отражается у тебя на лице.

– Ты пропустила завтрак, – заметила подруга. – Давай, подзарядись хорошенько. Я подожду снаружи.

Антея вместе с косичками исчезла в окне, и Теора вновь откинулась на подушку. Кристально-чистая голубизна неба над головой была сродни чистительному бальзаму бабушки Медены. Достаточно раз взглянуть – и ум становится прозрачным, как вода из источника. Ни забот, ни тревог.

Теора постаралась втянуть воздух как можно глубже, напиться им до краёв. По утрам все в ее семье пили небо большими глотками. Такова была традиция и необходимость. Если кто-нибудь в Энеммане ею пренебрегал, то неизменно попадал в рабство к своим желаниям.

Голод и жажда обретали над ним власть. Он сооружал крышу над домом-чашей, потому как солнце, дожди и ветра начинали доставлять немало беспокойств. Но что самое главное, переставала действовать защита Незримых.

Теора так и не смогла представить себе, каково это – подвергаться атаке злых мыслей день ото дня. Без защиты, без возможности прибегнуть к помощи покровителя. Ее собственный Незримый еще скрывался в пятне яркого света, которое везде следовало за ней, точно большой летающий щит. Но Час Встречи уже не за горами. А пока стоит принарядиться и раздобыть подарок для брата Антеи. Сегодня вечером его будет чествовать весь Энемман.

Теора облачилась в повседневное платье с широким подолом из нескольких слоев жемчужно-белого шифона, закрепила на затылке длинные выющиеся пряди и обула туфельки цвета слоновой кости. Водяное текучее зеркало отразило

налитые соком губы, большие доверчивые глаза и чересчур уж яркий румянец.

– Бледней, – приказала ему Теора. Но румянец даже не подумал сходить.

Оставалось надеяться, что это не аллергия на вчерашний укус буко-шмеля. Он жил в пузатой банке из-под джема, сердито жужжал, когда при нём обсуждали новости, и в основном жалил слегка. А Теору он жалил лишь в одном случае: если с треском проигрывал в степные шашки. Но кто же виноват, что Теора славится фатальным попаданием в дамки?

Она завязала пояс бантом и выглянула в коридор. Родители ушли из чаши ни свет ни заря, наколов записку на шип хватайдерева:

«Готовься танцевать под дождём. Предсказатель не ошибся. Тучи движутся с запада».

Теора одобрительно хмыкнула. Может, в средних мирах дождь и причиняет неудобства, но для жителей Энеммана каждый ливень событие редкое и исключительное. Едва коснувшись кожи, капли превращаются в драгоценный бисер.

В смежной комнате, откинувшись на спинку воздушного кресла, с открытыми глазами дремала бабушка Медена. Дед Джемпай постоянно шутил, что женился на ней именно из-за глаз. На лекциях в школе искусств она запросто дурачила профессоров. Пока те были уверены, что Медена внимательно слушает, она видела десятый сон.

Прокравшись на цыпочках мимо бабушкиной комнаты,

Теора вышла во двор. По траве, в сопровождении своего мерцающего пятна, нетерпеливо кружила Антея. Совсем скоро в световых пятнах Теора сможет видеть Незримых заступников так же чётко, как и людей.

– Наконец-то! – обрадовалась Антея и подскочила к подруге. – Ты уже придумала, что подаришь Денреру?

Та покачала головой.

– Ничего на ум не приходит. А как насчет тебя?

– У меня тоже ноль идей. Жаль, наши надзиратели играют в молчанку. У них наверняка идей пруд пруди.

– Зато как только нам исполнится семнадцать, сможем засыпать их вопросами. И тут уж они не отвертятся, – рассмеялась Теора. – Кстати, слышала, обещают дождь. Наберем бисера полные карманы.

– Ух, и наделаем украшений! С тебя золотая проволока.

– Ясное дело!

Они наперегонки побежали на луг. Ветер гнал по небу невесомые облачка, раздувал подола платьев и норовил расстрепать причёски. Стрекозы с радужной сеткой на крыльях носились невозможными зигзагами.

Теора финишировала у валуна второй. Но кроме нее всё равно никто бы не сумел поймать солнечный луч. Очутившись у нее в ладонях, луч мгновенно истончился, затвердел, заблестал чистейшим золотом – и Теора намотала его на катушку.

– Первая тебе, раз ты так отменно бегаешь. – Улыбнулась

она во все зубы. – А вторая – моя.

Ухватив следующий луч, как веревку для скалолазания, Теора переплавил его в проволоку и даже не поморщилась.

– В средних мирах твоему дару цены бы не было, – прокомментировала Антея.

– Правда?

– Ага. У них золото в ходу. Да там за пару мешков золота глотку перерезать могут! Отец рассказывал.

– Не может быть! – потрясенно проговорила Теора и механически скрутила в проволоку очередной луч. – А что еще рассказывают о средних мирах?

К валуну подлетела девушка в ярко-розовом платье – одна из тех, кто танцует у праздничных костров после захода солнца.

– И мне, и мне, пожалуйста, – задыхаясь от бега, попросила она. – Нужно к вечеру диадему сплести.

Теора не глядя протянула ей катушку и уставилась на подругу с приоткрытым ртом.

Примерив на себя роль сказительницы, Антея поняла, что эта роль ей более чем подходит. Она выдержала многозначительную паузу и продолжила драматичным шепотом:

– Еще говорят, будто люди в средних мирах не защищаются от злых мыслей. Они принимают их яд, как лекарство, и почти всё время враждуют между собой. А мысли – невидимы!

– Вот так небылицы! – не поверила танцовщица в ро-

зовом. Теоре тоже слабо верилось. Чтобы коварная черная мысль с гигантскими перепончатыми крыльями и хоботком, как у мухи под лупой, вдруг оказалась невидимой – каким же немилосердным должно быть мироздание!

Воинство дождевых туч наплыло из-за горизонта без предупреждения. Почувствовав кожей первые капли, танцовщица едва не взвизгнула от радости и сорвала с плеч лёгкую накидку. Плясать голышом ей бы и в голову не пришло. Но почему бы не избавиться от лишней одежды?

Когда Теора с Антеей опомнились, девушка в розовом уже кружилась, как сумасшедшая. От нее на землю во все стороны сыпался искрящийся бисер самых разных цветов.

– Не отставай! – позвала Антея. И Теора, вскочив с валуна, тоже принялась танцевать.

Проводив тучи на восток, все трое перевели дух. Вымокли только платья. Да и те скоро высохнут под солнцем.

– Гляди, сколько бисера! – вымолвила Антея. Крупинки размером с пятую часть ногтя горели на широких листьях изумрудом, рубином и синим турмалином. Если нанизать их на проволоку, которую сотворила Теора, любое украшение выйдет на славу.

Они ползали по лугу на коленях еще несколько часов, испачкались в соке диких соцветий, покрылись испариной, а энергии всё равно хоть отбавляй. Потом танцовщица убежала к своим.

Антея критически оглядела запасы бисера и проволоки.

– Сделаю брату ожерелье, – сказала она. – Присоединяйся. Церемония вот-вот начнется. Не хочу пропустить.

Сколько Теора ни твердила, что за чужими церемониями подглядывать плохо, Антее как с гуся вода. Она по жизни чересчур любознательна и терпеть не может сюрпризов. Ее любимое слово – «сама». Сама узнаю, сама добыюсь. Сама решу, как поступить. Когда взрослые пытались ей что-либо навязать, она убегала к зарослям Мысли.

Незримый всегда был рядом в виде светлого пятна и ограждал ее от напастей. Но Антея хотела сама. Она не откровенничала ни с кем из друзей, поэтому мало кто знал об ее истинных чувствах. Теора даже не догадывалась, насколько подруге осточертел ее извечный «надзиратель».

Не пройдет и недели, как Теора встретится с Незримым лицом к лицу, переберется из родительской чаши в новую, просторную и начнет самостоятельную жизнь. А пока они с Антеей только и могут, что украдкой наблюдать через занавешенное тюлем окно, как лучится от счастья брат Денрер.

В комнате, где всего час назад на диване одиноко лежал костюм с золотыми вставками, теперь было не протолкнуться. Собрались бесчисленные старшие родственники Антеи – все без исключения долгожители – и горячо жестикулировали. При появлении светлого пятна они замерли, а Денрер преклонил колени (надо полагать, для него пятно приобрело человеческие очертания). Он заговорил, но слов было не слышно.

– Пафоса моему братцу не занимать, – сказала Антея. – Наверняка сейчас толкает напыщенную речь.

– Куда толкает? – не поняла Теора. Она то и дело озиралась. Вдруг застукают?

Антея потянула ее за рукав.

– Давай, смотри. Если нас и застанут врасплох, наказывать не будут, – уверенно сказала она. – Всё-таки праздник.

Солнце клонилось к закату, внимание многочисленных дядюшек и тётушек было целиком приковано к Денреру. Кому какое дело до двух подглядывающих девиц?

Нехитрая маскировка – зеленые пахучие ветви кустарника мариники – позволяла видеть, что творится внутри. Сначала родственники читали Денреру напутствия. Потом подходили и обнимали, похлопывая по спине, словно прощались навсегда. Кое-кто даже всплакнул.

– Надо же, сколько эмоций! – прошептала Антея, которая на дух не переносила слез.

– Подумать только, – поразилась Теора. – Наконец-то Незримый стал осязаемым!

– Но не для тебя же. Чего разволновалась? – насмешливо скривила губы Антея.

– Всего чуть-чуть осталось ждать, – сказала Теора. – Каких-то семь дней. Ах, как бы я хотела вновь увидеть его лик!

Она поняла, что проговорилась, и залилась краской. Но, к счастью, подруга не обратила внимания на ее слова. Антея была занята тем, что подсчитывала дни. Действительно, вы-

ходило, что через неделю наступит день рождения Теоры, а там и ее собственный.

Увидеть Незримого еще раз... Так люди иных земель мечтают приехать к морю, зачерпнуть в ладони белоснежную пену и почувствовать теплый бриз. Теора грезила Часом Встречи с тех пор, как десять лет назад ей довелось соприкоснуться с тайной.

В тот день она убежала из родительской чаши к зарослям Мысли только потому, что накануне бабушка Медена рассказывала, как одна непослушная маленькая девочка без разрешения вышла за порог и наткнулась на скверную Мысль. Мысль была размером с обеденный стол, перебирала десятую уродливыми лапками и жутко шевелила слоистыми перепончатыми крыльями.

– А крылья были как у мухи Михоры? – спросила Теора.

– Как у мухи, – подтвердила бабушка.

В Теоре проснулся чисто исследовательский интерес: как же выглядит муха Михора размером с обеденный стол? И она чуть не поплатилась за свое любопытство.

У зарослей Мысли (куда детям Энеммана ходить строго-настрога запрещено) она застала Незримого за тренировкой. Тот выманивал грязные мыслишки и рубил их сверкающим мечом – одну за другой. Сделать россыпью сияющих зерен при появлении Теоры ему не удалось. Он замешкался – что Незримым, вообще-то, не свойственно – и пропустил коварную черную Мысль, которая, недолго думая, полетела

прямо на Теору.

У Мысли имелся хоботок, быстрые блестящие крылья и не меньше сотни ножек, которые бесполезно болтались под грузным сегментированным туловищем. О том, что Мысль коварна, Теора догадалась сразу. Иначе зачем бы ей столь ехидно и мерзко скалиться?

Никто не знает, что случилось бы, успей Мысль добраться до Теоры. Но сверкающий меч Корут в руках заступника вовремя рассек негодяйку пополам. И только тогда Теора сообразила, что Незримый принадлежит ей, а она – ему. И он призван охранять ее от таких вот страшилищ, обитающих в темных зарослях. Он был весь в драгоценных одеждах, с лицом неизъяснимо прекрасным и взглядом, способным воскресить из мертвых.

Зачищая меч после тренировки, он смотрел на нее с укоризной и серьезностью. Но даже эта его мимолетная хмурость показалась Теоре лучезарной. Она еще не понимала, что произошло нечто такое, о чем впоследствии пожалеют оба. То, что она смогла увидеть Незримого до Часа Встречи, было плохим знаком.

Перед тем как снова скрыться в сияющем облаке, Незримый настоятельно просил никому не рассказывать о случившемся. Особенно родителям, поскольку считалось, что первая встреча должна состояться в день совершеннолетия. Теора пообещала. Ослушаться его не хватило бы духу. Он был грозен и строг, но вместе с тем внушал обожание и тоску

по бескрайним, подернутым дымкой небесам.

С тех пор Теора бережно хранила эту маленькую тайну. И Антея не раз замечала на лице подруги беспричинную, мечтательную улыбку.

8. Достать звезду

Солнце скатилось уже совсем низко, когда на мшистый валун у чаши села отдохнуть стрекоза. Антею от окна было не отлепить.

– Даже не верится, – прошептала она. – Брату семнадцать. Как быстро летит время!

– Он проживет еще триста лет, если... – Теора заговорила и тут же осеклась.

– Правильно. Если не пропадет в одном из нижних миров. Не хочется его вот так отпускать.

– Но ведь с ним будет с Незримый! – возразила Теора. Антея покачала головой.

– Незримые не могут уберечь от всех бед. Кроме злых мыслей и жадных людей, существует много другого...

О том, какие же еще опасности могут подстергать в иномирье, услышать не довелось.

– Прячься! Идут! – шепнула Антея и на корточках отползла за округлость чаши. Из дверей цепочкой выдвинулась сияющая процессия во главе с Денрером и его покровителем. Закатившись за горизонт, солнце послало ввысь прощальные лучи. Поплыли над лугом ароматы ночных цветов, небосвод из темно-синего сделался черным, и на нем, подобно огням

маяков, зажглись огни ближних и дальних звезд. До подруг донесли голоса гостей.

– Астрономы говорят, в созвездии дальних Сирен появилась какая-то новая ближняя звезда. Фиолетовая! – заметила престарелая родственница Антеи, которой недавно стукнуло двести восемьдесят. Она шагала легко и смеялась, как девчонка.

– Если наш Денрер спасёт фиолетовый мир, я буду им гордиться, – ответил старик с белой окладистой бородой и улыбнулся. Если сосчитать все его зубы, выяснилось бы, что их ровно тридцать два. Старику почти сравнялось триста.

Крадучись за процессией, Теора и Антея не заметили, как очутились среди костров.

– Ой, я забыла браслеты, – сказала Теора. – И платье грязное, просто жуть.

– Пустяки! – уверенно заявила Антея. – Всем подавай виновника торжества. Наш внешний вид никого не заботит.

После вечерней зари им обеим следовало надеть нарядные платья, звенящие браслеты из камня незерита и явиться на праздник костров. Иначе его еще называли праздником Воссоединения и устраивали всякий раз, когда кто-либо из жителей Энеммана встречал своего Незримого.

Нынешней ночью чествовали Денрера, длинноволосого парня-непоседу, которого вечно тянуло на подвиги и свершения. Возможно, именно от брата Антея «заразилась» тягой к самостоятельности и стремлением делать всё в одиноч-

ку.

Она прекрасно отдавала себе отчет в том, что неудачная попытка забраться на башню Карему грозит если не гибелью, то полной инвалидностью. А это считалось даже хуже смерти. Зато если мышцы и сила воли не подведут, она достанет звезду, попадет в мир по ту сторону небес и докажет, что на многое способна и без Незримого. К чему ей сияющий опекун с мечом, отражающим мысли? Он будет лишь путаться под ногами. Да, конечно, Антея слышала о братской любви, которая зарождается между Незримым и его подопечным. Но какое ей дело до чувств? Проявление эмоций – удел слабых. Победы и поражения – эти суровые уроки жизни – вот истинное предназначение сильных духом.

Она не любила праздники Воссоединения. Истории о спасении миров казались напыщенными и неправдоподобными. Теора слушала их с восторгом, а вот Антея утверждала, что всё до последнего слова – вздор и чепуха. Правда, не прилюдно. При посторонних она предпочитала держать рот на замке.

С высоты птичьего полёта луг был похож на крохотную вселенную. Устремляясь к усыпанному звездами небу, змеились зеленые, синие, оранжевые и малиновые струи огня. Под ними трещали ветки и сучья деревьев из зарослей Мысли. Люди собирались – каждый у своего семейного костра. Взрослые вели тихие разговоры, среди молодых бурлило веселье. Старики сидели на широких цветастых покрывалах и

играли в «энни-менни», стараясь силой мысли сбить с доски фигурки соперников.

В стороне от людей бесформенными субстанциями парили в воздухе Незримые. Теора присматривалась к ним в надежде на чудо, но так и не смогла отличить среди них того, кто спас ее десять лет назад.

Зато спаситель видел Теору, и даже слишком хорошо. Испачканное платье, пылающие алым щеки и волосы, белые, как свет дальних звезд, – всё в ней было прекрасно.

Залюбовавшись, Незримый Теоры пропустил начало торжества. Денрер вышел на середину луга, поклонился четырьмя сторонам света и произнес заученную на зубок речь, после чего настало время танцев.

Древняя ритмичная музыка, сотканная из звуков дюжины струнных, духовых и ударных, уносилась ввысь, к разноцветным россыпям ярких звезд, уходила глубоко под землю и кружила гостей пира в своем неудержимом водовороте. Лишь Незримые держались поодаль светлой стеной, величественные и безмятежные.

Вволю натамцевавшись, Теора улеглась на покрывало возле костра. Дед Джемпай легонько ткнул ее пальцем в бок.

– Что, с ног валишься? А наряд-то теперь не отстирать. Вот намучается Тертея!

– Да ладно тебе ворчать! – сказала бабушка Медена. – Погляди лучше, как старшие отплясывают. Нынешняя молодежь Тертею с Шеоредом и в подметки не годится.

Музыка стихла столь же внезапно, как и началась. Зазвучала едва слышная, исконная музыка лугов, наполненная треском цикад, гудением мух и шелестом травы. Покрывала переместили к центральному костру и уселись в круг.

Теора расположилась между Антеей и Денрером, дед Джемпай занял почетное место героя и рассказчика рядом со стариками из рода Менехов, Севров и Линеоров. Семья Теоры принадлежала к славному и очень древнему роду Нейлов, но молодой наследнице это ровным счетом ни о чем не говорило.

Всех спасителей миров называли по-особому. Например, деда звали Джемпай – спаситель Мередона. Отца Теоры, грозного бородатого Шеоред – спасителем Переннии. Хрупкую, но волевою Тертею – спасительницей Ангрии.

Денрер, пунцовый от танцев и священного напитка, тайком поведал Теоре, что собирается стать спасителем долины Ревий. Там, как утверждалось в книге Земель, беззащитные маленькие люди соседствовали с хищными и жестокими варварами.

Теора хотела ответить, что укрощать варваров занятие не из лёгких. Но тут дед Джемпай начал свой вдохновенный рассказ о спасении Мередона. Теора слышала его сотни раз, и всегда находила для себя что-то поучительное, чего не скажешь о подруге, которая намеренно пропускала слова старших мимо ушей. Если Антея чего-то не хотела, заставить ее было практически невозможно.

Пока Джемпай в красках расписывал свои приключения в Мередоне, ей вспомнился недавний разговор с Теорой. Изучив книгу Земель вдоль и поперёк и посоветовавшись с астрономами, Теора решила спасти край под названием Вааратон.

«Он не такой большой, как тот, что достался деду. И, похоже, не столь сложный. Думаю, справлюсь. Но что насчет тебя?»

«Родня с детства твердила, будто нет ничего лучше, чем сорвать одну из ближних звезд и перенестись в какой-нибудь мир, чтобы избавить его от бед, – вздохнула Антея. – Может, поэтому я сидела днями напролет за изучением миров. Вааратон мне по душе. Отправлюсь с тобой».

«Но что если звезда будет всего одна?»

Антея передернула плечами. Она верила в свою неуязвимость, полагалась на удачу и была убеждена, что всё пойдет по плану.

– Делай свое дело. Наряжайся, жди Незримого. А я сделаю свое. Моя судьба – на вершине подвижной башни.

– Башня Карема? – вздрогнула Теора. – Нет, даже не вздумай! Если ты сорвешься и упадешь...

– Да-да, – нетерпеливо перебила Антея. – Знаю. Хотя бы ты не читай мне нотаций. Если выживу, наши пути обязательно пересекутся.

На равнине серебрились чаши. Костры давно погасли. Ночь дышала прохладой и терпкими ароматами растений. В

глубоком небе, залитом чернильной тьмой, мерцали звёзды.

Местный астроном Леррис нацелил телескоп на планету с шестью кольцами, которая одиноко висела в безжизненном космосе. Пристроился у окуляра и принялся созерцать. Ближние звезды немного ему мешали, но что поделать? У природы ничего лишнего не бывает.

Только он так подумал, как одна из ближних звезд – ярко-желтая, по цвету точь-в-точь плод кислого нерта, – оторвалась, словно плохо пришитая пуговица, и стремительно полетела к земле, оставляя позади неясный исчезающий след.

– Вот так-так! – удивился астроном. – Неужели и у природы есть от чего избавляться? Что стряслось с этой звездой? Неужели погиб один из миров? И большой ведь был мир...

Буко-шмель вернулся из дежурного полёта, залез в банку и, сварливо пожужжав, отправился на боковую. А Теора лежала в полутьме, пытаясь разглядеть рисунки на стенах своей комнаты. Сон никак не шел. Сбоку, через окно, в чашу вливался свет. Мягкое сияние разноцветных ближних звезд на безоблачном небе замедляло ход мыслей. Серебряные крапинки дальних напоминали о бесконечности вселенной.

Почти с самого рождения Теора знала: ближние звезды – это миры, где дела идут неважно. Как только в мире устанавливается равновесие, ближняя звезда гаснет и превращается в дальнюю.

Но если миссия спасения терпит провал, крушение неизбежно. И тогда ближняя звезда навсегда покидает небосвод. А на ее месте остаётся выцветшая пустота. Одни звезды исчезают, другие появляются. Так было и будет всегда.

Теору терзало смутное беспокойство. Что имела в виду подруга, милостиво позволив ей ждать Незримого? Почему судьба Антеи – на вершине башни? Неужели она задумала отказаться... Нет. Суший вздор! Отрекшимся от Незримых не удавалось спасти даже захудалый мирок. Как правило, они сами нуждались в спасении. Антея умная. Она не станет действовать наперекор многовековым обычаям.

Зеленая звездочка Вааратона подмигивает Теоре с небес, словно намекая: после воссоединения с Незримым всё пойдет как по писаному.

«Поймаешь звезду – и она увенчает кольцо бриллиантом, – звучит в голове голос матери. – А когда мир будет спасён, бриллиант обретет силу».

Жизнь Теоры – огранённый алмаз. Ей не нужно бороться за выживание, потому что Энемман – край вечного достатка. Она ничего не знает о тьме, потому что защищена. Шеоред часто повторяет: за клумбой нужен глаз да глаз, иначе вырастут сорняки – забот не оберешься. Если сорная трава вырастет в душе, любая трудность в чужом мире покажется непреодолимым препятствием. А измученным жителям чужого мира перво-наперво нужен свежий взгляд со стороны.

«Береги свой ум, – наставляет Шеоред. – Прочерти между,

установи пограничные пункты и ни под каким предлогом не пропускай внутрь злые мысли».

Теора готова следовать любым советам. Лишь бы приблизиться к недостижимому совершенству, лишь бы хоть немного стать похожей на того, с кем вскоре предстоит объединиться.

Глубокой ночью, прислонившись к гладкой стене чаши, на улице караулил Незримый. От его длинного одеяния во все стороны исходило свечение. Прямые волосы, затянутые в тугой хвост, ниспадали на плечи, а в ножны был надёжно вдет отточенный меч Корут. По ночам в зарослях стояла мёртвая тишина. Но следовало быть начеку. В тишине чёрные мысли копили силу.

Незримому ничего не стоило пройти чашу насквозь. Он существовал вне пространства и времени, однако при желании мог легко брать в руки предметы и даже становиться подобием человека.

Теора была далеко не первой его подопечной. Он посетил многие миры и много чего повидал. Однажды рожденный из воздуха и лучей Антареса, он жил на протяжении вечности, нисколько не старясь и не страшась смерти. Увядание и болезни не имели над ним власти. Возможности Незримых, их бесспорное совершенство и сила пленяли воображение смертных и приводили их в трепет. Но при всём своем великолепии Незримые умудрялись считать себя слугами людей.

От созерцания его отвлекли шаги. Сперва шаги, а затем

грубый голос.

– Эй, ты, дылда блестящая! Я к тебе обращаюсь!

Незримый чуть было не выхватил из ножен меч. Последний раз он сталкивался с такой наглостью веков пять назад. Напротив стояла Антея. Небрежно заплетенные косички, черные, совершенно дикие глаза и неуёмная дрожь по всему телу. Антея была в пижаме и босиком.

– Скажи этому приставале, чтобы проваливал! Я из-за него спать не могу, и аппетит пропал. Да что там! Все, кому не лень, наперебой твердят мне о Часе Встречи. Голова трещит, как костёр! А вы, светлые пятна, вы же вроде на одном языке общаетесь? Вот и передай ему: пусть катится!

– Успокойся, – сказал Незримый и выставил ладонь. Но потом вспомнил, что Антея его ни слышать, ни видеть толком не может. Обратил взгляд на товарища. Тот плыл над землей в светящемся облаке и был как в воду опущенный. За ним невесело волочились полы пурпурной одежды, печально свешивались на лицо огненные пряди.

– От меня еще ни разу не отказывались! – пожаловался он. – Я тщательно ее оберегал...

– Да, видно, не уберег, – гулко ответил Незримый. – Антея уже несколько раз обводила тебя вокруг пальца. Как думаешь, куда она отлучалась?

Шевелюра собеседника сделалась на несколько тонов светлее.

– Неужели в заросли?

– Я свидетель. Она слишком близко подпустила к себе тамошних обитателей. В ее уме бродят черные мысли. Чтобы их выдворить, одного желанья мало. Понимаешь?

Незримый Антеи кивнул с убитым видом. Если от него и отрекется, то из-за его же недосмотра.

Зашуршала пригибаемая ветром трава. Теора уронила букет увядающих цветов, перебросила через плечо белый водопад волос и прибавила шагу. Быстрее, еще быстрее. День прошел как в тумане, и только теперь она ясно осознала: медлить больше нельзя. Заря догорает, звезды висят так низко, что кажется, достанешь рукой. Антея не должна лезть на башню.

Мысль о том, что близкая подруга может разбиться насмерть, мутила рассудок, ускоряла биение сердца и застила глаза пеленой.

Здание гудело и качалось. Где-то в вышине, в недостижимом мраке, скрывались его последние этажи. Башенный страж, свирепый ветер Вирр, свистел меж толстых серебряных балок, ожесточенно дую в лицо.

Но Антее ветер был нипочем. Благодаря усердным тренировкам она почти не устала. Только в основании шеи нет-нет да и проскакивал укол иглы.

Сжав зубы, она подтянулась и сумела добраться до десятиметровой точки, выше которой начинались крюки. Под ногами колыхался океан тёмного разнотравья.

«Не смотри туда, только не смотри», – шепчет Антея и делает еще рывок. За крюк уцепиться куда легче. И нога, соскользнувшая с балки, вновь обретает опору, пока сердце делает отчаянный кувырок. Башня Карема не стоит на месте. Двигается по лугу, словно ее отовсюду гонят. И утробно воет, будто изголодалась по крови смельчаков.

Вирр швыряет в лицо горсть льдистой пыли. По ночам он вырывается из нутра башни и без передышки дует до самого утра. А на заре, стоит солнцу наполовину показаться из-за горизонта, ветер делается кротким, как овечка. И крохотные бутоны сиреневых луговых лилий раскрываются при полном затишьи.

9. Долгожданная встреча

Теора примчалась к башне, когда та медленно проплывала над мощеной булыжниками площадкой для зарядки. Подпрыгнув, схватилась за холодную трубу и беспомощно повисла. Права была бабушка Медена, когда говорила, что одолеть подъем способен лишь силач. Напрасно Теора это затеяла. Ох, напрасно!

– Поворачивай! – крикнула она. – Спускайся, пока не поздно!

Слова заглушил насмешливый свист ветра. Антею не остановить. Безумная попытка Теоры забраться хоть сколько-нибудь выше потерпела провал. На нежной коже ладоней уже намечались мозоли. Она болталась на перекладине, как марионетка, и ею впервые завладело чувство безысходности,

смириться с которой невозможно.

Чьи-то крепкие горячие руки схватили ее за щиколотку и буквально дернули вниз. Ближние звезды обнадеживающе мерцали не для нее. Теора сорвалась и с оханьем покатилась по траве. Счастье, что не по камням. Башня Карема даже не думала сбавлять ход.

Теору вздернули за воротник, и над ухом прогремел раскатистый голос Шеоред:

– Ты что вытворяешь, дитя непокорное?! – грозно осведомился он. "Непокорное дитя" взмолилось:

– Отец, отпусти! Ну отпусти, пожалуйста!

– Зачем ты туда полезла?! Жить надоело?!

– Там Антея!

– Твоя непутевая подруга может делать, что пожелает. А ты марш домой! – прикрикнул на дочь Шеоред и оттолкнул от себя с такой силой, словно перед ним не дочь была, а заклятый враг.

Тут Теора обнаружила, что растянула связки, и заковыляла по направлению к родительской чаше, поминутно утирая слёзы. Она оглянулась лишь раз. Но этого раза хватило, чтобы понять: Антея всё еще не сдалась. Она непреклонно движется к цели и, может статься, достигнет ее раньше Теоры. Звезда Вааратона – славная зеленая звездочка, которую принято срывать вместе с Незримым, – достанется той, чью волю не сокрушить никаким ветрам.

Теора вспомнила о Незримом и вновь зарделась. Хорошо,

что в темноте никто не увидит. Всю жизнь она только и мечтала, что о священном Часе, когда ей наконец-то представят Незримого. Ее защитника и верного друга. Того, кто никогда не предаст и до последнего вдоха будет рядом.

Похоже, Антее она теперь не нужна. Мудрецы Энеммана говорят: если пути расходятся, нет смысла бодаться с судьбой и сворачивать с дороги, которая тебе уготована. Каждому – своё.

Теора убрала с лица волосы и посмотрела вокруг. Вот она, ее дорога. На бескрайнем ночном лугу золотятся пахучие цветки верверов, мокрая от росы трава приятно холодит ноги. Сандалии звенят пряжками, сверху на равнину глядят разноцветные звезды-маяки, а впереди белеет родительская чаша. Как только Теору официально представят Незримому, она сможет каждый день наслаждаться его обществом. Какой же глупой она была, когда собиралась рискнуть жизнью ради Антеи!

Среди звезд прочертила полосу огненная комета. Кроме Шеоред и Теоры, все внутри чаши были в сборе и дружно наблюдали, как тает ее оранжевый хвост. Маленькая бабушка Медена так зазевалась, что по дороге к столу чуть не уронила доску для игры в степные шашки.

– Уже за полночь перевалило, а их всё нет. – Ёрзал на стуле дед Джемпай. – Дай, хоть время за шашками скоротаю. Кто готов сразиться?

– Из меня игрок неважный, – заявила Тертея и принялась

натурить свой любимый кубок.

В прошлом году она победила в конкурсе на самую искусную вышивку, и с тех пор свободных шипов на хватайдереве почти не осталось. Тертя с завидным упорством вышивала пейзажи, портреты, натюрморты и даже карикатуры. А потом без зазрения совести цепляла их на колючки.

– Я тоже не собираюсь играть, – сказала Медена. – Хочешь, разбужу для тебя буко-шмеля?

– Ну, нет, – проворчал Джемпай. – Теора его натаскала, будь здоров! Проиграть буко-шмелю было бы унижительно.

Когда на пороге показалась растрепанная Теора, ей тут же поспешили навстречу. Бабушка – с аптечкой, дед – с громкими причитаниями, а мать отложила кубок и с расстановкой сказала:

– Только не вздумай явиться в таком виде на Час Встречи. Твой Незримый помрёт со смеху.

– Ага, как же, – ответила Теора и уселась в кресло.

– Откуда эти царапины? Ай-яй-яй! – суетилась рядом бабушка Медена. – Ведь я предупреждала: не суйся к башне, проку не будет.

– А я, – заявил Джемпай, – тоже любил правила нарушать. Молодо – зелено.

Его Незримый заулыбался. Незримые матери и бабушки всё еще провожали взглядом комету. Для Теоры они были лишь бесформенными светлыми фигурами. Сквозь них виднелись контуры предметов и очертания лиц.

Подоспел запыхавшийся отец.

– Давненько я не стаскивал с Каремы непослушных со-рвиголов! – рассмеялся он, обнажив ряд белых зубов. – Дети так быстро подрастают. Не успеваешь оглянуться, а они уже перешагнули порог! Теора, скоро ты покинешь семейную чашу и поселишься в новой. Незримый, как и прежде, будет оберегать тебя днем и ночью...

– Но не только от злых мыслей, – перебила бабушка. – Когда звезда будет активизирована, вы перенесетесь в другой мир. И там тебе могут встретиться люди, каких нет в Энеммане. Алчные, завистливые, гордые. Берегись их. Не заводи опасных знакомств.

Девушка кивнула и закусила губу. Если завтра Антея не появится, это будет означать, что Теору опередили.

Утро налилось в чашу пронзительной свежестью, пряными запахами трав и птичьими трелями. Зажужжав, бую-шмель стукнулся спросонья о стеклянную стенку банки.

После раннего завтрака Теора задернула занавеску, снова опустилась на кровать и заложила руки за голову. Тысячи дальних звезд растаяли, когда забрезжил рассвет. Небо перестало подмигивать сотнями ближних маяков, но все они были на месте. От Антеи уже который день не поступало вестей. Но, несмотря на ее исчезновение, звезда Вааратона никуда не делась. Сегодняшний день отличался от предыдущих. Сегодня Теору окружали чудеса: добрые люди, дивная природа

и переживания, от которых сладко щемило сердце.

Двенадцать часов. Через какие-то двенадцать часов для нее наступит пора перемен. Так в застывший мир приходит весна, свергая порядки строгой, холодной зимы.

Прежде чем погрузиться в утренний сон, она еще некоторое время слушает пение легкокрылых миррид, которые замолкают с восходом, чтобы впитать в себя музыку нового дня.

Близился вечер. Теора сидела на горячем гладком валуне, теребя спелый колос винетины. На лугу водили хоровод девушки с пестрыми лентами в косах, а в стороне, не теряя бдительности, стояли на страже призрачные Незримые. В свете желтого солнца их было почти не разглядеть.

Отчего же Теоре так хорошо и тревожно одновременно? В груди поднималось и вновь затихало странное, неведомое доселе чувство. Хотелось убежать, куда глаза глядят. Хотелось петь и плакать от счастья.

– О чем думаешь? – вывел из полубабы журчащий голос Тертеи. Солнечный луч до дна просветил ее смеющиеся зрачки.

– Мама?

– Тсс! Не шевелись! Гляди, какая ящерка! Золото с изумрудом. – Тертея нагнулась и протянула руку. Ящерка сиганула в траву прыткой молнией.

– Ну вот, спугнула! – улыбнулась Теора и замолкла. Мать подняла на нее чересчур уж серьезный взгляд.

– Я вижу тебя насквозь, – театральным шепотом произнесла она. – Ты сомневаешься, стоит ли связывать жизнь с Незримым. Ведь кто-то прекрасно обходится и без покровителей. Не так ли?

Теора не знала, что ответить. Мать вечно строила из себя прозорливую и вела себя так, словно ей известны потаённые глубины человеческой души. Но она редко когда угадывала мысли. Насчет Незримого сомнений не оставалось. Беспокоило другое. И на сей раз Тертея попала в яблочко.

– Незримые почти не уязвимы. Но я должна кое о чем предупредить. Если твой Незримый защитит другого человека, то сделается его хранителем. И тогда по возвращении в Энемман Незримой станешь ты.

Теора ощутила спиной покалывание крошечных льдинок, хотя луг стоял в знойном мареве.

– Я не боюсь, – выдавила она. – Я собираюсь подготовиться и быть во всеоружии.

– Кстати о подготовке. Платье только что доставили.

Дочь точно ветром сдуло. За все свои неполные семнадцать лет она ни разу не бегала на длинные дистанции с таким энтузиазмом.

...Теора еще немного покрутилась перед зеркалом. Она решительно не понимала, как можно добровольно отказываться от того, чего многие в Энеммане жаждут с самого рождения. Взваливать на себя груз ответственности за соб-

ственные ошибки глупо, когда есть тот, с кем этот груз можно разделить.

Антея намекала, что собирается отречься от Незримого. А он почти наверняка был неподалеку. И если он все слышал, то как, должно быть, опечалился. Ужасно, когда от тебя отрекаются. Но еще ужасней, если отрекаются, так и не увидев твоего лица.

Украшения из солнечной проволоки Теора приготовила заранее: два браслета с аметистами на правую и левую руку, ожерелье в виде переплетенных ветвей и диадема с огромным хризолитом по центру.

– Незримый ни за что меня не предаст, – сказала она своему отражению. – Защитить другого человека? Как бы ни так!

Один вид подарочной коробки, где лежало платье, вызывал предвкушение сказки, извлекал из залежей памяти давно забытые образы и вызывал безотчетную улыбку.

Что уж говорить о платье? На подоле и лифе золотились цветы. Вышивка поражала изысканной красотой. И если бы Теора не знала, что платье шито у мастера на заказ, то решила бы, что это дело рук Тертеи.

На дне коробки она обнаружила серебряное кольцо. Незамысловатое, широкое, с черненой надписью на непонятном языке.

«Его нужно будет надеть на средний палец. В знак того, что отныне мною движет благородная цель», – вспомнила она бабушкины слова. И у Медены, и у деда Джемпая, и у

каждого из родителей на среднем пальце красовалось по такому кольцу. Никто даже не пытался расшифровать загадочную надпись. Когда Теора приставала к родным с вопросами, они сами делались загадочными и, точно сговорившись, отвечали: «Со временем смысл откроется».

Она примерила кольцо – и тотчас стряхнула с руки. Серебро жгло кожу. То ли оттого, что Час Встречи еще не настал и Теора нарушила правила. То ли оттого, что она увидела Незримого раньше положенного срока.

А если на церемонии кольцо по-прежнему будет жечься? Неужели ее с позором выгонят из родительской чаши? Неужели Незримый от нее отвернется?

Щеки запылали, как два малиновых заката. Да что это с ней, в самом деле?!

Помотав головой, Теора прикрыла дверь в спальню и с миниатюрными розочками в зубах принялась за прическу.

Еще более красивый и притягательный, чем десять лет назад, Незримый присутствовал во время торжественных речей бабушки Медены и деда Джемпая. Потом, путая слова и запинаясь, заговорила Тертея. А за нею последовали избытые, отдающие нафталином назидания Шеоредя.

В продолжение всех напутствий Теора смотрела на Незримого в упор, без доли застенчивости. Она снова могла его видеть. Когда родные заподозрили неладное, было уже поздно.

Окруженный извечным сиянием, Незримый выступил

вперед – и Теора подалась ему навстречу. Без неловких моментов здесь, конечно, не обошлось. Именинница наступила на длинный подол платья – и ткань с треском разошлась по швам. Бабушка ахнула, мать взмахнула веером, прикрывая неуместную улыбку, а дед только языком прищелкнул. Зато Теора даже не придавала этому значения.

– Сколько лет, сколько зим! – воскликнула она и бросилась Незримому на шею.

О да, теперь она могла не только до него дотронуться, но и обнять. Без опаски рассмотреть каждую черточку на его дивном лице, взять за руку, провести пальцем по узорам на шелковых одеждах, которые струились до самой земли, приоткрывая лишь носки туфель. Никаких запретов, никаких преград.

У Шеоред отвисла челюсть. Он едва сдержался, чтобы тут же не броситься к дочери и потребовать объяснений. Шеоред во всем любил придерживаться порядка. Тайны и недомолвки были ему не по нутру. В людях он предпочитал два качества: честность и прямоту. И если быть честным, то честным во всём, вплоть до работы со скульптурами из шингита, когда ни один удар по камню не пропадает впустую.

– Вот мы и встретились наконец, – тихо проговорил Незримый. А затем мягко отстранил Теору от себя. Как и полагалось на Часе Встречи, он отвесил чинный поклон, приложив руку сперва к сердцу, а затем ко лбу. Это означало, что он не оставит Теору ни в радости, ни в горе и защитит,

какая бы беда ни приключилась.

Бабушка Медена при этой сцене так растрогалась, что невольно пустила слезу. Дед легонько тронул ее за локоть и шепнул:

– Кольцо! О кольце не забыли?

Кольцо с таинственной гравировкой Теора всё это время держала в полотняном мешочке за поясом. Протянула Незримому, зажмурилась. Если сейчас оно опять опалит кожу, худо ей придется.

Незримый бережно взял ее за руку. На миг Теоре показалось, будто ее окутал плотный поток теплого ветра. Надпись на кольце вспыхнула голубым пламенем и погасла. А в следующую секунду драгоценность уже сверкала на ее пальце. Кольцо больше не жгло.

Только сейчас Теора заметила, как ушло напряжение, витавшее в воздухе. Родня вздохнула с облегчением. Даже луг, который было замер, вновь загудел вечерним хором насекомых.

Что за проверку она только что прошла? Почему ее не предупредили?

Бабушка Медена сделала успокаивающий жест.

«Это чтобы ты не волновалась понапрасну», – говорили ее глаза.

10. Отречение

Разноцветные костры тянулись к небу гибкими струями огня. Звезда Вааратона по-прежнему висела и ждала Теору.

Но Теора смотрела исключительно на Незримого, который вёл ее под руку, точно доблестный воин из сказаний.

Ее поздравляли с днем рождения, сыпали горы пожеланий и подарков. Она отвечала рассеянной улыбкой. Если перед Часом Встречи в голове творился сумбур, то сейчас там царил блаженная тишина. Лишь сердце билось так, словно его посадили в клетку и оно жаждет свободы. Выдавало рваные ритмы, резко останавливалось, а потом вновь начинало бешено стучать. Бабушка сказала, это нормально. В Энеммане так бывает со всеми, кому только-только исполнилось семнадцать.

«Организм перестраивается. Ломает старые законы, чтобы ты могла без последствий перенестись в другой мир. Потерпи, – добавила Медена. – Энергия Незримого поможет тебе обновиться».

Так вот, оказывается, каково было Денреру на празднике Воссоединения! А он и виду не подавал. Держался. Теора поняла, что держаться, как он, не сумеет. Внезапно накатила дикая слабость, и девушка едва не отключилась. Но когда рядом с тобой Незримый, хлопнуться в обморок при всём честном народе весьма проблематично.

Теора ощутила приток силы, идущий откуда-то извне. Ее словно окунули в ледяную прорубь и, не дав отдышаться, тут же отправили в парильню. Придя в чувство, Теора встретила глубокий и нежный взгляд своего сияющего опекуна.

– Не смущайся, – улыбнулся тот.

– Что, опять краснею?! – ужаснулась Теора и накрыла щеки ладонями. – Это всё наследственность.

– Пустяки, – отозвался Незримый. – Румянец тебе к лицу.

Чаша, куда они переехали, оказалась просторной, без единого уголка, где могли бы обосноваться пауки. Но шестиногие проявили изобретательность и сплели огромную паутину вместо крыши. Белые прочные нити основы были натянуты, как струны. На поперечных, более тонких нитях сверкала роса.

Из всей коллекции восходов, что за семнадцать лет собирала Теора, сегодняшний был самым поразительным. В каждой капле росы играли краски, которые стоило бы увековечить. Каждую каплю можно было смело помещать под стекло и отправлять в музей на выставку.

Сняв украшения – все кроме кольца – Теора заложила за ухо сиреневый цветок мереники и в платье, как была, упала на застеленную кровать.

– Паутина – прелесть, – высказалась она. – Пускай остаётся.

Черный паучок плавно спустился на невидимой нити, и Незримый поймал его на палец.

– Согласен. С уборкой можно повременить. Тем более что вечером состоится охота на звезду.

Теора вздохнула и потянулась.

– Время слишком торопится. За ночь я так устала, что да-

же переодеваться лень. И в сон клонит. Кстати, ты как обычно спишь? Стоя или лежа?

– Я не сплю, – ответил Незримый. – Нет необходимости.

– Стало быть, и не устаёшь никогда?

– Без усталости рублю негодные мыслишки, – рассмеялся тот и подбросил в воздух меч Корут с бордовой рукоятью.

Смеется. Теора хмыкнула, поднеся ладонь к губам. Она всегда считала, что Незримый должен быть холодным и неприступным, как белые скалы за долиной.

– Привыкай, – сказал Незримый, проницательно взглянув на подопечную. – В будущем тебе еще не раз придется разочаровываться.

Теора опешила.

– Это кто тут разочаровывается? Ты что, и мысли читаешь?

– Само собой.

Теора накрылась одеялом по самую макушку.

– А так?

Незримый отдернул край одеяла и усмехнулся.

– Перестань. Мне даже стены не помеха.

Теора хитро улыбнулась. Ей в голову пришла потрясающая мысль.

– Тогда как насчет полетов? Ты ведь летаешь, не так ли?

– Этих способностей у меня не отнять, – добродушно подтвердил тот.

– Тогда полетели к снежным вершинам! Прямо сейчас!

Упрашивать Незримого не пришлось. Он подхватил Теору на руки, словно она была невесомым пёрышком. Взмыл в чистое небо, начисто позабыв о паучьей сети, – и был немедленно спущен с небес на землю.

– Я же просила не трогать паутину! – с досадой воскликнула Теора. – А теперь она вся на мне!

Незримый пообещал искупить свою вину, набросил на подопечную край сияющего одеяния – и белые волокна органично вписались в вышитый на платье узор. Теора изумленно вздернула брови.

– Ты и такое умеешь?!

Незримый предпочел промолчать и рванул к горам на ураганной скорости. Превращению паутины в вышивку он научился только что.

Снежок со вкусом мятного мороженого полетел в сторону Теоры и ловко нырнул за воротник. Теора в долгу не осталась.

– Получай! – Она метнула сразу горсть снежков, но те рассыпались на полпути. Незримый сдержанно улыбался. Было видно, как ему хочется выпустить смех наружу и бросить вызов равнодушию холодных гор.

По склонам, опасно приближаясь к пропасти, тянулись цепочки следов. Прерывались цепочки в самых неожиданных местах. Познав головокружительную сладость полёта, Теора вновь и вновь бросалась в разверстую бездну, где ее ждали потоки плотного ветра и крепкие объятия за пару се-

кунд до приземления, несущего смерть.

– Вот теперь я точно готова, – сказала Теора. Стараниями Незримого она не расшиблась ни в сотый, ни в сто первый раз. – Восстановлю порядок, спасу мир. А ты мне поможешь.

Дома она принялась разбирать вещи, которые накануне перевезла из родительской чаши. Незримый опрометчиво заявил, что старье вряд ли ей пригодится.

– Где тут старье? – слегка обиделась Теора, вынимая из коробки свои рисунки и амулеты на черных шнурках. От них исходил едва уловимый запах эфирных масел.

Она прекрасно понимала, что вскоре со всеми этими ценностями придется расстаться. Ничто из вещей не может принадлежать тому, кто вот-вот переправится в смежный мир. Туда не захватишь ни сокровищ, ни сменной одежды. Что уж говорить, если некоторые при переправе теряли рассудок. Даже внешность не застрахована от изменений.

Когда Незримый осторожно на это намекнул, Теоре сделалось не по себе.

– Как? В Вааратоне я могу стать некрасивой?

– Необязательно. В Вааратоне я еще ни разу не бывал. Но случалось, что в других мирах жители Энеммана менялись. В основном, по моему недосмотру.

Последнюю фразу он произнес так тихо, что ее заглушило стрекотание сверчков.

– А бывало, что менялся ты сам? – не унималась любопытная Теора. Она сидела на кровати, скрестив ноги, и смотрела в пол.

рела на Незримого во все глаза, точно он был какой-нибудь сказочник из далеких земель.

– Постоянно, – ответил тот. – Мой облик менялся постоянно. Если честно, это слегка утомляет. Каждый раз приходится приспособливаться заново.

– Тяжело вам, Незримым, – озадаченно протянула Теора. Ее сияющий хранитель не удержался от очередной улыбки.

– Может, оно и к лучшему. Жизнь находится в непрерывном движении. Ночь сменяется днем, прорастают и вянут растения, куда-то вечно спешат облака. Если долго пребывать в покое, становишься уязвимым.

– Знаешь, – сказала Теора, – в Вааратоне не так уж и опасно. Я специально подыскивала мир, где было бы поменьше зла.

– У зла множество форм, – возразил Незримый. – Оно любит скрываться под разными масками и проникать через малейшую щёлку, стоит только зазеваться. Вот потому-то я и забочусь о твоих мыслях так тщательно. Едва чёрная мысль спускается в сердце, как соединяется с волей. И тогда поврежденным становится весь человек. Чернота разрастается в нём подобно плесени.

– Как говорила мама в особо запущенных случаях, простыми средствами тут не обойдешься, – усмехнулась Теора. – Когда наш бассейн покрывался плесенью, приходилось использовать «тяжелую артиллерию».

– Суть ты уловила, – похвалил Незримый и склонился так низко, что она чуть не свалилась с кровати. – Но всё же хорошенько запомни мои слова. Злые мысли нужно отсекать сразу. Иначе станешь искаженной, как отражение в осколке вазы. И жизнь твоя исказится.

– Но почему ты говоришь об этом сейчас?

– Другого случая может и не представиться. Сегодня ночью звезда Вааратона станет бриллиантом на твоём кольце. А я... Никто не знает, какой облик уготован мне по ту сторону небес.

Антея не понимала, почему и за какие грехи хочет расквитаться с подругой, но необъяснимая, горькая зависть держала ее в своих тисках. Казалось, зеленая звезда опалила ее ладонь вечность тому назад. Но боль от ожога до сих пор не утихла. Любое движение вызывало приступ тошноты, Антея шла через силу.

Почему звезда не сделалась бриллиантом на ее руке? Ах, да! Ведь у нее не было кольца, как не было и Незримого. Антея отреклась от преданности, растоптала нежную дружбу и вдребезги разбила щит, ограждавший ее от болезней внешнего мира. Отныне ее второе имя – уязвимость, отчаяние, ярость. У нее столько имён, но не радует ни одно. В новом мире она беспомощна, как только что родившийся ягнёнок.

Солнце выглянуло всего на секунду, а потом на лес напозла тень. Волосы и спина покрылись липкой изморосью.

Антея углубилась в заросли, надеясь найти спасение от тучи под пологом листвы. Но там ее поджидала куда более неприятная туча – писклявый рой назойливых, мелких тварей.

Изголодавшись по человеческой крови, комары облепили Антею со всех сторон. Она с криком раздавила несколько штук, но их место тотчас заняли другие. Она побежала – рой погнался за ней. Испещренная кровоточащими укусами, кожа невыносимо чесалась. На лоб липла протянутая меж ветвей паутина, над тропинками вилась и попадала в нос мошкара.

А стоило нечаянно коснуться ствола опаленной ладонью, как руку от ногтей до плеча пронзала сотня жгучих игл.

Было что-то еще. Невидимое, неуловимое. Оно вонзалось в тело гигантским жалом, натягивало жилы, как леску. Рвало, раздирало в клочья остатки слабой защиты.

Стоная и плача, Антея без направления мчалась сквозь лес. Мысли бросались на нее, точно разъяренные псы. В голове кружили мрачные вихри, умножались, пускали корни, отравляли ядом – и не было от них спасения.

Она ни о чем уже не могла думать, когда за деревьями вдруг вырос заброшенный домик лесника. Крыша у него прохудилась. Древооточцы прогрызли в стенах ходы. Сквозь крыльцо проросли одуванчики. А за дверью обнаружилась пропахшая старостью кровать, куда Антея рухнула без сил. Ее трясло. Внутри нее бушевала страшная буря.

Рассвет забрезжил из-под свинцовых туч, но в глубине ле-

са по-прежнему настаивалась темень. Антея сползла с подушки и упёрлась босыми ногами в решетку из проржавелых прутьев. Холода решетки она не почувствовала, потому как сама была точно льдина посреди извечных снегов.

Кое-как сев на поеденном молью матрасе, дотянулась до спичечного коробка и запалила фитиль в лампе, где уже кончалось масло. Лампа скрипнула на гвозде, вместе со скудным светом из нее полились уныние и горечь.

За годы одиночества она разучилась светить, как полагаются, а всё только чадила. Едва ее зажгли, о закопченное стекло тут же забился мотылёк, замелькали вокруг букашки и стало видно, как торопится на завтрак моль.

Стоило Антее подумать о завтраке – и в желудке заурчало. А ведь когда-то – кажется, сотни лет тому назад – она питалась небом, жила и грезила по-небесному. Ни голода, ни холода не ведала. Спустив ноги на дощатый пол, Антея странно дёрнулась. Закричала, но крик захлебнулся в гортани и вырвался наружу сдавленными хрипами. В косточку на большом пальце впились чьи-то зубы.

Она забралась обратно на кровать и стряхнула с себя жирную крысу. Только сейчас поняла: крысы повсюду. Кишат под кроватью, толкуются в подвале, пируют на чужой смерти. Антея забилась в угол и заскрипела зубами от отвращения. Буря выбрасывала на обглоданные берега внутреннего моря обломки того, что называют счастьем.

Учуяв страх, крысы осмелели. Забрались на кровать по

свисающему одеялу, встали на задние лапы. Их истошный писк сводил с ума. Отступить было некуда. Антея схватила подушку и приготовилась отбиваться, как вдруг грызунам наперерез прыгнул более крупный зверь. Разбросал крыс, точно комья грязи, кинулся в их логово, выгнал всех до последней.

Зверем была кривая россомаха. В благодарность Антея накормила россомаху сухим хлебом, который чудом уцелел под столом в глубине ящика. И ошибется тот, кто решит, будто страданиям Антеи пришел конец. Шторм на внутреннем море только-только расправился с кораблями. Следом он потопил берега и уничтожил дюны, искромсав укрытия в щепки.

С наступлением ночи во тьме лесничьей хижины зажглись лиловые глаза.

11. Ходячая катастрофа

В заведении Сельпелона, куда приличных девиц не пускают, а приличные господа и сами не ходят, до глубокой ночи стоял гомон. За стойкой дремал упитанный краснощёкий «наливала». На помосте пьяно горланил «запевала» – прямой и длинный, как фонарный столб. Мужики шутили, что если посадить «запевалу» в шкаф, можно без зазрения совести дразнить приятелей скелетом в шкафу. И пусть гадают, о каком скелете речь.

Петька-шут нахлебался брусничной – да так, что даже похрюкивал. Но, сколько его ни останавливали, всё равно требовал у «наливалы» добавки.

– Куда тебе, окаянный?! – ворчал тот. – Полгорода побудишь, в участок загремишь, а свалят на нас. И без того дважды закрыть пытались.

– Побереги гроши для концерта! – крикнул из-за столика вечно раздраженный Марат. – А то знаю: надерешься, шаг за порог – и понесло в дебри! Право слово, лучше б Грандиоза послушал.

Петька-шут завалился под стойку с очередной бутылкой, похрюкал и не без помощи табурета вернул себя в вертикальное положение.

– Да что вы понимаете! Грандиоз у честного народа деньгу стрижёт, а птички забесплатно какой хошь концерт закатят.

Марат, безбородый дед, стукнул кулаком по столешнице. Подскочил на бочке его товарищ, подскочила в воздух пивная кружка, подскочила даже пена на пиве.

– Ну всё, братцы. Разъясните кто-нибудь этому остолопу, чем кончаются походы в лес. Или я за себя не ручаюсь!

Товарищ на бочке подмигнул, хлопнул по руке неприличную девицу, которая пыталась умыкнуть у него кошелек, и выколотил трубку.

– В лесу много трухлявых деревьев. Им человечина нужна. Без человечины не выстоят. Смекаете?

– Двоих в прошлом месяце под землю уволокли, – боязливо подтвердил его далеко не трезвый сосед. – Теперь лежат на опушке, под корнями, и стонут. Не то мертвяки, не то нежить.

Петька-шут перетрусил и основательно приложился к бутылке.

– Нежить. Придумаешь тоже! Уйми фан... – ик! – фантазию! Больно она у тебя пряткая, – сказал он. Прошаркал к порогу, толкнул дверь плечом и вывалился под луну, на свежий воздух.

На притолоке печально звякнул колокольчик. Улицу затопила непривычная тишина. Не слышалось собачьего лая, не ржали лошади извозчиков. Безлошадные кареты дремали вдоль дороги с выключенными двигателями. Не шатались под окнами праздные гуляки. Сельпелон буквально вымер. Ночь стояла, затаив дыхание. Как зритель, которому вот-вот покажут нечто потрясающе ужасное.

– Вернись, дурень! – окликнули Петьку-шута. – На погребель свою идёшь!

Но тот упорно волочил ноги мимо закрытой мясной лавки, пустой витрины, банка и печатного бюро под названием «Южный ветер». Шёл, похрюкивая, попивал из горлышка, пока не осушил бутылку до дна. А когда это случилось, перед Петькой-шутком пролёг пустынный Сезерский тракт.

Скудное солнце не успело за день высушить лужи, и следующий шаг пришёлся в одну из них. Петька-шут собрался как следует выбраться, но слова застряли в горле. Наружу вырвался только придушенный хрип.

В сажени от злополучной лужи, на уровне глаз два лиловых луча прожигали мрак насквозь. Развевались воло-

сы-плети. Раздуваемый нездешними ветрами, хлопал складками тяжелый балахон.

Петька-шут сделался трезвым в один момент.

– Мерда! – просипел он. – Братцы, спасайте! Мерда по мою душу пришла!

Ему бы, не мешкая, перебежать через тракт да в лесу схорониться. А он стал – и ни с места. Поношенные башмаки налились свинцом, ноги ватные, не слушаются. В голове, нарастая гулким, набатным звоном, звучит внятный приказ.

«Подойди!» – велят лиловые огни.

«Иди сюда!» – шепчут бесцветные губы.

Все дороги сводятся к единой точке. Вариантов нет. Выбор очевиден. Петька-шут делает шаг по направлению к Мерде. Сам, добровольно. Мерда налетает безмолвным призраком, накрывает рукавами, точно неводом. Попалась, рыбка! Не ускользнёшь.

– Петька-а-а-а! – воет Марат, хватая себя за седые патлы. Не уберёг мальчика. До самого тракта шёл следом, а ничем помочь не сумел.

Яростные глаза Мерды разгораются, глядят поверх Петькиной головы. И чудится деду, будто в лиловом свете неугасающего голода проступают вертикальные зрачки.

С той ночи Петька-шут обезумел. Мать, сестру не узнаёт. На знакомых с кулаками кидается. А у самого глаза навика-те. Из рта – пена, язык треплет бессвязный вздор. И так изо дня в день.

Служанка в чепце, сморщенная, как сушеный абрикос, взбила подушки, поворчала на беспорядок и сложила одежду Рины в шкаф.

– Не спрашивайте меня о Мерде, госпожа, – надтреснуто сказала она. – Мерда ищет то, чего найти нельзя. Томится жаждой, которую невозможно утолить. И выбирается на дорогу всякий раз, как эта жажда превращается в пытку. Так говорят люди.

Но любопытство Рины заглушало пророй даже глас рассудка. Его было не так-то легко укротить. Новость о сбрендившем завсегдатае кабака обошла окрестности и взбудоражила общественность. Активисты предлагали засыпать Сезерский тракт булыжниками, высадить на нем деревья, обнести дорогу высокой оградой и даже выставлять в ночное время стрелков. Только вот никто не знал, может ли пуля нанести Мерде вред. Одни считали ее призраком, другие – умертвием из лесных дебрей. Правды никто не знал.

Рина продолжала задавать вопросы и не замечала, что расстраивает старую служанку всё больше и больше. У бедняги тряслись руки, кривился рот, а кряхтение и вздохи приобрели столь угрожающую частоту, что Рина забеспокоилась.

Служанка вздыхала не без причины. Выяснилось, что ее сестра Дорофея – мастерица выпечки и просто хороший человек – тоже стала жертвой Мерды и уже третий год уединенно живет на окраине города.

– Из молодых господ в этом доме только вы проявляете участие к чужому горю, – сказала служанка, когда Рина предложила отнести Дорофее гостинцев.

– Мне заботиться больше не о ком, – пожала плечами де-вушка. – Сводные брат и сестра знать меня не хотят, мать умерла слишком рано. А где мой настоящий отец, можно лишь гадать.

– Если не затруднит, завезите Дорофее кое-каких продуктов, – попросила старушка и вынула из кармана небольшой список. – Когда она не у плиты, то начинает чудить.

Рина глянула на список и закивала. Яйца, мука, сахар, дрожжи, подсолнечное масло. Что ж, это она осилит. Главное, не попасться Грандиозу. Если он догадается, что Рина помогает слугам, тогда как этих слуг надо держать в черном теле, мало не покажется никому. Его ярость, как и талант, не знает границ.

Когда служанка закончила прибираться, Рина надела свои самые мягкие туфли, выскользнула из комнаты и бесшумно прокралась мимо спален. Но даже если б она топотала, как стадо слонов, ее бы не засекли. Гедеон у себя в комнате душевно играл... Хотя нет. Душевно издевался над скрипкой. Путной игры за всё время обучения в музыкальной школе от него так ни разу и не добились. Недаром Грандиоз зверел, стоило парню взяться за смычок. Если верить статьям из газет, у Грандиоза был тонкий слух, а чувство прекрасного – и того тоньше.

В смежной комнате упражнялась с саблей Селена. Она искромсала уже несколько деревянных манекенов и всё требовала от отца, чтобы тот подарил ей манекен из баллистического геля, который по свойствам близок к человеческому телу.

Рина спустилась в кухню, не произведя даже шороха. Отыскала масло, муку и дальше по списку. Сложила в рюкзак – и стрелой на задний двор. Вывела из стойла Уска-Калу, накормила морковкой, а потом запрыгнула лошади на спину. Угрюмая стража у ворот проводила ее с полным равнодушием. Всякому известно, что Рина выезжает, когда захочет. И никто ей не указ.

К Вааратону медленно подбиралась осень. Сперва она как бы невзначай позолотила верхушки осин, затем разбросала по тропинкам первые желтые листья. На полях начали жечь костры. Их сладковатый дым растворялся в утренних туманах, будил воспоминания и навевал мысли о шашлыках. По крайней мере, Кексу с Пирогом эти мысли стали приходить ежедневно.

Они бегали вокруг Юлианы и выпрашивали жареных сосисок. Юлиана в ответ лишь горько посмеивалась. Чтобы достать сосисок, нужны деньги. А с деньгами у них было туго. Травы Пелагеи продавались из рук вон плохо. За одеждой покупатели не шли. А теперь им на голову свалилась Марта, то есть еще один голодный рот. Если бы не Киприан, кото-

рый попутно со спасением арний ловил в лесу мелкую дичь, положили бы они зубы на полку.

В камине, у северного окна, украшенного гроздьями рябины, трещали поленья и ветки можжевельника. Марта зашла в купальню, плотно притворив дверь. На полу из гладких досок она случайно надавила ногой на скрытую педаль – и в стенах бассейна стали нагреваться камни. Прослойка между ними раскалилась докрасна. А решетчатое дно с едва слышным шорохом начало съезжать вниз. Изнутри бассейн вмиг оброс ступеньками. Зажурчала, зашипела от жара каменной вода – чистая, прозрачная, из глубоких подземных источников.

Марта мечтала только об одном: поскорее смыть с себя морок сна, вяжущего, как неспелая хурма. Забыть об ужасах и тяготах прошлого. Она взяла с подставки квадратное белое мыло, пахнущее смородиной и мятой. Спустилась по ступенькам в прохладную воду и окунулась с головой. А когда вынырнула, остриженные до плеч черные волосы прилипли к шее. Как же славно! Как свежо! Усталость и тоска отступали.

В странном бревенчатом доме посреди леса попадались опасные места вроде чердака. Но были и маленькие чудеса. Например, банка со светлячками вместо ночника. Или арнии. Пелагея и Киприан успешно лечили их на крыше тайной комнаты, но улетать птицы не спешили. То ли в благодарность, то ли по привычке они дарили обитателям дома

своё пение. Наполовину птичье, наполовину человеческое. И радость, подобно воде из бассейна, наполняла каждую клеточку тела.

Марта вышла из ванной другим человеком.

– Холодно нынче, – сказала она, присаживаясь на корточки у огня и украдкой поглядывая на Киприана. – Солнце спряталось, грядут обложные дожди.

– Осень наступает лету на пятки, вот и холодает, – объяснила Юлиана. – Ты-то на чердаке, небось, пару месяцев проспала. Самую жару пропустила.

– Нынешняя осень отхватила у лета много тёплых деньков, – заметила Пелагея, вывязывая за столом незамысловатую череду петель. Кот на нить-оберег смотрел неотрывно. В свете абажура его глаза мерцали мириадами больших и малых звезд.

– Опять защитная нить? – спросила Юлиана. – От кого защищаемся на сей раз? Кривой росوماхи давно не слышно. Нашла себе, что ли, нового кормильца?

– Или, лучше сказать, новую жертву, – вставил Пирог, который копошился поблизости.

– Молчите оба, – сказала Пелагея. – Нечего всякую нечисть поминать. Надо о хорошем думать. Какие у нас мысли, так и жить будем.

Киприан, сидевший на табурете у камина, накрыл лицо руками и запустил пальцы в огненную шевелюру.

– Вам нехорошо? – заволновалась Марта. – Может, воды?

Ему действительно стало нехорошо. Разговор о мыслях задел за живое. Если бы в верхних мирах он был внимательней, то не прозевал бы момент, когда злые мысли завладели умом его подопечной. А что теперь? Теперь он должен позаботиться хотя бы о Юлиане.

Но Юлиана считала, что способна позаботиться о себе сама. Ее вообще редко посещало желание опереться на чье-либо плечо. И она даже не подозревала, что может разозлиться из-за такой мелочи, как стакан воды, переданный из рук в руки. Из рук Марты в руки Киприану. Когда Пелагея вдруг воскликнула: «У меня же котёл на огне!» – и помчалась на кухню, Юлиана бросилась за ней.

Кекс с Пирогом одновременно подумали о вкусненьком, переглянулись и, не сговариваясь, рванули к бисерной занавеске. Но вместо вкуснятины их ждало горькое разочарование под названием «пырей».

– Если приготовить кашу на отваре пырея, она будет полезна вдвойне, – объяснила Пелагея и вынула из кипящей воды неприглядный пучок травы. – В пырее много кремния, а он позволяет организму лучше усваивать кальций.

Юлиану разочаровало другое.

– Котёл, котёл, – передразнила она. – На котёл твоя посуда не тянет. Я думала, он здоровенный и чёрный, как у ведьм.

Пелагея заявила, что котлы к ведьмам никакого отношения не имеют, и приготовилась отстаивать свою позицию до

победного конца. Но Юлиана вдруг резко сменила тему.

– Девушка эта. Когда ты ее прогонишь? – понизив голос, спросила она.

– Прогнать?

– От нее ведь никакого проку! Заснула у тебя на чердаке, хотя ее никто не приглашал. А теперь... – Юлиана запнулась. И нет бы, Пелагее сдержаться, а она возьми да продолжи фразу:

– Охаживает твоего Киприана?

У Юлианы чуть волосы дыбом не встали. Она подскочила и опасливо оглянулась.

– Тише! Вдруг кто услышит!

– Да ладно тебе! – заулыбалась Пелагея. – В Вааратоне, поди, любая живая душа знает, что вы с Киприаном не разлей вода. Очерти границы, да и дело в шляпе. Чего стесняться-то?

– Я не стесняюсь! Не стесняюсь, понятно? – зашипела на нее Юлиана. В этот момент бисерная занавеска всколыхнулась, Кекс и Пирог разбежались по углам, а Пелагея выронила ложку, которой помешивала отвар. Перед ней на колени с разгона бухнулась Марта.

– Прошу, не прогоняйте! Мне некуда идти! Мать и сестёр продали в рабство! Я только чудом спаслась, – на одном дыхании выпалила она. – Если позволите остаться, не пожалеете. Я и по хозяйству могу, и за продуктами в город. И в саду постараюсь.

Сложив на груди руки, Юлиана завела глаза к потолку. Ну, началась песня! Пелагея должна быть стойкой и не поддаваться на уговоры. Если пускать в дом всяких встречных-поперечных девиц, добром это не кончится.

Пелагея действительно оказалась стойкой и уговорам не поддалась. Только вот чьим именно уговорам... Юлиана с ужасом обнаружила, что ее мнение здесь и в грош не ставят. Марта запрыгала от радости. Ей разрешили остаться и даже выделили спальное место на печи.

Когда она ускакала с угрозой вымести мусор и натереть до блеска полы, Юлиана придвинулась к Пелагее, придав своему лицу выражение крайнего негодования.

– И как это называется? Тоже мне, подруга. У тебя тут что, приют для бездомных? И так едва концы с концами сводим.

Пелагея подобрала с пола ложку, обтерла полотенцем и легонько ударила ею Юлиану по лбу.

– Посмотри на себя, добрая душа! У девушки трагедия, а ты ее под дождь хочешь выставить. Да если б я странникам приюта не давала, меня бы уже давно совесть загрызла.

Неожиданно Юлиана осознала одну простую вещь: ее личная совесть блуждает в потёмках, а сострадание на пару с радушием взяли бессрочный отпуск. Под волосами видно не было, но она отчетливо ощутила, как у нее пылают уши.

Пропитавшись испарениями завода и дымом от костров, по рынку сновали рабочие. В воздухе витал неуловимый аро-

мат осени, чувствовались нотки специй и совсем немного – запах свежей металлической стружки. У фонаря, в луже, куда частенько наступали тяжелым сапогом, плавал туда-сюда желтый лист. На листе, точно капитан корабля, сидел и шевелил усами черный жук-предсказатель.

Теора нагнулась, пока никого не было, и спасла корабль с капитаном от верной гибели. Она, как и жук-предсказатель, была совершенно сбита с толку. Незримый ушел, не попрощавшись. Взял – и бросил ее на произвол судьбы. А здесь суета, толкотня – не понять, по какому поводу. Да еще и сумерки с дождем. Дождь!

Лишь сейчас Теора поняла, что капли не скатываются на землю драгоценным бисером, как было в Энеммане. Праздничное платье намокло, плечи и голова мёрзли на сыром ветру.

Мимо промчалась толпа буднично одетых обывателей. Промелькнули грязно-желтые штаны, блестящая от влаги куртка, раздались неприятные голоса. На углу надрывалась торговка:

– Щедрое предложение! Билеты на концерт великого Грандиоза! Билеты за полцены! Покупайте! Почти задаром отдаю!

Ее обступили сплошным кольцом. Люди протягивали руки с зажатыми в пальцах бумажками, а что кричат – не разобрать. Теора подошла поближе и осторожно потянула рабочего за край куртки.

– Чего вам? – огрызнулся тот. – Не видите, тоска в воздухе? Повсюду эта, чтоб ее леший, тоска! Хотите радости – покупайте билет! А не хотите, так хоть другим не мешайте!

По мере того как рабочий произносил свою гневную тираду, уверенности в нём убавлялось. Чем больше смотрел на Теору, тем больше расширялись глаза. Тут ее заметили остальные. Толпа поутихла, расступилась. Торговка завопила: «Батюшки-светы!» – смахнула билеты в саквояж и кинулась наутёк. Только пятки сверкают.

Теора растерянно стояла в оранжевом пятне фонаря, не понимая, отчего в нее тычут пальцами. Да еще и с суеверным ужасом. Всё прояснилось, когда она опустила глаза.

Кроме обычной тени в свете фонаря от ее ног тянулась еще одна тень. И Теоре эта тень явно не принадлежала. Если бы рядом с нею высился могучий витязь и время от времени помахивал мечом, люди бы поглазели и разошлись. Но витязя не было. Была только тень, которая проделывала то же самое на глазах у ошеломленной публики.

– Нежить проклятая! Чур меня, чур! – вскрикнул помятый дедок и начал креститься. Рабочие загудели. Женщины засуетились, подняли крик. Теоре пришлось убежать, потому что в следующий миг в нее полетел камень.

Мокрое платье сковывало движения, на руке выше локтя проступал свежий синяк от удара. Но Теора была счастлива. В краю дождей, туманов и тоски она еще не успела послушать пение арний, не побывала на концерте Грандиоза,

однако счастье преследовало ее, как тень из недавнего сна. Незримый! Оказывается, всё это время он не отходил от нее ни на шаг. Изменилась форма, но не содержание.

– Точно! – Теора выдохнула и замедлила бег. – Ты говорил, что в других мирах сложно сохранить прежний облик. А я перепугалась.

Тень не ответила. Не шевельнулась. Тени не было вовсе, потому что яркая рыночная площадь осталась вдалеке. Теора заблудилась в лабиринте сумрачных фабричных кварталов. В трехэтажных домах с покатыми крышами тут и там светились уютom окна, жители задвигали шторы и готовились ко сну.

Теора обхватила себя руками и зябко поёжилась. Волосы от измороси слиплись, на платье темнели пятна грязи. Она была похожа на нищую оборванку. Лишь кольцо с зеленым – пока еще тусклым – бриллиантом напоминало о сказочных днях, проведенных на родине.

«Всегда будь со мной, и я буду с тобою и избавлю тебя от всякого зла», – всплыли в памяти дорогие сердцу слова. Незримый произнес их по пути к звезде Вааратона.

В его лучезарных объятиях печаль претворялась в безоблачную радость, грядущие тяготы представлялись мимолетными. А спасение чужого мира – экзаменом, который уже наполовину сдан. Где же теперь эти объятия, когда их так не хватает?

Теора прислонилась к шершавой стене одного из домов и

позволила слезам вырваться наружу.

Торговка – надо заметить, дама довольно плотная – долго убежать не могла. Во-первых, одышка и скачки давления. С возрастом болезни гораздо чаще дают о себе знать. Во-вторых, саквояж с билетами. За них нужно выручить деньги, иначе протянешь ноги. Домыслить, что же в-третьих, торговке не удалось. Пока она бормотала что-то насчет нежити и злых духов, ей на голову со страшной силой обрушился обломок ржавой трубы. Обрушился, конечно, не сам. Как только она отключилась, неизвестный мужчина в маске прихватил саквояж и скрылся в мрачном переулке с победным хохотом.

12. Бесконечность вместо стены

Марта старалась. И даже слишком. После того как ей позволили остаться, она принялась с таким рвением наводить в доме чистоту, что у Пирога и Кекса развилась мания преследования. Сначала они убегали от метлы, потом – от швабры. К счастью, Пелагея не признавала прогресса. Иначе им пришлось бы убежать еще и от первого в Вааратоне парового пылесоса.

Единственным, кого уборка не потревожила, оказался кот Обормот. Сам он был чистоплюй, каких поискать. Вечно вылизывался, умывал лапой морду и обходил кучки мусора стороной.

Марта восхищалась им ровно до тех пор, пока он чуть не

отправил ее в иное измерение. Коту помешал Киприан. Во время гипнотического сеанса он дернул Обормота за хвост – и стал спасителем во второй раз.

«Чердак, опасные глаза, – с удовольствием подсчитывала Марта. – Что будет завтра?»

Покончив с мытьем полов, она вызвалась готовить обед. Но не тут-то было. Из-за угла в черном цилиндре и при полном параде выскочила Юлиана.

– Подлиза, – осуждающе изрекла она и схватилась за сковороду. Первой мыслью было хорошенько огреть Марту по голове, чтоб знала свое место. Но по здравом рассуждении, вместо боя на сковородках, Юлиана решила устроить кулинарный поединок.

Пока дождь стучал по отливам и исполнял на крыше четку, они вдвоем развернули нешуточную баталию – не на жизнь, а на смерть. В неравном сражении с ножом пал лук – и оба главнокомандующих рыдали над ним, провожая в последний путь. А именно в кипящее масло.

Следом отправилась морковка, картошка и вырытый на огороде корень какого-то изысканного сорняка. Затем каждая из предводительниц прибегла к военной хитрости и пустила в ход свои секретные приёмы.

Юлиана налегла на приправы. Марта сделала ставку на соусы. И когда был выброшен белый флаг (а точнее, белая скатерть), в гости заглянул ничего не подозревающий Пересвет. Его тотчас заставили мыть руки, усадили за стол и заявили,

что он будет судить наравне с остальными.

У Юлианы получилось блюдо, украшенное сыром и зеленью. Марта прибегла к старым добрым макаронам, щедро залив их самодельным сметанным соусом. Пересвет был счастлив отведать и того, и другого. А потом объявил, что макароны настоящий шедевр. Пелагея обожала сыр, поэтому всеми руками и ногами была за блюдо номер один. Мнения разделились, и друзья выжидающе уставились на Киприана.

– Вот, попробуй-ка еще ложечку, – сказала ему Юлиана.

– Лучше моё попробуйте, сударь, – улыбнулась Марта.

Давненько Киприан так не терялся. С одной стороны настойчивая Юлиана. С другой – робкая Марта, которую следовало бы подбодрить. В новом доме, да еще и в роли служанки, ей наверняка неуютно. А если она считает себя обузой? С этим нужно что-то делать.

Киприан одобрительно кивнул Юлиане, надеясь, что она поймёт. И взял тарелку из рук у Марты.

– Ну и пожалуйста! – обиделась Юлиана. – Я своё сама слопаю. Да и Кекс с Пирогом не откажутся. Эй, малышня! Отведайте вкуснятины!

Упрашивать их не пришлось. При слове «вкуснятина» они помчались к столу, опережая друг дружку, точно на соревновании.

Пелагея помыла посуду и отправилась на крышу потайной комнаты – лечить арний. А Марта самым наглым образом стала липнуть к Киприану. Кружилась по гостиной – нет, вы

только подумайте! – под музыку из Юлианиного граммафона. Строила глазки, приторно улыбалась и была просто невыносима.

Когда Пелагея спустилась, чтобы постирать запачканную кровью юбку, Юлиана решительно встала и указала на Марту.

– Этот дом слишком тесен для нас двоих. Пойду проветрюсь. К тому же, дождь перестал.

Она схватила Киприана за край пурпурного одеяния и потянула за собой. Тот особо не сопротивлялся. Бросил через плечо искристый взгляд, поправил на волосах венки из кленовых листьев и исчез за дверью. Кекс и Пирог увязались следом.

Мокрые тропки, напоенный хвоей воздух, тучи, гонимые ветром в поднебесье... Юлиана не замечала ничего, пока не вышла на тракт. Там она немного остыла, посмотрела на Киприана снизу вверх и торопливо зашагала к домам. В дебрях ее души обитали недружелюбные чудища. Пока она дичала в лесу, чудища мало-помалу выбирались на волю. Но цивилизация загоняла их обратно и вновь делала Юлиану человеком.

Жизнь в Сельпелоне шла строго по расписанию: без чрезвычайных происшествий и неожиданных поворотов. Журналисты голодали – причем как в прямом, так и в переносном смысле. Литературная почва истощилась, газеты посетели, сделались скучными и продавались гораздо хуже, чем

прежде. Ни одного хоть сколько-нибудь значительного события. Ни единой зацепки, из которой бы удалось раздуть скандальную статью. Или, может, репортёры плохо искали?

Когда Юлиана в сопровождении собачьей свиты и персонального «слуги» шагнула на площадь с часовой башней, у самого ее носа просвистела та самая зацепка. Точнее сказать, камень. Чуть крупнее морской гальки и далеко не такой гладкий. Следующий камень упал ровнѐхонько перед Пирогом, и тот грозно зарычал, оскалив острые зубки. Этими зубами если вцепится, запросто не отдерешь.

Каменный град предназначался не Пирогу, не Кексу и, уж конечно, не Юлиане. А Киприан при желании мог отразить любую атаку – лишь бы поблизости деревья росли. На площади деревьев, как назло, не было.

Вслед за летящими камнями вихрем пронеслась ватага беспризорных мальчишек. Если их когда и кормили по-человечески, то, скорее всего, по выходным. А если заставляли мыться, то не чаще раза в месяц. Что уж говорить об одежде, дыр в которой больше, чем ткани!

Целью мальчишек оказалась хрупкая девушка в белом платье. Юлиана присмотрелась и поняла, что платье осталось недолго. Да и девушка была не в лучшей форме. Она упала посреди площади, укрыла голову руками и приготовилась терпеть до последнего. Белые волосы (наверняка красивые, если расчесать) спутались и походили на паклю. Там, где платье было порвано, на ноге виднелись ссадины и синяки.

Девушка не умела давать отпор, в ней за версту угадывалась беспомощность. А таких в Сельпелоне причисляли к изгоям. Когда стало ясно, что заступиться за нее некому, камни потели с удвоенной силой. Смотреть на это безобразие без содрогания было невозможно.

– Ах, негодники! Совсем совесть потеряли! – разозлилась Юлиана.

– Кекс, Пирог, кусайте их! – скомандовал Киприан.

Юлиана подпрыгнула от нетерпения и уже собралась рывкнуть «Фас!», но как раз в этот момент псы взяли высокий старт и понеслись на ватагу со свирепым лаем. В Пирогe свирепость так и бурлила. Черный, ушастый, шибко похожий на чертёнка из нечищеного дымохода – он был рад покусать кого угодно. Главное, чтоб не наказали.

Он вонзил зубки в первую попавшуюся голень, потом во вторую и в третью, а потом мальчишки с криками бросились врассыпную. Кекс тоже постарался. Правда, ему не очень нравилось наносить увечья. Гораздо больше он любил, когда его гладят по мягкой белой шерстке. Такой же белой, как волосы незнакомки.

Юлиана подбежала к ней и подняла с земли.

– Ты как, не сильно ранена? Пойдем, тут недалеко наш дом.

Она взяла девушку под руку с одной стороны, Киприан – с другой. А Кекс и Пирог пристроились позади – ни дать, ни взять личная охрана.

– Как зовут-то? – спросил Киприан.

– Теора, – едва слышно вымолвила девушка.

Это имя было ему знакомо. Быть может, сотню, а может, и две сотни лет назад оно уже звучало. При иных обстоятельствах и в ином месте. Тот факт, что в средних и верхних мирах время течет по-разному, его не удивлял.

Всю дорогу до дома Киприан настороженно поглядывал на мелькавшую под ногами тень. Проникая сквозь переплетения ветвей, солнце ложилось на тропу причудливой мозаикой. Тьма играла со светом в жмурки и мешала как следует рассмотреть странную тень Теоры. Лишь в гостиной, и то когда Пелагея зажгла все свои масляные лампы, тень приобрела полноценные очертания.

– Ты. Сомнений быть не может. Ты здесь, – сказал Киприан коврику у стола. – Добро пожаловать!

Вид у него при этом был чрезвычайно серьезный.

Марта нашла его поведение милым. Юлиана покрутила у виска. А Пересвета взяло любопытство, и ради такого события он даже выбрался из своего книжного закутка. Хотя там, на верхотуре, под пледом было страх как уютно.

Приветствие Киприана относилось вовсе не к коврику. На коврике, протянувшись от ног Теоры, лежала подвижная тень. И у тени была голова. У тени имелся меч. Имелись даже длинные одеяния. Юлиана могла бы ручаться, что одеяния Киприана мало чем от них отличаются.

В течение всего времени Теора стояла, пошатываясь.

Марта прочла на ее лице свою недавнюю тоску и смертельную усталость. С пальца соскользнуло и звонко ударилось об пол кольцо с зеленым бриллиантом, вслед за чем упала Теора – прямиком на свою вторую тень. Незримый (а тенью был именно он) сделал попытку ее подхватить, но у него ничего не вышло.

...Прохладный, свежий запах сосен вплетался в букет ароматов шалфея, корицы и чабреца. На окне, рядом с зажженной лампой, в горшочке рос вереск. В камине весело трещали поленья, а где-то над головой чудно пела неведомая птица. Согрившись под пушистым пледом, Теора приоткрыла глаза. Она дома. Среди чужих людей, которые вот-вот станут родными.

К ней тотчас поспешили с подносом и перво-наперво под завязку напоили травяными настоями. Затем Марта взялась распутывать ее колтуны и плести косы, Пелагея – зашивать платье, а Юлиана – развлекать разговорами. Правда, слов из Теоры было не вытянуть. Ее лихорадило.

– Вон, сколько снадобий выпила! – поразился Пересвет. – Неужто не помогают?

Он притворялся, будто читает, а сам тайком разглядывал незнакомку. Это ж надо было такой уродиться! Волосы цвета далекой звезды и ослепительного полуденного солнца. Лицо, тонко вылепленное из благородной глины. Руки нежные, без единой проступающей жилки. Влюбиться, как нечего делать!

– Топай уже к себе в библиотеку, – посоветовала ему Мар-

та.

Пересвет ее по непонятной причине раздражал. Они не успели достаточно пообщаться, но Марта почему-то знала наперед: он будет задавать глупые вопросы о вещах, которые положено знать даже школьнику. Будет постоянно шататься без дела и с многозначительным видом заявлять, что обдумывает сюжет для книги. Станет без разрешения хватать горячие пирожки к обеду, слоняться по комнатам, пока она трёт полы, и втихаря подбрасывать свои носовые платки в общую гору стирки.

Она сможет свободно вздохнуть, только когда он отправится к фермеру или на свою вторую работу – в дом печатных услуг. А однажды Марта не выдержит и прямо скажет ему, что он зачастил. На что Пересвет глупо отшутится и сообщит, что набирается жизненного опыта.

Прокручивая в голове подобные мысли, Марта начала тихо его ненавидеть. Пока она размышляла, как бы побыстрее его спровадить, Теоре сделалось хуже. Она заметалась на постели, и все усилия по плетению кос пошли прахом. Кольцо, которое она обронила, Киприан собственноручно надел ей на палец. Но это не сработало.

В черепной коробке у Теоры гудели сотни военных труб. Разрываясь лютой болью, гремели снаряды. Пульс участился до немислимых значений. Не вмешайся вторая тень – и печальный конец был бы неизбежен. Но вот пришел в движение меч на полу, заколыхались неосязаемые одежды. Марта

и Пелагея разом отскочили в сторону, хотя поранить меч не мог.

– Она из верхних миров, – спокойно констатировал Киприан. – Скоро лихорадка пройдет. Корут Незримого способен отогнать любую хворь.

– А! Так вот, значит, в чем дело! – воскликнула Юлиана, как будто это многое объясняло.

Пелагея между тем по-хозяйски обвела взором присутствующих и покачала головой.

– Раз, два, три, четыре... Нет, так не пойдет. Слишком много народу. Марта, душенька...

У Марты ёкнуло сердце. Неужели сейчас ее выгонят? Но Пелагея всего-навсего передала записку с кодом от тайной комнаты и попросила открыть.

В кои-то веки отпирают секретную дверь! Пирог и Кекс поняли, что настал их час. Сколько они ни пыhtели над загадкой шифра, ни одна попытка успехом не увенчалась.

Когда Марта стала подниматься по винтовой лестнице, псы увязались за ней.

– Мы все слова перепробовали, – прохрипел Пирог, неуклюже взбираясь по ступенькам и сдирая когтями голубую краску.

– Что же там за код? – высунув язык, спросил Кекс.

Код оказался невысказанно простым. Он, можно сказать, лежал на поверхности и состоял из двух имён. Эти имена слетали у Юлианы с языка всякий раз, как она замечала где-ни-

будь очередной погрызенный коврик.

– «КексПирог»? – не поверили псы. – Так не честно!

Марта не стала выяснять, что честно, а что нет, нажала нужные кнопки и повернула ручку. Дверь отворилась без шума.

Из недр тайной комнаты повеяло недостижимым счастьем: запахами ракушечного пляжа, кофейными ароматами приморских ресторанчиков и ветром южного побережья. Расширились лёгкие, расширилось сознание. И дом Пелагеи тоже словно бы раздался вширь, хотя никаких изменений снаружи не произошло.

Марта, Кекс и Пирог осторожно просунули головы в дверной проём. Тайная комната пустовала. По полу перекатывались комки серой пыли, с потолка сыпалась побелка, а стены были абсолютно гладкими, за исключением одной. На месте северной стены зияла бесконечность. Вернее, бесконечная тьма с вкраплениями ярких точек.

– Это что, пространственный трюк? – вслух подумала Марта.

– Даже если и трюк, я разочарован, – сказал Пирог. Несмотря на разочарование, ушки у него по-прежнему стояли торчком, а хвост был воинственно поднят.

– Мы надеялись, здесь хранятся сундуки с сокровищами, – с досадой протянул Кекс. – Или, на худой конец, пара волшебных шкатулок.

Когда упомянули о шкатулках, Марту словно электриче-

ским разрядом прошло. Ларец с блуждающими огнями! Ведь именно ради него был проделан весь этот изнурительный путь. Желание Марты отомстить за семью привело ее в лесной дом. Стало быть, шкатулка где-то здесь. Где-то совсем близко...

Она зажмурилась и приготовилась внимать голосу интуиции. Но тут, как нарочно, появился Пересвет со своей раздражающей манерой лезть, куда не просят. Он втиснулся в просвет между Мартой и стеной, обвел тайную комнату восхищенным взглядом и произнес всего одно слово:

– Фантастика!

– Убить тебя мало, – сквозь зубы процедила Марта.

– Маловато, согласен, – с лучезарной улыбкой отозвался Пересвет. – Надо зажарить и съесть. Ладно, признайся, ведь я тебе нравлюсь!

– Еще чего! – фыркнула та. Оттащив его за воротник, она хлопнула дверь перед самым его носом и решительно двинулась за шваброй. В тайной комнате следовало прибраться, и как можно тщательней.

– Ох, как просторно стало! – сказала Юлиана, раскинув руки в стороны. – Ощущение, словно я на берегу бескрайнего океана.

Пелагея хитро и понимающе прищурилась.

– Скорее, на границе бескрайнего космоса, – уточнила она.

С верхнего этажа присеменил Пирог и ворчливо завозил-

ся в ногах.

– Мы зря потратили уйму времени, когда пытались вскрыть замок, – кисло сообщил он. – В комнате нет ничего интересного. А теперь там заперли Кекса, и он остался наедине с бесконечностью.

– Что ж, это мы исправим, – сказала Юлиана. Узнав шифр от замка, она долго покатывалась со смеху: – Два мелких вредителя возомнили себя следопытами, а обычный код подобрать не могут!

Вызволив Кекса из заточения, она поставила обоих псов перед собой и отчитала – так, на всякий случай. А потом стала принюхиваться. Она наклонялась к Кексу всё ближе и ближе, пока окончательно не убедилась: белый негодник вывозился в какой-то пакости, пока сидел наедине с бесконечностью.

Схватив за шкуру Кекса и Пирого, она потащила их в ванную и купала целый час. Первого – с целью дезинфекции, а второго – для профилактики. Юлиана в который раз пришла к заключению: где мохнатого ни оставь, он везде найдет вонючую канаву. Пусть даже и в пугающей бесконечности.

13. Спасители мира

Теневой меч сослужил службу и лёг назад в теневые ножны. Он отогнал злые мысли, но Теоре не полегчало. Ее то бил озноб, то бросало в жар. Температура на градуснике скакала страшным образом.

– Если так и дальше пойдет, придется везти ее в городскую

больницу, – сказала Пелагея.

– Только не в больницу! – взмолилась тень замогильным шёпотом. – Город ее погубит! Я в Вааратоне мало что могу, но моя подопечная... Позаботьтесь о ней. Из-за непутевой второй тени в городе ее съедят заживо.

– Как Незримый может говорить подобные вещи?! – воскликнул Киприан.

Все, кроме Пелагеи, уставились на него в изумлении. Голос второй тени слышали лишь они вдвоем. Правда, Пелагея пока не спешила в этом признаваться.

Когда температура поднялась до отметки тридцать девять с половиной, Теора начала бормотать в бреду.

– Я должна спасти мир... Звезда... Кольцо с бриллиантом... Надо спасти Вааратон...

Юлиана подошла, подвязала к штативу и точным движением опустила Теоре на лоб тканевый мешочек со льдом.

– Мир спасти собралась? Лежи, выздоравливай! А мы уж как-нибудь сами справимся.

Пелагея поинтересовалась у Марты, чисто ли в комнате наверху.

– Чище не бывает, – отрапортовала та. – Я вытерла всю пыль, за исключением космической.

Она не сказала, как мчалась сломя голову прочь от засасывающей звездной бездны и как ее потом колотило.

– Прекрасно! – обрадовалась Пелагея и поручила Киприану с Пересветом перенести больную в тайную комнату. Яко-

бы там она быстрее пойдет на поправку.

Пирог и Кекс ее оптимизма не разделяли. Они сидели под полотенцем, каждый в своей небольшой лужице после купания, и ворчали, что наверху нет ровным счетом ничего, достойного внимания.

День плавно перетек в сумерки. Из дружелюбного места, где можно собирать ягоды да грибы, лес сделался угрюмым и готовым на любые подлости. В неподходящую минуту он мог выудить из своего нутра какую-нибудь голодную, озлобленную зверушку и подкинуть на крыльцо.

Поэтому Пелагея не мешкая смотала свеженькую нить защиты в клубок, взяла кота Обормота и отправилась на вечерний обход – обносить дом. А когда дело было сделано, Теора бредила уже в тайной комнате. Юлиана вызвалась поухаживать за ней до полуночи и, несмотря на неприязнь, договорилась с Мартой, чтобы та ее подменила.

Огонь в камине полакомился березовыми поленьями и затребовал добавки. Вспомнив, что ночи нынче пошли холодные, Пересвет поморгал, неуверенно перемялся с ноги на ногу и подбросил сосновых. А они как затрещат да как станут плеваться искрами! Отскочив от камина, Пересвет врезался в Марту, которая в это время несла на кухню ведро с водой из родника – специально для новых настоев. Половина ведра выплеснулась ей на платье, другая половина разлилась по полу.

– Вот недотёпа! – зашипела она. – Везде от тебя неприят-

ности!

У Пересвета была всего одна попытка извиниться, но он ее проворонил. Тогда Марта, вконец обозлившись, всунула ему ведро и заставила идти к роднику.

На дворе стояла тьма, хоть глаза выколи. В лесных дебрях подвывали волки, хлопали крыльями безымянные птицы. Но стоило волкам и птицам затихнуть, как где-то в вышине раздавался жуткий, леденящий душу скрип. На обратном пути от родника Пересвета окатил внезапный ливень. Парень вернулся, вымокший до нитки, но жаловаться не стал.

«Лучше налягу на чаёк», – сказал он сам себе и в тот же вечер выдул добрую половину кипятка, предназначенного для настоев.

Из бесконечности дует сухой, безжизненный ветер. В окружении голых стен, с тенью, которая не может защитить, Теора качается на волнах своего беспамятства. Ее, безвольную, бесполезную, прибывает к берегу, как щепку, отколотую от корабля. Рядом суетятся рыжеволосый юноша в длинных одеяниях и девушка с черным цилиндром на голове. Накладывают ледяные компрессы, пытаются сбить жар. Вливают в рот по каплям горькое питьё.

Откуда взялись эти люди? Что делает здесь она? Теора пытается встать, но ее мягко возвращают на подушки.

– Ты не готова, – шепчет приятный голос. Она всего на секунду встречает взгляд янтарных, пронзительно глубоких глаз и вновь проваливается в пучину тягостного забытья.

Пелагея проснулась под утро. За окном, предвещая расцвет, шелестел прямой дождь. Обормот спал, свернувшись меховым клубком на спинке дивана. В камине догорали поленья. Они напоминали далекий цивилизованный город на обьятном тьмой земном шаре.

Кое-как выпутавшись из одеяла, Пелагея спустила босые ноги на пол и поёжилась. Она впервые почувствовала осень по-настоящему. словно до сих пор были лишь репетиции. словно до сего дня осень лишь примеряла дорогое убранство, несмело ступала по лесным тропам в красных башмачках и срывала листья, чтобы посмотреть, куда их унесет ветер. Сейчас она приобрела свой тонкий, неповторимый аромат, который ни с чем на свете не спутаешь.

На цыпочках пробравшись мимо Кекса с Пирогом и летающей кровати Юлианы, Пелагея поднялась по винтовой лестнице и, кутаясь в шерстяную накидку, приотворила дверь. Марту сморил сон. Она спала в тайной комнате без задних ног, хотя должна была бы мерить Теоре температуру и каждые полчаса носить питьё.

– Нет, так не пойдет, – пробормотала Пелагея и стала шарить по полу в поисках градусника. Вторая тень материализовалась без предупреждения. И когда черная, вполне осязаемая рука сжала запястье Пелагеи холодным обручем, ее едва не хватил удар.

– Столько лет живу, а ничего подобного не встречала! –

поборов приступ паники, призналась она.

– И сколько же лет ты живешь на этой брэнной земле? – беспардонно спросил Незримый Теоры. Пелагея решила в подробности не вдаваться. Тем более она сбилась со счета в позапрошлом году. Или за год до того?

– Никак не припомню, – честно сказала она. Незримый подержался за нее еще немного, поплотнел и сделался объемнее.

– Я сразу понял, что ты связана с тонким миром, – прошептал он. – О твоей стране мне почти ничего не известно. И я не до конца понимаю, как управлять собой. А ведь это очень важно! Я призван оберегать Теору, мы вместе должны спасти Вааратон.

Пелагея села на колени напротив Незримого и свободной рукой убрала со лба кудряшки.

– Растолкуй-ка мне, от кого и от чего нужно нас спасать?

– Сам пока не знаю. Но раз звезда зажглась, вам точно что-то грозит.

– Ну вот, опять! Сначала о неприятностях твердил Киприан. Теперь посланник из верхних миров. – Пелагея представила себе реакцию Юлианы и засмеялась через нос. Уж Юлиана непременно бы отпустила по этому поводу какую-нибудь остроумную реплику.

– Ты связана с Незримыми. Ты должна мне помочь, – гнула своё вторая тень.

– Я бы с радостью. Но как?

– Киприан, – с жаром зашептал Незримый. – Когда-то он был одним из нас, но потом его отправили в средние миры и превратили в дерево. Без поддержки извне он ни за что не стал бы человеком. Только тенью. Но тебе удалось. У тебя необыкновенный дар. Чтобы обрести силу, мне понадобятся твои способности.

Пелагея пошевелила затёкшей рукой, и Незримый наконец ослабил хватку.

– С чего бы начать? Травяных настоев ты не пьешь. Варенье тоже мимо. Может, на тебя подействует пригоршня лунной пыли?

– Не надо пыли, – сказал Незримый. – Просто коснись меня и подумай о хорошем.

Пелагея ни минуты не колебалась. Она с давних пор выращивала во внутреннем саду добрые мысли. Поливала их, удобряла, старалась избавляться от сорняков. И вот теперь плоды ее усилий кому-то да понадобились.

Устроившись поудобнее на деревянном полу, она протянула ладонь и дотронулась до Незримого. Он был холодным, плотным и мягким, как набитая перьями подушка. От него веяло нездешней, светлой грустью. Он был полон той не постижимой нежности, какую испытывают только к безмерно любимому существу.

– Непривычное чувство, – сказала Пелагея. – Ты чище и прекрасней всех, с кем мне доводилось общаться. Но не очень-то стремись стать человеком, иначе завязнешь здесь в

заботах. Позабудешь о высоком долге. Тебе нельзя.

– Пока со мной Теора, я смогу удержать равновесие.

Его подопечная застонала во сне. Незримый машинально вынул из ножен черный меч. Пелагея нащупала впотьмах градусник и вставила ей под мышку.

– Кроме спасения мира, есть еще кое-что, – туманно сказал Незримый. – Слышал, в городе говорили о Мерде. Если она та, о ком я думаю, ей нужно будет вернуть прежний облик, прежде чем она окончательно закоснеет во зле.

Ночной лес мог напугать кого угодно, только не Киприана. У Киприана были сотни глаз. Все они принадлежали деревьям и подсказывали направление, когда собственное зрение подводило. Среди черных стволов, уходящих в беспросветное небо, он ориентировался, как у себя дома. Обходил стороной медвежьих берлоги, чутьем определял, где собираются волчьи стаи, и остерегался огоньков, прекрасно зная, что они заводят в гибельные топи.

Если случалось встретить вепря, он уносил ноги со скоростью гоночного болида, который пока что не изобрели. Шорохи мелких грызунов в траве, уханье филина, шум крон, напоминающий ропот прибоя, – всё это завораживало. И Киприан вновь чувствовал единение с природой. Вновь хотелось пустить корни, прорасти глубоко под землю и напитаться водой из чистых источников.

Обглоданный лунный диск выглянул и в тот же миг по-

спешно скрылся за тучами, словно стыдился своего несовершенства. Взволнованно зашептались деревья. Им было отчего прийти в смятение. Они наперебой упрашивали Киприана свернуть с пути и возвращаться, пока есть шанс.

Приблизившись к тракту, он различил зверя крупнее белки, но меньше лисицы, и чью-то тёмную фигуру прямо посреди дороги. Не она ли поджидала их с Юлианой в ночь после концерта? Тот же бесформенный балахон, те же плавные, едва заметные движения. Мерда – а это оказалась именно она – высматривала горящими глазами лёгкую добычу. Голод выгонял ее из логова каждый вечер, едва садилось солнце. Но голод было не утолить.

Внезапно время совершило кувырок. Минутная, а с ней и часовая стрелка на башенных часах стали наматывать круги вспять, всё быстрее и быстрее, пока к горлу не подступила тошнота. Киприан, к своему ужасу, ощутил, как деревенеют конечности, как голова и плечи покрываются ветвями, а на ветвях – тронутые ржавчиной листья. Но это состояние длилось не больше минуты. Вот он уже снова человек... Не человек! Незримый.

Память возвратилась в прежние времена. И столь чёткая, столь ясная картина еще никогда не вставала перед его внутренним взором. словно наяву, он увидел, как и кем был отвергнут. Он увидел это, всего лишь поймав на себе взгляд жадных, лиловых глаз. И понял, что очутился в ловушке.

Мерда звала. Шептала мертвыми губами слова, от кото-

рых в жилах леденеет кровь. А потом взяла и сбросила капюшон. Киприан уже сделал шаг навстречу, но невероятным усилием воли вернул самообладание. Скорость – его спасение. Он помчался сквозь чащу, как летают в небе кометы, и деревья зашептали вслед, что испытывать судьбу неразумно. Мерда опасна. Мерда пожирает рассудок, обрезая ценные нити, из которых соткана жизнь. Что-то до дрожи знакомое было в Мерде, когда она стояла без капюшона в лунном свете. Только вот что же?

Киприан хлопнул входной дверью, хотя вовсе не собирался, и перебудил половину дома. Пересвет подскочил, ударился о полку и с охами встретил книжный град, потому что не удосужился заранее поставить тома, как положено. Юлиана вынула затычки из ушей и грозно осведомилась, отчего переполох. Кекс и Пирог потянулись передними лапами и широченно зевнули. Причем оба – в одно и то же время.

Киприан чувствовал себя разбитым, словно неделями вспахивал поля. Он кое-как доволок ноги до гамака и без объяснений завалился спать.

14. Чудеса

Пересвет во всеуслышание объявил, что сегодня у него законный выходной на двух работах сразу. Упаковал термос с сухарями в полотняный мешок, подмигнул Марте, которая вышла размять спину, и полез назад в библиотеку. А чтобы лишний раз не беспокоили, заволок веревочную лестницу наверх.

На ходу делая зарядку, из тайной комнаты вышла Пелагея. Она возилась с Теорой, как с родной дочерью. Поила липовым чаем с лимоном и медом, меняла компрессы, следила за температурой. То ли наконец-то подействовали травы, то ли организм справился самостоятельно, но после завтрака Теора уже могла ходить. Правда, держась за стенки.

Однажды она чуть не свалилась с лестницы. И если бы не Юлиана, ей, скорее всего, пришлось бы накладывать гипс. От второй тени помощи не предвиделось. Плоская, несколько не окрепшая, она скользила за Теорой, изредка помахивая корутом. Пелагее стало совестно. Ее прикосновение ничего не дало.

Скажи ей кто-нибудь год назад, что тишина может тяготить, она бы не поверила. Ее огромная домашняя тишина всегда была целительной. А что теперь? Киприан спит в гамаке богатырским сном. Юлиана сидит и дуется, как мышь на крупу, потому что ее, видите ли, разбудили ни свет ни заря. Теора дергается при малейшем шорохе. Марта молча возится со стряпнёй и до сих пор злится на Пересвета за разлитую воду. А Пересвет притих наверху и строчит первую главу своей книги, попивая чай вприкуску с сухариками.

– Нет, так не пойдёт, – вслух сказала Пелагея. Обстановку следовало немедленно разрядить.

Она отложила недовязанный чулок, до которого в кои-то веки дошли руки, и прибегла к старому доброму ларцу с лунной пылью. Когда от пола до потолочного люка протянулась

блестящая, чистая лестница, Пелагея приподняла юбку и бегом помчалась по ступенькам.

Продравшись сквозь завалы одеял и подушек, она с горем пополам спустила гигантскую арфу. Арфа со звоном ударилась о доски и чуть не пробила пол. Зато стала прочно – не сдвинуть. Поманив лестницу пальцем, Пелагея превратила ее в пыль и ссыпала обратно в шкатулку. А шкатулку убрала в ящик тумбочки. Марта запомнила каждое движение и потом долго хвалила себя за то, что так удачно выглянула из кухни. Координаты шкатулки выявлены. И хоть в этом ларце нет блуждающих огней, с его помощью можно попасть на чердак.

События минувших дней всплыли в памяти как нельзя кстати. Перед тем как Марту сковало мертвенное бесчувствие, она собиралась прибрать к рукам шкатулку из резного дерева, где таилась невиданная сила. Сомнений быть не может. Блуждающие огни – на чердаке! И, похоже, их надежно охраняет запутанное сонное заклятие. А еще похоже, что на Пелагею заклятие не действует.

Нигде так хорошо не думается, как перед огнем с булькающим над ним котелком. А Марте было о чем поразмыслить. Поэтому она удалилась на кухню и приступила к варке куриного бульона, оставив все свои обиды за бисерной занавеской.

Тем временем Пелагея подкрутила колки и стала медленно перебирать струны. На изогнутой верхней стороне арфы

была выгравирована надпись: «Сладкозвучная». И, надо сказать, надпись не врала. Звуки арфы проникали в самую душу.

Бульон у Марты начал выкипать, а ей хоть бы что. Теора присела на ступеньке, подперев голову кулаком, и пустила слезу. А Пересвет отложил книгу и долго витал в облаках, прежде чем догадался, какого рода магией его отвлекают.

– Тебе бы на сцену! – крикнул он. – Любому виртуозу нос утрёшь! Но если будешь вот так играть, я в жизни писателем не стану!

Юлиана слушала, затаив дыхание, и выражение надутой мышцы постепенно сходило с ее лица, уступая место блаженной улыбке. Когда арфа умолкла, улыбку было не стереть. Приклеилась намертво.

– Как ты это делаешь? – безмятежно спросила Юлиана, не отводя глаз от потолка.

Пелагея до хруста размяла пальцы и потрясла кистями.

– Давненько к арфе не подходила. Руки уже не те. Законстенили, – сказала она. – А почему вы такие радостные? Произошло что-то хорошее, да?

Киприан проснулся к обеду, спустился в гостиную и первым делом сообщил, что ему приснилось затмение.

– Чертополох сушеный! – воскликнула Пелагея. – Ну и сны у тебя! Затмения снятся к несчастью.

– Мы имели несчастье ввязаться в твою войну с браконье-

рами, – заметила Юлиана. – Так что всё правильно.

– А к чему снятся пауки? – осторожно поинтересовалась Марта, разливая по мискам бульон. – Ма-а-аленькие такие, с белой паутины свисают и падают на кровать.

– Брр! – поёжился Пересвет. – Весь аппетит испортила!

Пелагея засунула ложку в рот, как ни в чем не бывало.

– Пауки? – переспросила она. – Они кого-нибудь ели? Плели коконы? Или так, баблужи били?

Юлиана с великим трудом проглотила остатки бульона и бросилась в ванную. Ей стало нехорошо. А Теора сидела, поглядывая на свое колечко, и робко улыбалась. На нитях гигантской паутины в ее новой чаше роса блестела и переливалась в свете солнца сотнями бриллиантов.

Сразу после обеда Пелагея раздобыла масла для подвесного фонаря, надела желтый брезентовый плащ и резиновые сапоги в цветочек.

– Будем поздно, – предупредила она. – Возможно, очень поздно. Нить-оберег на столе. Как стемнеет, пойдите кто-нибудь, обмотайте ею дом. А то любят сюда соваться всякие...

Так и не уточнив, кто конкретно любит соваться, она вместе с Киприаном выдвинулась в лес – портить охотникам капканы. По крыше без устали барабанил дождь. Теора прилипла к окну, над которым сушились мята со зверобоем, и понаставила на стекле своих отпечатков. Отпечатались подушечки пальцев, лоб и даже кончик носа.

– Можно погулять? – наконец не выдержала она.

Юлиана оглядела ее критическим оком.

– Что, отступила зараза? А ну, дай проверю.

Она заставила Теору показать горло, измерила пульс, давление. И только убедившись, что пациентка здорова, выпустила на улицу.

Спohватилась она, когда Теора уже вовсю кружилась под дождем и скакала по лужам. Вместе с нею кружилась и скакала вторая тень. Деваться тени было некуда.

Юлиана выбежала во двор и втащила девушку на крыльцо. Та успела промокнуть до нитки.

– Что творишь?! Совсем крыша поехала?!

Теора почувствовала, как наливаются кармином щеки, и чистосердечно призналась, что крыши у нее вовек не бывало.

– Мы без крыш живем. А капли, попадая на кожу, превращаются в бисер.

– Славные же у вас условия! Но... – Юлиана выдержала паузу и подняла указательный палец. – В Вааратоне многое отличается. Бисер из дождя здесь уж точно не добудешь. Посмотри, на кого ты похожа! Мокрая, хоть выжимай!

Заставив пристыженную Теору переодеться, она почувствовала себя хозяйкой дома и отправилась с ревизией на кухню.

Но Марте и без ревизии приходилось тяжело. Она, сама того не подозревая, перешла дорогу черному коту. Хотя переходить дороги – дело как раз таки кошачье. Чтобы ее не

сочли обузой, Марта взвалила на свои плечи бльшую часть обязанностей, включая готовку. И Обормот заимел на нее зуб. Варить и жарить силой взгляда было его любимым развлечением. А тут его буквально вытеснили с кухни, заставив часами лежать на диване и киснуть со скуки. *o*

Обормот был недоволен. В критические периоды затяжного безделья он подкрадывался к занавеске и двигал предметы оттуда. Бил тарелки, вываливал мусор из ведра и опрокидывал всё, что можно опрокинуть. Марта настрадалась, но виду не подавала. Когда Юлиана вошла, она преспокойно сметала в кучку осколки фаянсовой супницы и даже пыталась напевать.

– Неубедительно притворяешься, – сказала Юлиана и, схватив губку, принялась оттирать от плитки капли засохшего жира. Потом они плечом к плечу одолели залежи грязной посуды, надраили все горизонтальные поверхности и напекли оладий – таких, что пальчики оближешь.

На исходе дня Марта наконец-то смогла присесть на скамейку и утереть с лица пот.

– Ох, умаялась, – вздохнула она, комкая вафельное полотенце.

– Зато время как быстро пролетело, – заметила Юлиана. – Теперь надо бы дом обмотать нитью этой, как бишь ее... Защитной.

– Давай считалочку, – предложила Марта.

– Ну, нет, – отмела та. – Считалочки и жребии для трусов.

А я храбрая. И отчаянная. И собак у меня целых две. Эй, Пирог, Кекс! Айда на прогулку!

Юлиана прихватила со стола черный клубок нити-оберега, небрежно набросила на плечи пальто и вместе с псами ушла в мглистые сумерки.

А когда вернулась, застала Пересвета за методичным уничтожением запасов провизии. Начал он с печенья и булочек, затем плавно перешел к варенью, а теперь с аппетитом наворачивал любимое лакомство Юлианы – кедровые орешки.

– Ну, ты! Ну, я тебе! Мою заначку трескать! – с порога крикнула она и бросилась к Пересвету с твердым намерением его проучить. Кекс с Пирогом решили не отставать. Но парень развил небывалую прыть и сноровисто забрался в библиотеку, утащив веревочную лестницу к себе.

Понаблюдав с высоты за тем, как Юлиана бушует из-за орешков, он по-турецки скрестил ноги, почесал в затылке и остро заточенным карандашом написал окончание первой главы:

«Пока одни устраивают скандал на пустом месте, другие стоят за правое дело и не думают о себе. Им бы арний из силков вызволить да охотникам планы испортить. А почему охотников в лес посылает Грандиоз, надо еще выяснить».

«Навряд ли из пустой прихоти», – подумал Пересвет и сунул карандаш в рот.

Из дому Пелагея выходила с боевым настроением, но на первом же изгибе тропы поскользнулась и чуть не проборозди-

ла носом землю. Фонарь улетел в неизвестном направлении, Киприан получил нечаянный удар в челюсть. Зато Пелагея удержала равновесие.

– Сыроежки трухлявые! – в сердцах выругалась она. – Листьев нападало. И я руками размахалась. Ты уж не взыщи.

Киприан взыскивать не собирался. Он потер подбородок и заявил, что на нем любой синяк заживает в рекордно короткие сроки.

– А куда идти, хоть знаешь? – спросил он.

– Думала, ты знаешь, – выпучилась на него Пелагея. – Ты ведь у нас мастер-древовидец.

– И то верно, – кивнул Киприан. Он картинно завернулся в пурпурные одеяния, хотя красоваться было особо не перед кем. Резко повернулся вокруг себя и замер, прислушиваясь к тихой беседе сосен. Сосны негодовали. На ветви их дальних соседей опять нацепляли каких-то мешков с сетями. А у корней поставили железных челюстей.

– За мной! – скомандовал он и быстро зашагал в чащу. Пелагея бросилась его догонять, шлёпая по лужам в резиновых сапогах поверх полосатых чулок. Киприан свои чудодейственные чулки оставил дома.

Когда они очутились на месте, голова у обоих слегка кружилась. К небу тянулись толстые стволы – все друг на друга похожие, с пушистыми шапками игольчатых крон. Изредка попадались размашистые дубы и рябины с гроздьями красных ягод. Но охотники народ смекалистый и наблюдатель-

ный. Они установили силки на соснах, потому что арнии чаще всего садились именно туда.

– Ну что, поделимся? – предложила Пелагея. – Тебе одна часть деревьев, мне – другая.

– А справишься? – опасно спросил Киприан.

– Если буду падать, превращусь в горлицу. А произносить нужные слова ты меня уже научил.

Перепрыгнув через проползавшую мимо гадюку, она ободряюще улыбнулась.

– Тогда давай так и сделаем, – согласился Киприан. – Но в случае чего кричи.

Они разбрелись по лесу, условившись встретиться у дуба. Чтоб уж наверняка не потеряться, Пелагея привязала к дубу свою синюю ленточку для волос.

Арнии бились в силках, рискуя повредить крылья, и плакали, как дети. Пелагея выпускала их по одной. Становилась лицом к сосне и на древесном языке вежливо просила спустить ветви. Сосны проявляли удивительную покорность. Им и самим не терпелось поскорее избавиться от груза.

Когда дождь слабел, начинали роиться и надоедливо жужжать над ухом комары. Испив кровушки человека-клёна, они моментально падали замертво. А вот кровь Пелагеи пришлась им по вкусу.

«Сла-а-аденькая, – пищали они. – Устроим, братцы, пир горой!»

И чем ниже садилось солнце, тем сильнее пробуждался

у них аппетит. Под конец у Пелагеи зудело всё тело. Даже непромокаемый плащ не спасал.

– Десять арний, – подсчитывала она, почесывая левую лопатку. – Из них две раненых – вылечила. Три капкана под папой листвою обезврежено. Интересно, как там Киприан поживает?

Киприан тем временем выпустил из ловушки двадцать третью арнию и со спокойной душой разломал девятый по счету капкан.

– Пожалуй, на сегодня хватит, – сказал он.

– Пожалуй, на сегодня хватит, – сказала Пелагея и огорчилась, что фонарь улетел в неведомые края. Сейчас бы зажечь огонь да осмотреться. Ночью чудеса и опасности ходят бок о бок. Например, маленький милый ёжик, который копошится в черничнике, и разъяренная дикая свинья.

Минуточку! Разъяренная дикая свинья?!

Услыхав хрюканье и визг, Пелагея бросилась наутёк. Свинья поняла, что ее боятся, хорошенько принюхалась и с удвоенным хрюканьем рванула следом. Вторым чудом после ёжика стал тот факт, что Пелагея сумела отыскать в темноте дуб с ленточкой. Припомнив фразы, какими принято умащивать деревья, она обняла дуб и взмолилась:

– Склони ветви, о, могучий повелитель зверей и букашек! По всему лесу гремит твоя слава! Соки в тебе текут благородные, а жёлуди я собираю в отдельную коробочку, чтобы их не съели свиньи, и тщательно проращиваю в тепле.

Речи дубу польстили, но кое-что всё-таки не понравилось. Пелагея напрасно его обняла. Он был из тех гордецов и недо-трог, которые и корнем не пошевелят, если к ним прикос-нуться.

В общем, дуб прикинулся глухим. И Пелагее ничего не оставалось, кроме как лезть наверх самой. Дикая свинья опоздала. Несмотря на ярость, она всё-таки была неповоротливой. Пелагея забралась повыше, крепко вцепилась в ветку и замерла. Но свинья не собиралась сдаваться раньше вре-мени. Чего у нее было не отнять, так это упрямства.

Она забежала туда-сюда у подножия дуба в предвкушении, что добыча сама на нее свалится, и между делом лакомилась желудями. А Пелагея беспомощно висела на ветке. Живот урчал, сообщая, что пора бы уже и подкрепиться. Желтый плащ-дождевик порвался, а в кроне, как назло, опять зашу-мел ливень.

– Хрюшка, уходи! – в отчаянии крикнула Пелагея.

«Хрюшка» под дубом по-свински захихикала. Нет, уходи-ть она не собиралась. И если бы не стрела, метко пущен-ная из лука, сидеть бы Пелагее на дереве до скончания века.

Свинья надрывно завизжала. Заметалась, врезалась в ствол, точно слепая. Дуб дрогнул всей своей несокрушимой массой. На землю посыпались листья. И Пелагея только чу-дом удержалась на ветке. Третье чудо за сегодня.

Сочтя, что одной стрелы недостаточно, невидимый луч-ник снова натянул тетиву и попал зверю прямиком в голову.

Визг прекратился, а из зарослей выпрыгнула рослая женщина в облегающем водонепроницаемом костюме, прямо как у аквалангиста. Она бросила лук на землю и наклонилась проверить, чисто ли дело сделано.

– Удачная вылазка, – совершенно обыкновенным голосом сказала она. Так говорят на светском приёме или в ресторане за ужином, когда заказывают блюдо от шеф-повара. – Уж папаша меня похвалит.

Затянув петлю у свиньи на шее, она поволокла дичь на тугом канате в непроглядную тьму. Пелагея боялась, что с ней поступят точно так же, поэтому крепче вцепилась в ветку, стиснув зубы и до предела напрягши мышцы. Дождь шелестел в листве, охлаждал спину, стекал с капюшона на лицо. Казалось, прошла бесконечность. Пелагея неотрывно смотрела на то место, где бесконечность назад убили ни в чем не повинного зверя, и тихо плакала вместе с небом.

Киприан возник у дуба черной фигурой в черных одеждах и глянул наверх.

– Эй, ты что там делаешь? – удивленно спросил он. – Слезай уже! Долго меня ждала?

Пелагея не ответила, только головой помотала.

– Не слезешь? Ну так я тебя сниму.

Одно неловкое движение – и она соскользнула, свалившись прямо Киприану в руки, словно большой, очень большой желудь. Киприан качнулся, но на ногах устоял.

– Просил же, если что случится, кричать, – с легким уко-

ром сказал он. Выяснилось, что Пелагея и двух слов связать не в состоянии.

– Убила хрюшку... Пустила стрелу и... – Во время паузы она всхлипнула. – Как же так, а?

– Ты, что ли, убила? – изумился Киприан.

– Не я...

– Стало быть, охотники. Но они убивают, чтобы прокормиться.

– Не охотники, – с трудом вымолвила Пелагея. – Женщина здесь была. Зоркая, стреляет без промаха, и тьма ей не помеха. Но зачем женщине, да еще среди ночи?..

Последнюю фразу она произнесла бесцветно и глухо, словно вот-вот сомлеет. Киприан перехватил ее поудобнее, смирился с тем, что рыжая шевелюра так и будет липнуть ко лбу, и помчался через лес, норовя обогнуть само время.

Дома ее укрыли тремя одеялами, дали кипяченого молока с мёдом, а Юлиана собственноручно поставила ей горчичники в шерстяные носки.

– Сегодня я повстречала три маленьких чуда, дикую свинью и женщину, которая убивает ради забавы, – слабо сказала Пелагея.

– А еще она с дерева упала, – добавил Киприан. – Почему, спрашивается, в горлицу не превратилась? Меня ведь могло рядом не быть.

– Да, почему? – встрял Пересвет, хлопая глазами.

– Чтобы стать горлицей, надо трижды вокруг себя повер-

нуться. А когда падаешь, мысли совсем о другом, – призналась Пелагея. – И сноровки никакой.

Киприан сдержанно рассмеялся.

– Мы вывели из строя много ловушек. Арнии охотникам не достанутся. Так что теперь нам положен полноценный отдых.

Марта сообразила, что настал ее черед, вышла в гостиную с серебряным подносом и любезно осведомилась:

– Против оладушков не возражаете?

Теора переменялась в лице, как будто ее только что нарекли королевой всех миров и пообещали, что отныне не будет ни мора, ни голода.

– Иноземные угощения! – вскричала она. – Всегда мечтала отведать!

Она потянулась к подносу, но Марта легонько хлопнула ее по руке, и девушка вспыхнула от смущения.

– Сначала пусть хозяйка отведает, – с улыбкой сказала Марта и сладко обратилась к Киприану. – Вы тоже, сударь, заслужили.

Юлиану кольнуло нехорошее чувство, но она тотчас его подавила. После того как проведешь с человеком полдня за вылизыванием кухни, начинаешь относиться к нему с гораздо большим пониманием.

15. Неудачная охота

Завидев Селену, сторожа отвесили по поклону, расступились и без единого звука отперли ворота. Помесье Гранди-

оза пленяло воображение. Выстроенное из темно-красного кирпича на участке в десять гектаров, оно поражало изяществом, тонкостью архитектурных линий и тщательностью, с какой был отделан каждый сантиметр фасада. Всё, что к фасаду не относилось, давным-давно пришло в упадок и имело жалкий вид.

Селена криво усмехнулась, натянула веревку и поволокла свинью по выложенной гравием дорожке. Во мраке металось пламя высоких факелов, воткнутых по периметру аллеи. Очередная причуда Грандиоза. Он приказал выбросить газовые фонари на свалку и заявил, что поместье ночью куда внушительней смотрится в бликах неукротимого пламени.

От недавнего азарта не осталось и следа. Селена заставила себя сделать еще несколько шагов, кое-как добрела до мраморной лестницы и опустилась на ступени, переводя дух. Теперь добыча не внушала ничего, кроме отвращения.

– Молодая госпожа, Великий ждет, – услужливо проговорил лакей и отворил дверь в залитый светом холл. К чему громкие звания, подумалось Селене, когда Грандиоз с пеленок знает все ее слабости? Как-никак, родной отец.

Она поднялась и перебросила веревку через плечо. Слуга кашлянул.

– Прошу прощения, этот зверь...

– Зверя не трогать, – резко сказала она и вздернула брови. С ее мимикой можно было бы смело идти в актрисы, но Селена выбрала скитания по лесам.

– Вот, – сказала она, представ перед Грандиозом в своем облегающем темно-синем костюме. – Я освоила саблю и копье, попадаю ножом в цель с двадцати метров и стреляю из лука получше твоего телохранителя.

Она ударила околевшую свинью ботинком на толстой подошве и сложила руки на груди.

– Выдай мне ружье, завтра я отправляюсь с охотниками! – потребовала Селена.

Грандиоз выслушал ее с отстраненным выражением лица и даже бровью не повел, когда речь зашла о ружье. Он увлеченно разглядывал подарки поклонников: серебряные ложки, обитые бархатом шкатулки, флаконы заграничных духов.

– Ружья не будет, – равнодушно сказал он. – Лучше, вон, духи попробуй. Как тебе, а?

От возмущения лоб у Селены покрылся морщинами, точно кожа зрелой чинолы. И Грандиоз с поспешностью добавил:

– Я, конечно, ценю твое стремление к превосходству. Ты выделяешься среди других. Но пора бы уже остановиться, не думаешь? Ты могла бы стать полезной здесь, а грязную работу предоставь подчиненным.

Видя колебания дочери, он решил применить самое верное средство:

– В отличие от Гедсона, ты не размениваешься на мелочи и не тратишь время на ерунду, вроде скрипки. Тебя ждет великое будущее.

Лоб у Селены мгновенно разгладился. Она всегда выигрывала в сравнении с младшим непутевым братцем. Пока тот часами пиликал смычком по струнам, она оттачивала навыки в боевых искусствах и метании холодного оружия. Ее тело приобрело гибкость. Ум, надо полагать, тоже. Ее прозвали богиней кинжалов, и Селена страшно гордилась собой. Любая лесть для нее была сродни сладкому бальзаму, который пить бы и пить.

– А сестра твоя, Рина, – продолжил Грандиоз. – Последи за ней, будь добра. В последние дни она редко бывает дома. Вечно в полях пропадает. И смотри, чтоб она не вздумала в подземелье сунуться. Такой, как она, только дай повод, сразу разнесет по городу сплетни. Я могу доверять только тебе.

– Хорошо, отец, – сказала Селена. Тряхнула копной черных волос и, расстегивая на костюме молнию, двинулась к себе.

На полке у зеркала дремало последнее новшество – телефон с трубкой, похожей на душевую лейку. Селена зажгла керосиновую лампу и взгляделась в свое отражение. Опять эти ненавистные веснушки! Когда только успели появиться?!

Намазав щеки приличным слоем отбеливающей смеси, она выдвинула ящик и потрясла коробку с басмой. Пора бы пополнить запасы. Покажешься на людях с волосами мышиного цвета – и всё, прощай, титул богини.

Нет, ей, и правда, стоит больше за собой следить и попечаться о репутации. А пробираться по глуши в грязи, мокнуть

под обложными дождями и стрелять дичь занятие не для знатных особ. Что отец говорил насчет сводной сестры? Проследить, от поисков отвадить, о передвижениях доложить. Повесив костюм сушиться, Селена зарылась в одеяла и во весь рост вытянулась на кровати. Завтра она проснётся по первому же сигналу с патрульного дирижабля и двинется по сестрицыным следам.

Только вот завтра наступило, на дирижабле протрубили раз, другой, а Селена как лежала, так и продолжала лежать. Она вскочила с безумным видом, лишь когда в дверь постучалась горничная. Часы показывали десять утра, на голове творился бардак, веснушек после крема высыпало вдвое больше. Но бороться с ними было некогда. Наскоро переодевшись, Селена выбежала на задний двор к конюшне. Уска-Калы там не обнаружилось.

Город ожил еще в восемь, забурился потоками безлошадных экипажей ближе к девяти и пришел в относительно устойчивое состояние, когда добросовестные клерки, секретари и помощники директоров заняли свои рабочие места. Ученые корпели над докладами, студенты шептались на лекциях, изобретатели мастерили причудливые конструкции.

Рина была далеко от всего этого. Невзрачные цветы обочин и пустырей провожали их с Уска-Калой к подвижным горам. Дорога сбегала в низины, весело поднималась на холмы, огибала небольшие рощи и уходила за горизонт. Прямо по курсу медленно плыла на запад аметистовая гряда обла-

ков. Но Рина знала: на запад плывут вовсе не облака, а настоящие горы с пещерами, опасными перевалами и захватывающими дух пропастями.

Говорят, будто в одной из пещер растут деревья с драгоценными камнями вместо листьев. Иные – что на дне той пещеры темнеет озеро без дна. И кто в озеро нырнёт, обретет дар предсказывать судьбу. Третьи считают, в пещере можно отыскать любовь всей своей жизни. Что уж греха таить, Рине не помешали бы ни камни, ни пророческий дар, ни любовь.

Разжившись самоцветами, можно проститься с бедностью, купить особняк где-нибудь на берегу Глубокого моря и зажить вдали от семейства, где тебя ни в грош не ставят. Талант предвидения пригодится в любом случае. Ну, а третье... Рина зажмурилась и крепче сжала уздечку. Преданное сердце никогда не утратит цены.

В «Синем маяке» по случаю своих именин хозяин закатил пирушку. Он бесплатно подливал посетителям пива, горлачил застольные песни, резался в карты и чуть было не проиграл собственную жену. Жена, конечно, не простила и отдубасила его скалкой под дружный хохот. Спустя час хохот сменился шумными спорами, за которыми последовала пьяная потасовка.

Дерущихся разнимал сам старейшина. Он пришел в кабак с друзьями – персонами, в обществе довольно заметными. Атмосфера «Синего маяка» напоминала им о прежних,

беззаботных временах, когда тоска была всего лишь словом, а солнце светило чаще. Скрипучие стулья, поющие половицы; дверь, мяукающая на несмазанных петлях, – старейшина помнил каждую мелочь. За тридцать лет перемены кабак почти не затронули. Разве что бочек с пивом прибавилось, да бармен усы отрастил.

Окна с деревянными подоконниками не мыли с позапрошлого года, на стенном ковре со скрещенными саблями, как обычно, пиrowала моль. Туманные личности за столиками, пройдохи, бездомные – старейшину успокаивал их диковатый и безумный вид. Его умиротворяли даже драки.

– Не брани их, барин! Пускай пар выпустят, – снисходительно сказал он хозяину. – Я тоже по молодости был горазд кулаками помахать. Да-а-а, лихие времена, барин, мы с тобой пережили: дворцовый переворот, исчезновение короля, восстания, казематы. Многих тогда сослали на острова. А сейчас что, барин? Тишь, благодать. Нового короля, говорят, никто в лицо не видел. Но главное что, барин? Налоги он не дерет, указы у него сносные. Видать, о благе народа печётся.

Хозяин с бурой физиономией рассеянно покивал, прихлебнул пива и напрочь забыл потребовать у забияк возмещения за испорченную мебель да расколотую вдребезги вазу.

Вот потому-то старейшину и любили, а если надо, стояли за него горой. Он умел вовремя отвлечь.

За столиком по соседству собралась разношерстная пуб-

лика: заросший щетиной бродяга, худая скуластая старуха с пронизательными глазами-щёлками, пузатый лысый владелец золотого брегета и жеманная дама. Все взоры были направлены на жеманную даму, вернее, на ее руку. По руке гадал дед Яровед.

– Ваше будущее словно калейдоскоп! Новые люди, новые события. Вы окажетесь в центре внимания, в окружении славы и почета. А еще я вижу розу... – Тут Яровед прервался, постаравшись придать своему лицу выражение крайнего удивления. Его глаза вылезли на лоб, куцая седая бороденка затряслась, и он продолжил с придыханием: – Роза от важного мужчины. О да! Этот незнакомец перевернет вашу жизнь! «Сделает вас человеком», – чуть было не ляпнул Яровед, но вовремя спохватился.

Юная особа вырвала благоухающую духами руку из дряблых рук прорицателя и бросила в коробку несколько монет. Дед живо выгреб деньги, заработанные на предсказаниях, рассовал по карманам и переместился к барной стойке, где потребовал выпивки.

– Шумно сегодня в «Синем маяке». Хозяин, что ли, угощает? – празднично поинтересовался он.

Усач за стойкой напустил на себя серую скуку, хотя минутой раньше хохотал над услышанной из зала пошлой шуткой.

– Уже не угощает, – сказал он Яроведу. – Когда музыкантов пришлешь, дед? Обещаниями сыт не будешь. Я еще на прошлой неделе приглашения разослал. У дочки свадьба

ВОТ-ВОТ.

– Пришлю, пришлю, – замахал руками Яровед. – Со дня на день непременно будут! Но сам ведь знаешь, люди искусства пошли несговорчивые. Предоплаты требуют.

– Ах, предоплаты?! Им прежней мало?

– Гитарист подхватил простуду. На лекарства не хватает, – как можно убедительней ответил старик.

Усач нагнулся и исчез под стойкой, после чего раздраженно припечатал к столешнице пачку купюр.

– На лекарства должно хватить. Только смотри, чтобы на этот раз непременно явились! – стукнул кулаком бармен.

– Какие вопросы?! – заюлил дед. Пачка мгновенно утонула в кармане его поношенного пиджака. Яровед даже пересчитывать не стал.

Из «Синего маяка» он вышел в отличном расположении духа. Ни по руке, ни на кофейной гуще теперь можно было не гадать. Он и без того знал, чем обернется его очередная ложь. Но прежде он будет кутить на протяжении целой недели и разок, а может быть, два сходит на концерт Грандиоза, которого все так хвалят.

«Ну и глупец этот бармен, – подумал Яровед. – Клюнул на каких-то музыкантов! Его ничего не стоит обвести вокруг пальца!»

В другом кабаке он, как следует, обмыл нечестную сделку и вернулся в съемную комнату пьяным вдрызг. Личных вещей у него почти не было. Всё равно скоро опять съезжать.

Как только станет ясно, что его обещания сплошной обман, а предоплата – способ выманивания денег, Яроведу пришлют повестку в суд. Начнутся тяжбы, разбирательства и бесконечная головная боль. До суда Яровед с внучкой должен сбежать.

Внучка – десятилетняя Майя – встретила его в слезах. Она сидела на смятом покрывале и рыдала в три ручья. Ее любимую тряпичную куклу разорвал хозяйский пёс.

– Ревет, опять ревет, дурёха, – проворчал дед, вступая в единоборство с подвернувшимся под руку шкафом.

У шкафа не было шансов. Когда Яровед напивался, старческое бессилие странным образом его покидало. Он мог свернуть шею первому встречному – и не заметить. Согнуть кочергу – и решить, что так оно и было. Когда он уперся руками в шкафную створку, та затрещала, отломилась и полетела на пол, хлопнувшись прямо перед Майей. Девочка вздрогнула и затихла, а в следующую секунду разразилась буря.

– Чем ты занимаешься, пока я работаю? – прикрикнул дед на внуку и сбросил поношенные башмаки. От них шла ужасная вонь. – Давай, чисти!

Майя послушно взяла башмаки, на коленках подползла к комоду за щеткой и случайно ее уронила. Яровед весь затрясся от гнева. Задрожала куцая борода, лицо перекосила гримаса ярости, и он порывисто выхватил из штанов ремень с тяжелой медной пряжкой. Пряжка оцарапала Майе

руку, больно ударила по спине и оставила на боку пару лиловых синяков. Яровед замахнулся снова, но девочке удалось увернуться. Она выбежала на улицу, под проливной дождь, с глазами, полными ужаса, всё еще прижимая к животу дедов башмак. Что ж, зато теперь Яровед ее не догонит. Разве только в тапочках.

Она мчалась мимо одиноко горящих газовых фонарей, по каменным улочкам, где не росло ни единого дерева, под которым можно было бы укрыться. В дырявых шортах чуть выше колена и легкой майке она вымокла и продрогла за считанные секунды.

Спрятаться в подъезде? У Майи возникала такая мысль. Но в подъездах таился густой мрак. По словам соседки, по ночам там ошивались привидения, вурдалаки и люди с нечистой совестью. А лес – такой добрый, такой родной. Девочку почему-то непреодолимо тянуло к Сезерскому тракту. И тому была причина. Несмотря на дождь, Мерда учуяла неприкаянную душу и позвала сквозь расстояние.

Спотыкаясь и оскальзываясь на камнях, девочка едва на нее не налетела. Когда Мерда развернулась, когда растопырила руки с узловатыми пальцами, Майю объял леденящий страх. Ее пронизывал ветер, с неба на нее бесконечным потоком лилась вода. Царапины кровоточили, из-за холода боль от синяков почти не ощущалась. И страх этот окончательно лишил ее воли.

Мерда надвинулась и нависла, светя глазами, точно лазе-

ром. Майя из последних сил ухватилась за край каната, который связывал ее с реальным миром. Мерда уверенно тянула с другой стороны. Сегодня она наконец-таки насытится. Сегодня ей перепадет чистый детский разум... Она приготовилась рвануть канат на себя, но его обрубил в самый неподходящий момент.

Девочку выхватили из «объятий» Мерды, перенесли под сень деревьев и обернули, как полотенцем после купания, сухой тканью. Майя услышала громкое дыхание своего спасителя, и идущее от него тепло понемногу рассеяло тревогу. Дождь по-прежнему лил как из ведра, шуршал по тонкой клеёнке, а на ткань не попадал.

– Теперь она бессильна, – прозвучал ровный, спокойный голос. – Не бойся. Мы не дадим тебя в обиду.

16. Лекарство от грусти

Больше голос ничего не сказал. Майя очень хотела не бояться. Она моргнула раз, другой. Зажмурилась и приоткрыла глаза. На нее из туманной мглы с неимоверной прытью неслись черные стволы-колонны и ветви кустарников. Но она оставалась неуязвимой.

Киприан доставил ее домой в целости и сохранности. Не на съемную квартиру, конечно нет. Майю встретили блинами, березовым соком и вареньем из дикой вишни, что растет на склонах холмов. Ее встретил веселый, трескучий огонь в камине, важный кот Обормот, две любопытные собаки и красивая девушка с волнистыми белыми волосами, похожая

на волшебницу.

Из-под пшеничной чёлки на Майю таращился паренёк с карандашом за ухом. Рядом расхаживала дама в вечернем наряде, который напоминал панцирь блестящего зеленого жука. Из-за всего этого внимания девочка не выдержала и потупила взгляд. Да, так лучше. Смотреть в пол или на симпатичные мордочки псов.

А потом она увидела юбку с оборками. Было сложно определить, сколько у юбки слоёв. Но от ее владелицы исходил такой безбрежный покой, что Майя вновь подняла глаза. Пелагея незамедлительно вручила ей чистую сменную одежду и провела в ванную, где долго терла губкой с лавандовым мылом. К великому удивлению Майи, ни синяков, ни царапин на коже не обнаружилось.

– Ты прямо как чувствовал, – сказала Юлиана, поправляя Киприану кленовый венок. – Капканов не нашел, зато спас ребенка от Мерды. Удачная вылазка. А мы уже которую ночь нормально не спим.

– Романтика! – заулыбалась Марта.

"Ага, особенно мешки под глазами и хроническая усталость", – чуть было не съязвила та.

Марта сидела за столом, у тарелки с блинчиками, опиралась подбородком на сплетенные пальцы рук и бросала на Киприана восхищенные взгляды. Затем ни с того ни с сего переместилась на диван и взяла человека-клёна под локоть.

– Вы, сударь, настоящий герой! – с восторгом сказала она.

Киприан польщенно улыбнулся. А в Юлиане закипела злоба, которую она так тщательно пыталась скрыть. И неизвестно, чем бы всё обернулось, не выйди из ванной Пелагея.

– Друзья мои, – объявила она. – Нам понадобится еще одно одеяло! Для девочки.

– А как девочку-то хоть зовут? – спросила Юлиана.

– Не говорит она. Всё только плачет.

– Плачет? – округлила глаза Теора. Она играла на полу с Кексом, бросая деревянную косточку, чтобы тот ее принес.

– Никак не успокоится, – подтвердила Пелагея. – А ты иди, давай, спать. Утро, вон, уже не за горами.

Она направилась к тумбочке и вытащила ларец с лунной пылью. Марта рывком поднялась на ноги.

– Можно, я с тобой?

– Куда? На чердак? Ну, нет. На чердаке ты мигом уснёшь. Потом добудись тебя, попробуй.

«А я скоренько, на пару секунд. Туда и назад», – едва не брякнула Марта.

Произнеси она это вслух, и начались бы бесконечные распросы. Всплыла бы информация о блуждающих огнях, а там пиши пропало. Марту осудят, выгонят из дома в ливень и тьму. Разве ж правильно на чужое добро зариться, пусть даже об этом добре сама хозяйка не знает? Но у Марты выбора нет. Однажды, правдой-неправдой, она всё-таки попадет на чердак. Пелагея и понятия не имеет, что пригрела воровку.

Отправив ее отдыхать, Пелагея поднялась по хрустальной, лунной и еще неведомо какой лестнице, пошуровала на чердаке и добыла лоскутное одеяло из верблюжьего пуха. Оно было сшито из квадратиков всех возможных расцветок. А на квадратиках красовались белые зигзаги, волнистые линии, крапинки и звездочки, похожие на звезды в глазах кота Обормота. Укроешься таким одеялом – позабудешь все горести одним махом.

После купания Майя почувствовала дикую усталость и без задних ног завалилась спать. Ее поместили в комнату с бесконечностью вместо северной стены. Спели для порядка колыбельную (первую колыбельную в ее жизни) и чмокнули в лоб.

Именно так должен был бы кончаться каждый ее день. Но вышло иначе. Дед забрал ее у родителей, потому как те, по его мнению, не умели воспитывать. Он оказался слишком строг, не в меру требователен. А потом запил, начал обманывать и влезать в долги. Стоило на горизонте замаячить кредиторам, Яровед срывался с места и уезжал вместе с внучкой первым же поездом. Так они и скитались по всему Вааратону.

Сегодня, несмотря на встречу с Мердой, Майя впервые была счастлива.

Пересвет подождал, пока ее уложат, поглядел вокруг и, заявив, что ночь – самое время для творчества, принял многозначительный вид.

– Пойду поработаю над отрывком, – важно сказал он. Теперь это была его любимая фраза.

Марта, засыпая, только хмыкнула. Когда сон вступил в свои права, ей привиделись блуждающие огни. Один за другим они проникали в тело сквозь ноздри, уши, рот, делая ее огромной, как гора. Она превращала камни в крошку всего лишь нажатием пальца. Подошвами сандалий давила экипажи, как мышей. И водила ладонями над крышами городских построек, словно так могла определить, где поселился подлец, продавший в рабство ее семью.

Его квартира среди сотен других квартир отыскалась на удивление легко. Но сорвав крышу с кукольного домика, Марта содрогнулась от отвращения. Внутри копошились мелкие букашки с перепончатыми крыльями. Раздавить их, всех до последней! Она осуществляет свое намерение с приходом незваной зари. И видение растворяется, как растворяются в глубинах сознания ничего не значащие сны.

Несмотря на потрясение, девочка проспала до обеда, так что Пелагея уже начала волноваться, не случилось ли чего. Но Майя пулей выбежала из тайной комнаты, едва почуяв запах борща. Пока она спускалась по лестнице, Теора смотрела на нее во все глаза. Девочка двигалась слишком уж угловато. Она, как филин, вжимала голову в плечи и боялась встречаться взглядом с людьми.

Чего не скажешь о котах. В гостиной дорогу ей нагло преградил кот Обормот и решил отточить свои навыки гипно-

за. Но не тут-то было. Пелагея схватила его за шкурку и под протестующее шипение выбросила во двор.

– Всё равно прыгал через меня с первых петухов, – отшутилась она. – Давно пора проветриться.

Майя выглядела вялой и подавленной. Как будто не ее вчера откармливали блинчиками и купали в родниковой воде.

– Присаживайся, – пригласила Марта, похлопав рукой по скамейке. Девочка двинулась было к ней, но потом передумала. Худоба, короткая черная стрижка и острый подбородок сообщали Марте некоторую строгость. Почти так же выглядела хозяйка, чей пёс превратил тряпичную куклу в ошметки.

– Да что скамейка! – обворожительно улыбнулся Киприан. – То ли дело диван!

Улыбка эта появлялась у него невзначай по любому поводу и пронимала Марту до мурашек, как холодный, но многообещающий апрельский ветер.

Майя с готовностью уселась рядом с Киприаном, однако по-прежнему молчала.

– Так как тебя звать? – Приблизилась к ней Юлиана. От Юлианы веяло страстью к путешествиям и разным новомодным штуковинам, которые создают в городе инженеры-механики. – Как-как? Майя? Очень красивое имя! – одобрила она. – А где твои родители? Или, может, бабушки, дедушки?

При слове «дедушки» нижняя губа у Майи задрожала.

Дёрнулись плечи, на щеках проступили красные пятна. И девочка ударилась в слёзы.

– Ну вот, что ты наделала? – с мягкой укоризной сказал Киприан.

Здесь Пересвет ввернул бы, что без веской причины маленькие девочки не разгуливают по улице ночью и что у нее наверняка нелады в семье. Но Пересвет ушел в дом печати и обещал быть не раньше семи вечера.

Майя между тем судорожно глотала воздух, захлебывалась слезами и останавливаться, судя по всему, не собиралась.

– Горе ж ты луковое! – воскликнула Юлиана и в два прыжка очутилась у летающей кровати. На приделанном к изножью крюке висела сумочка, где хранились незаменимые вещи. Например, разноцветные гольфы Киприана, которые однажды вернули его к жизни.

Незаметно спрятав гольфы в карман юбки, Юлиана ринулась в сени и приволокла оттуда складную ширму. Марта с Пелагеей переглянулись: что она задумала?

– Пуговицы! – потребовала Юлиана. – Четыре штуки!

Пелагея помчалась за пуговицами, как будто от них зависела ее судьба.

– Иголку! – раздался из-за ширмы звонкий командный голос. За иглой побежала Марта.

– Нитки! – Катужку ниток принёс в зубах Пирог. Он так энергично вилял хвостом, словно сейчас из ниток, иглы и

пуговиц вот-вот получится связка вкуснейших сосисок. Но получилось кое-что другое.

– А теперь замрите! – объявила Юлиана. – Представление начинается!

Из-за ширмы выскочила разноцветная глазастая змеюка и заговорила человеческим голосом.

– Ну-ка, кто тут у нас сырость развёл? – пискляво осведомилась она. – Ага! Майя, болотная царевна!

Девочка при появлении змеюки забыла, как плакать, и едва не разучилась дышать. Челюсть отвисла сама собой. Рядом с куда более комичным видом сидел Киприан.

– А чего, спрашивается, устраивать болото, когда руки-ноги на месте? – спросила змеюка. Она изогнулась и поползла налево. – У меня-то ни рук, ни ног. Даже глаза ненастоящие.

Последнее признание стоило змеюке одного выпавшего глаза. Пуговица отвалилась, упала в «зрительский зал» и некоторое время в полной тишине катилась по полу, прежде чем Кекс прихлопнул ее лапой.

Тут Марту и Пелагею одновременно скосил припадок хохота. Они схватились за животы и сползли под стол.

– Эй! Это же мои счастливые гольфы! – крикнул Киприан, когда вторая змеюка вылезла из норы погреться на солнышке. Заприметив первую, она приняла оборонительную позицию и простуженно сообщила:

– Пограничная зона! Покажите ваши документы!

Чтобы озвучить второго персонажа, Юлиана заговорила в нос, изобразив чужеземный акцент.

– Я одноглазый пират! Какие могут быть документы?! – возразила полосатая змеюка под номером один.

Теора залилась смехом – тонким и чистым, как звон колокольчика. Похоже, ее тень тоже веселилась от души. Только Майя была блее бумаги и боялась шелохнуться, словно на спектакль за ней явился мрачный жнец с косой. Неожиданно Киприан сорвался с места. Метнулся в сторону пурпурно-рыжим ветром и спрятался за ширмой. Напротив полосатого «пограничника» и одноглазого «пирата» из глубин вынырнул чужак в серой пижаме. Разноцветные герои Юлианы покосились на него с крайним недоверием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.